

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

ВОСТОКОВЕД

РОМАН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Торобов проснулся, выпадая из душного сна. Белоснежное окно с рога-
тыми яблонями, и на ветках, повторяя каждый сучок и изгиб, — волнистая,
как пух, бахрама.

После шестидесяти, выйдя в отставку, распрощавшись с сослуживцами,
нанеся прощальный визит руководству, Леонид Васильевич порвал с про-
шлым напрочь, навсегда. Замуровал прошлое в своей изнурённой, изрытой
памяти. Надвинул на него чугунную плиту, литую крышку. Заварил края,
завинтил болтами.

Он больше не раскрывал стеклянный шкаф, где хранились военные ат-
ласы, книги именитых востоковедов, этнографические альбомы и справочни-
ки с перечнем арабских племён, месторождений нефти, американских воен-
ных баз.

Теперь он жил один. Дети выросли и обзавелись семьями. Он не часто
встречался с ними. Они медленно, с годами, от него удалялись, и их связы-
вало тепло, которое соединяет родные души и не требует частых свиданий.

Теперь, в белизне зимнего утра, он небрежно натянул тесный поношен-
ный полушубок, нахлобучил высокую кожаную шапку, отороченную лисьим
мехом, которую жена называла “боярской”. Сунул в карман мобильник и вы-
шел в сад.

*ПРОХАНОВ Александр Андреевич родился в 1938 году в Тбилиси. Окончил Москов-
ский авиационный институт. Автор многих книг прозы и публицистики, романов
“Чеченский блюз”, “Красно-коричневый”, “Идущие в ночи”, “Господин Гексоген”,
“Крейсерова соната”, “Человек звезды”, “Время золотое”, “Убийство городов”,
“Губернатор”. Живет в Москве.*

Белизна была восхитительной и пугающей своей целомудренной чистотой. Снег пышными подушками лежал на столе и стульях, забытых в саду с осени. Чёрные ели с малиновыми шишками опустели к земле ветви и казались сутульями, нагнувшими плечи под тяжестью белых тюков. Любимая сосна молитвенно воздела руки с перстами, держала в объятьях огромный шар снега. Берёзы казались нарисованными на небе белым.

Сойка прилетела из леса и села в берёзу. Сверкнула ослепительной лазурью крыла. Сидела на ветке, чуткая, пугливая, поглядывая на Торобова острым глазком. Он замер от восхищения, любуясь её розово-сизой грудкой, сжатыми крыльями, в которых таилась райская лазурь, подобная той, что пламенеет на рублёвской Троице, рождает несказанное счастье. Он чувствовал близость сидящей на ветке птицы. Её маленькое дышащее сердце, горячую жизнь среди прохладных снегов. Мимолётность её пребывания на берёзе, драгоценность этих секунд, когда их жизни слились в одну, и он, соединившись с птицей, соединился с божественной тайной, ради которой вышел в заснеженный сад. Пугался, что сойка улетит, их жизни распадутся, и ему не откроется тайна. Всей своей душевной силой, всей молитвенной волей он удерживал птицу на ветке, продлевал их единство. Но птица начинала взлетать, бросалась в пустоту, распахивая на крыле божественную синеву. Лазурь брызнула ему в сердце, наполнила нестерпимой болью исчезающего счастья.

Голос в телефоне был вежлив, холоден:

— Леонид Васильевич, с вами говорит порученец генерал-лейтенанта Строганова. Фёдор Фёдорович просит вас приехать.

— Разве Фёдор Фёдорович забыл, что я в отставке? — Торобов сжимал в кулаке телефон, из которого раздавался голос, и ему захотелось стиснуть кулак, придуть голос, задавить эти отшлифованные, властные звуки.

— Фёдор Фёдорович просит, чтобы вы приехали, — голос был спокойный, гладкий, как хорошо полированная деталь, работающая в отлаженном механизме. В том, в который прежде был встроен Торобов.

— Почему Фёдор Фёдорович обо мне вспомнил?

— Мне не известны намерения руководства. Шофёр приедет за вами через полтора часа.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Приёмная, где Торобов не был несколько лет, преобразилась. Обрела фешенебельный вид, напоминала салон.

Навстречу Торобову поднялся помощник и любезным, бесстрастным голосом безупречного подчинённого произнёс:

— Генерал ждёт вас.

Отворил тяжёлую, из дорогого дерева дверь, пропуская Торобова в кабинет. И вид этого огромного кабинета, знакомого, сохранившего своё старомодное убранство, взволновал Торобова. Словно в этих стенах остановилось великое время, не подверженное порчам и роковым разрушениям. Всё те же смуглые панели, впитавшие дым исчезнувших табаков. Тяжеловесный стол под зелёным сукном, на котором мерцали хрустальные кубы чернильницы и темнели пятна давнишних чернил. Лампа под зелёным абажуром с латунной каймой, в которую были врезаны пятиконечные звёзды. В высоком шкафу с потускневшими стёклами неясно краснели тома с сочинениями основателя государства.

И только на стене висел портрет сегодняшнего президента, а не вождя с вишнёвой трубкой, дым из которой, казалось, сгустился в дальних углах кабинета.

Генерал в сером костюме и галетке с крупным модным узлом поднялся из-за стола и пошёл навстречу Торобову. И пока шёл, Торобов заметил, как за годы, что они не виделись, усохло и осунулось его лицо, лёгкие трещинки окружили глаза, от губ к подбородку стекли две тёмные морщинки, — ручейки близкой старости. Но лицо, как и у Торобова, оставалось смуглым от несмываемого загара пустынь, ударов сухих колючих песчинок.

— Товарищ генерал-лейтенант, полковник Торобов прибыл по вашему приказанию, — полусерьёзно он щёлкнул каблуками.

— Здравствуй, Лёня.

— Здравствуй, Федя.

Они обнялись, и Торобов почувствовал, как дрогнуло в его объятьях сухое тело Строганова, и тот чуть слышно вскрикнул от боли.

— Плечо, не отпускает который год, — виновато произнёс генерал, массируя сухожилие.

— Йеменская контузия? Я думал, она тебя отпустила.

— То легче, то ночами кричу. Клиники, врачи, целебные грязи, массажи. Даже к колдуну обращался. Здесь нашёлся один ливиец, который лечит песком Сахары. В кожаный мешочек сыплет горячий песок и прикладывает к плечу. Говорит, что песок сохраняет силу солнца. И мне, не поверишь, это помогает.

— Поезжай в Сахару и заройся в бархан.

— Я теперь, Лёня, зарылся в такой бархан, из которого, похоже, не вылезу. Садись.

Они сидели на тяжеловесных стульях с высокими дубовыми спинками, на которых были вырезаны гербы исчезнувшего государства.

— Зачем меня вызвал? Я от всего отошёл. Всё забыл. Ничего не хочу знать. Вчера читал Пушкина, “Сказку о золотом петушке”.

— А о чём сказка-то, Лёня? Куда петушок ни глянет, везде враждебная рать. Труба зовёт.

— Меня не зовёт. Руководству было угодно отправить меня в отставку. Ушёл, и дело с концом.

— Не в отставку, Лёня, а в действующий резерв. И то же самое руководство поручило мне вызвать тебя.

— В чём дело?

Строганов молчал, морщил рот, словно ждал, когда созреет на губах нужное слово. На стене жалюзи занавешивали карту Ближнего Востока, и Торобов сквозь тонкие пластины жалюзи видел лоскутную пестроту стран, каждая из которых рождала в нём зрелища городов, оливковых рощ, розовых и синих предгорий. В горячем тумане залива двигались танкеры, клубились рынки, бесновались толпы, сверкали зелёные изразцы минаретов, и он, в белой долгополой рубахе, шаркая сандалиями, шёл среди богомольцев, и истошно и пламенно звучал из лазури крик муэдзина.

— Ты, наверное, знаешь, как нелегко принималось решение бомбить ИГИЛ в Сирии. Разведка предупреждала президента, что в ответ последуют террористические акты в Москве, на Кавказе, в Поволжье. Армия и дипломаты настояли на проведении операции, и президент согласился. Спустя несколько дней, ты знаешь, после первых ударов по Алеппо и Хомсу, взорвался наш самолёт над Синаям. Двести тридцать пассажиров были первой платой, которую мы заплатили за начало боевых действий. Это был страшный удар по репутации президента. Я видел его на Совете Безопасности, он был чёрный, его лицо ходило ходуном. Он сделал открытое телевизионное заявление, где обещал уничтожить террористов, виновных в гибели самолёта. На закрытом совещании он приказал любой ценой найти террористов и истребить их, где бы те ни находились. Как это было в своё время с чеченцами, укрывшимися в Катаре. Тогда это была его личная месть. Теперь он хочет выложить перед народом фотографию с убитым главарём, совершившим подрыв самолёта. Мы знаем характер президента. Месть должна состояться. Либо руководство в ближайшее время справится с этим, либо полетят все наши генеральские головы. На выявление главаря брошена вся наша агентура на Ближнем Востоке, задействованы все наши связи.

— Вы что-нибудь узнали?

— Террористическая группа не имеет постоянной дислокации. Носит кочующий характер. Её возглавляет бывший майор иракской разведки, который при Саддаме Хусейне ведал закутками вооружений. После падения Саддама сидел в американской тюрьме, был использован ими для создания боевых суннитских групп в борьбе с проиранскими шиитами. Потом ушёл в ИГИЛ.

— Я работал в Багдаде с офицерами иракской разведки, которые занимались поставками вооружений.

— Поэтому я тебя и вызвал, — Строганов потянулся к тоненькой папке, лежащей на зелёном сукне. Извлёк фотографию и положил перед Торобовым. — Майор Фарук Низар, каким он был во время твоей командировки в Багдад.

Красивое продолговатое лицо с влажными выпуклыми глазами. Мягкие губы с чуть заметной улыбкой. Пушистые брови. Молодцеватые офицерские усики. То особенное арабское выражение мужественной романтичности и мягкой застенчивости. Это был он, Фарук Низар, с кем они сидели на берегу Тигра в рыбной харчевне, золотая рыбина, разрезанная и раскрытая, как книга, испекалась на углях. Воздух был золотой и синий, в тончайших волокнах предательства, которое витало над Багдадом, над садами, дворцами, мечетями, и солдаты клали на перекрёстке мешки с песком, оставляя амбразуру для пулемёта.

— Я знаю его. Мы были даже приятелями. Однажды я посетил его дом. У него была милая жена и маленький сын. Неужели он теперь в ИГИЛ? Если хочешь, я могу припомнить подробности нашего общения. Могу попытаться сделать его психологический портрет.

— Этого не нужно. Лёня.

— А что же нужно? Зачем ты меня позвал?

Строганов молчал. Морщился его рот. Дрожали у глаз лучистые трещинки. У самолёта медленно отламывался хвост, и люди сыпались, как семена из головки мака. Девочка вцепилась в мать, ветер рвал на обеих юбки, и казалось, они танцуют. Младенец летел рядом с люлькой, как крохотная личинка, выставив руки с растопыренными тонкими пальчиками. Старик нырял с развеянной бородой и огромным лбом, на котором держались очки. Юноша с выпученными от давления глазами парил, расставив руки, и вокруг него обмотался газетный лист. Все они летели, осыпались, ударялись о землю, превращались в мокрые кляксы. И горели среди колочек листы алюминия.

— Зачем ты вызвал меня?

— Руководство считает, что только ты можешь отыскать Фарука Низара и его уничтожить. Тем самым выполнить приказ президента. На тебя будет работать вся агентура. Посольства обеспечат тебя деньгами, паспортами, каналами связи. Но лучше бы ты всем этим не пользовался. По непроверенным данным, Фарука видели недавно в Брюсселе. Ты летишь в Бельгию.

— Я не могу. Я не молод. Не хочу возвращаться к прежнему.

Торобов слышал гул громадной воронки, в которой вращались изувеченные страны и обугленные города, регулярные армии и повстанческие отряды. Турецкая артиллерия била по сирийским горам, громя позиции курдов. Курды взрывали в Стамбуле рестораны и рынки. Растерзанная Ливия походила на тушу с окровавленными костями. Ирак дымился руинами Мосула, озарялся факелами взорванный нефтепроводов. Ливан посылал отряды Хезболлы под Алеппо, получал назад завёрнутые в саваны трупы. Русская авиация взлетала из Латакии, взрывала ИГИЛ, и отряды Джабхат-ан-Нусра жгли христианские храмы. Агенты спецслужб сновали по воюющим странам, проводя караваны с оружием, устраняя неудобных правителей.

— Это приказ, полковник.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вечером Торобов встречался с профессором Иерусалимского университета Шимоном Брауде. Их свидание проходило в Еврейском культурном центре, где чествовали кумира российских евреев, юмориста, чьи безобидные шуточки смешили, печалили, наставляли и предостерегали евреев. Еврейские писатели, коммерсанты, учёные были странно чувствительны к этим забавным афоризмам и притчам, воспринимали юморески, как священные тексты. Торобову было непонятно это обожание, он не находил шуточки смешными.

ми, но объяснял это дефектом своего восприятия, в котором отсутствовало какое-то важное звено.

Они сидели с Шимоном Брауде в кафе, за стеклянной стеной, сквозь которую был виден входящий в вестибюль люд. Это была еврейская элита Москвы. Блистали туалеты, причёски, лица, исполненные веселья, величия или пресыщенного самодовольства.

Шимон Брауде имел продолговатую голову, на которой красовалась бархатная кша, как чашечка жёлудя. Он был худ, в чопорном пиджаке, с прямым, как у дятла, носом и белыми холёными руками, на которых переливался бриллиант. Выходец из России, он прежде служил в израильской разведке Натив, которая агитировала русских евреев иммигрировать в Израиль. Занимался археологией хазарских древностей. Написал диссертацию о “еврейском факторе” в Русской революции. А теперь курсировал между Москвой и Иерусалимом, искусно продвигая через еврейские круги политические интересы Израиля.

— Сейчас, Леонид, когда русские самолёты бомбят “исламское государство”, вы поняли, что террористы “Хамас” и “Хезболлы” мало чем отличаются от террористов ИГИЛ? Ваши пристрастия к фундаменталистам дорого обойдутся России.

— Любезный Шимон, “Хамас” открыто осудил ИГИЛ, а отряды “Хезболлы” сражаются под Алеппо и Хомсом вместе с армией Асада.

— В любом случае, у нас с Россией обнаружилось на Ближнем Востоке общее дело.

— Один из влиятельных еврейских журналистов в Москве написал, что в этой войне не должна пролиться ни одна капля еврейской крови и ни одна капля еврейского бензина. Израиль будет делать еврейское дело русскими руками.

— Всё это полемический задор, Леонид. Не более. Израильские беспилотники определяют цели для ваших бомбардировщиков. Израиль, как может, содействует вашему сближению с Америкой.

— Мы это знаем, Шимон. Мы благодарны.

Торобов сквозь стеклянную стену видел, как мимо шёл редактор крупнейшей радиостанции, которая мощно влияла на общественное сознание. Гениальный творец, он собрал на своём радио самых ярких и творческих представителей еврейской интеллигенции. Они являлись законодателями моды в политике, экономике и культуре. Создавали и разрушали репутации. Рождали интеллектуальные течения. Сложно лавировали в хитросплетениях кремлёвских групп. Радиостанция была не просто средством массовой информации, но блестяще организованной партией, собирая в сгусток энергию еврейского интеллекта и вбрасывая этот расплавленный сгусток во все области русской жизни.

— Ближний Восток, Леонид, — это родина пророков. Отсюда истекли три великие мировые религии. Здесь началась мировая история, здесь она и закончится. Кто контролирует Ближний Восток, тот контролирует историю. Христиане и евреи не должны допустить, чтобы Ближний Восток контролировался исламом. Израиль этому препятствует и несёт великие жертвы. Израиль действует на Ближнем Востоке, в том числе, и в интересах России.

— Мы знаем этот довод, Шимон. Но поверьте, Россия сама способна защищать свои интересы.

Мимо стеклянной стены двигался дирижёр изысканного струнного оркестра, мировая знаменитость, чьи виртуозы выступали во всех концертных залах мира. Его оркестр, играя европейскую классику, вносил в неё неуловимую печаль и сладостную меланхолию. Громоподобные, прилетающие с небес звуки покрывались едва заметной пылью, которая укрощала эти музыкальные бури, делала их безопасными, переносила из Космоса в салоны. Даже Вагнер, с его великолепной разрушительной мощью, смирялся, становился ручным, что позволяло играть его в концертных залах Иерусалима и Тель-Авива.

— Вы знаете мои воззрения, Леонид. Евреи и русские — два мессианских народа. Оба верят в чудо преображения. Оба верят в духовную силу, преоб-

ражающую падший мир. И падший мир мстит евреям и русским за эту веру, за ту укоризну, которая исходит от евреев и русских этому греховному миру. И вас, и нас гонят, убивают, подвергают преследованиям. Среди евреев и русских больше всего мучеников за правду. Это нас роднит. Нам нужно объединиться и вместе спасти человечество.

— Как вы это видите, Шимон?

— У нас, евреев — “Обетованная Земля”. У вас — “Святая Русь”. Но ведь это одно и то же! Это рай, в котором мы встретимся! И к этой встрече мы должны стремиться уже теперь. Мы должны забыть все разногласия, все исторические недоразумения и ошибки. И объявить духовный, метафизический союз евреев и русских. И мы будем непобедимы. Наша духовная встреча состоится в Иерусалиме, на святой земле. Или в Новом Иерусалиме, под Москвой. И это не важно. Ведь “Обетованная земля” — это “Святая Русь”. А “Святая Русь” — это “Обетованная земля”.

— В Брюсселе, Шимон, в аппарате НАТО, работает ваш друг Джереми Апфельбаум. Он специалист по “исламскому терроризму”. Я отправляюсь в Брюссель. Посоветуйте меня ему. Мне нужна его консультация.

— Это связано со взрывом вашего самолёта над Синаем? У вас задание, Леонид?

— Вы же знаете, Шимон, я давно не у дел. Меня интересуют беженцы с Ближнего Востока. Как это подтверждает или опровергает теорию о “войне цивилизаций”.

— У Джереми Апфельбаума картотека террористических организаций от Индонезии до Нового Орлеана. Одна из лучших.

В вестибюле культурного центра появлялись всё новые посетители.

Появился вице-премьер, моложавый, узкоплечий, с тонкими длинными руками, которые то и дело протягивал для рукопожатий. Шёл, раздаривая улыбки, никому и всем сразу. Он был противником чрезмерных военных расходов, настаивал на сближении с Западом и имел под Лондоном средневековый замок.

Прошествовали четыре хасида, одинаковые, одного роста, в чёрных сюртуках, чёрных шляпах, с чёрными бородами. Шли целеустремленно, как небольшой боевой отряд, не смешиваясь с пёстрой толпой.

— Я позвоню Джереми Апфельбауму. Вы встретитесь с ним в Брюсселе.

В вестибюле поднялся радостный ропот. Все устремились ко входу, выстраиваясь двумя шпалерами, оставляя в середине пустое пространство. И в этой пустоте, как по невидимому ковру, шагал маленький круглый человек со смешливым лицом, короткими руками, озорными глазами. Позволял себя обожать, славить, принимал ритуальные почести. Словно в этом маленьком толстом тельце спрятался могучий властелин, грозный повелитель, полководец несметного войска.

— Я вам сердечно признателен, Шимон. Надеюсь снова увидеться.

В тот же вечер Торобов отбывал в Брюссель. По старой традиции, напоминавшей религиозный обряд, он на пути в аэропорт проехал по Кремлёвской набережной, восхитившись на мгновение озарённым Василием Блаженным. Храм возник, как волшебное соцветие, из которого во все стороны брызнули радуги, лучи, многоцветные искры.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Торобов остановился в Брюсселе, в отеле “Рояль Виндзор”, на рю Дукес. В холле в мягких креслах они сидели с Джереми Апфельбаумом, и служитель-араб в малиновом сюртуке с золотыми галунами разливал чай по маленьким фарфоровым чашечкам.

— Я читал вашу работу с критикой Хантингтона, — произнёс Апфельбаум, колыхнув зыбким зобом. — Согласен, что “война цивилизаций” — это условность, которая удобна для классификации явлений, но на неё не может опираться практическая политика государств.

— Как и парадоксальное утверждение Фукуямы о “конце истории”. История замерла на одно мгновение, а потом ринулась дальше. Фукуяма уловил эту моментальную остановку, — произнёс Торобов. — Но эти волны африканских беженцев — они вторгаются в Европу и производят в ней необратимые изменения. Разве это не повод развернуть борьбу за “европейские ценности”?

— До того, как поступить на службу в НАТО, я работал в отделении “Рэнд Корпорэйшн” в Катаре, а потом преподавал в университете в Беркли. Читал курс под экстравагантным названием: “Принципы управления историческими процессами”. Иногда это называют “Теорией управляемого хаоса”. Я предложил мои модели Госдепартаменту, Совету по национальной безопасности и Объединённому комитету штабов. Мои модели применили на практике, и они себя оправдали.

— Вы хотите сказать, что наплыв арабских беженцев в Европу — это сконструированное явление?

— Я хочу сказать другое. Я называю это “эффектом квашни”. Исламский мир переживает грандиозный подъём. Он взбухает, как тесто в мировой квашне. Он должен достичь невиданного могущества. И это могущество будет опрокинуто нам на головы. Будет возмездие за долгие века оскорблений и попраний. Запад готовится к этой схватке, и я дал Западу рецепты победы. Я знаю, как удержать тесто в пределах квашни.

Джереми Аpfельбаум колыхал зобом, и Торобову казалось, что розовая медуза прилипла к его подбородку.

— Прежде чем исламский мир накопит в себе энергию для решающего наступления для последней битвы Халифата с гибнущим Западом, мы должны ослабить этот удар. Должны проткнуть тесто в квашне, чтобы оно осело. В этих дырах, в этих проколах исламский мир израсходует свою энергию впустую. Тесто осядет, и мы окажемся в безопасности.

— Как вы будете протыкать тесто?

— Наша цель — создавать в недрах исламского мира неутихающие конфликты, чтобы в этих конфликтах сгорела энергия возрождения, израсходовалась неукротимая мощь. Именно этим, господин Торобов, занимается НАТО, а не мнимым противодействием России. Мы рассматриваем русских как стратегических партнёров, протыкающих вместе с нами тесто в квашне. Мы уничтожили государство Ливии и Ирака, сконцентрированная в них энергия ушла в пустоту и продолжает догорать в топке гражданских войн. Мы нанесли удар по Сирии, и чем бы ни кончилась борьба с Башаром Асадом, Сирии уже никогда не собраться в сильное государство, доминирующее на Ближнем Востоке. Мы покончили с “братьями мусульманами”, самой мощной и перспективной силой исламского возрождения. Сначала заманили их во власть, а потом позволили египетской армии их уничтожить. Мы развязали войну между шиитами и суннитами, и они будут весь век воевать, истощая друг друга. Им будет не до Запада, не до нас с вами, и эта война внутри исламского мира опровергает теорию Хантингтона о “войне цивилизаций”.

— Но ведь вы взорвали в Северной Африке сразу несколько “демографических бомб”. Взрывная волна из миллионов беженцев хлынула в Европу. Старая Европа ответит на это созданием фашистских государств, а в хаосе ближневосточных конфликтов будут возникать одно за другим террористические движения.

— Это побочные эффекты. Сейчас мы убираем мусор произведённых разрушений. Наши и ваши бомбардировщики, добывающие “исламское государство”, — это мусорщики, подбирающие сор.

Торобов почувствовал, что разговор достиг той заветной точки, когда можно отринуть все сложные предварительные построения и коснуться главного, ради чего он явился в Брюссель.

— Кстати, о мусоре, который мы подбираем. Шимон Брауде сказал, что вы располагаете уникальной картотекой, в которой, как в таблице Менделеева, сведены воедино террористические организации от Пакистана до Франции. Что вы знаете о Фаруке Низаре, бывшем майоре иракской военной

разведки, который причастен к взрыву русского лайнера над Синаем? Его видели недавно в Брюсселе. Вам что-нибудь известно об этом?

Торобов извлёк из кармана фотографию офицера с молодцеватыми усиками, в мундире, с кокардой на цветастой фуражке. Протянул Апфельбауму. Тот взял, минуту рассматривал. Вернул Торобову.

— Шимон говорил мне о ваших специфических интересах. Рад был познакомиться. Мне пора. Меня ждёт работа, — Джереми Апфельбаум поднялся, кольхнув зобом, и пошёл к выходу, переваливаясь, как пингвин. Торобов разочарованно смотрел ему вслед. Апфельбаум дошёл до стеклянных дверей, уловивших в свои прозрачные лопасти господина в длинном пальто и шляпе. Вернулся обратно.

— Возможно, я ошибаюсь. Но этот Фарук возглавляет организацию “Сельф-эль-Расул” — “Меч пророка”. Она действует по всему Ближнему Востоку под видом торговцев древностями. Он появлялся в Брюсселе в их торговом представительстве и скоро пропал. Это в квартале Моленбек, кажется, там.

Апфельбаум повернулся и пошёл, исчез в стеклянной карусели дверей, за которыми в дожде переливался Брюссель.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Брюссель, зимний, дождливый, отливал чёрным металлическим блеском, каким отливает железный метеорит.

Квартал Моленбек был полон запахов восточных сладостей, жаровен, туалетной воды, пряностей. Так пахнут улицы в старом Багдаде или Дамаске. По тротуарам двигалась смуглая толпа, женщины в хиджабах напоминали круглоголовых птиц, мужчины то и дело перебежали улицу перед радиаторами автомобилей, и водители раздражённо сигналили. Отовсюду звучала восточная музыка, женский голос витиеватый, как арабская вязь, пел о безответной любви, о безутешной невесте, потерявшей своего жениха. Мальчишки запускали в небо сверкающих пластмассовых птиц, и те падали на крыши автомобилей, а мальчишки с криками бежали вдогонку.

Торобов шёл в толпе, иногда его задевала развеянная накидка, обжигал из-под хиджаба чёрный огненный взгляд. Витрины маленьких магазинчиков были украшены мигающими гирляндами. В одних витринах, окружённые огоньками, лежали сладости, халва, пирожные с марципанами. В других витринах, похожие на лебедей, стояли кальяны. В третьих были вывешены образцы арабской одежды, мужской и женской. Тут же к прохожим цеплялись назойливые зазывалы, тащили в харчевни, где кормили свежей морской рыбой. В глиняных, врытых в землю печах пекли лепёшки, здесь же и продавали их. Покупатели, обжигаясь, хватали лепёшки и, не отходя от пекарен, поедали.

Район Моленбек казался куском восточного торта, который на перламутровой лопатке перенесли с одного фарфорового блюда на другое. Из ближневосточной Азии в центр Европы.

Торобов читал вывески, большинство на арабском. Начальная школа — зелёный щит с красной вязью. Аптека — зелёный полумесяц. Благотворительное общество — зелёный флаг с цитатой из священного текста.

Он искал магазин, торгующий предметами древности, и, наконец, нашёл его среди других затейливых вывесок. В витрине красовался верблюд из папье-маше, окружённый мерцающими светлячками. Были разложены какие-то бусы, черепки, обломок амфоры, осколок мраморной капители. Торобов вошёл, услышав над головой звон бубенца.

— Салам алейкум! — громко произнёс он. На его приветствие появился смуглолицый араб с седыми волнистыми волосами, в изысканном костюме, белых манжетах, с осанкой, какая бывает у аристократических профессоров Гарварда или у метрдотелей элитных ресторанов.

— Алейкум салам, — араб сдержанно улыбнулся, внимательный к гостю, не обнаруживая радости. И эта едва заметная отчуждённость заставила

подумать Торобова, что коммерция, быть может, не главное для хозяина дело. — Что вам угодно, месье?

— Меня интересуют артефакты, которые, в силу известных обстоятельств, покидают свои традиционные места в арабских музеях. Переносятся в Европу, где их могут приобрести европейские музеи и коллекционеры.

— У нас не слишком великий выбор, месье. В основном, это этнография бедуинских племён, египетская керамика, мрамор, привезённый из античных поселений Ливии.

— Мы знаем, что в результате военных действий из Пальмиры, Вавилона, Сабраты в Европу попадают статуи, капители, фрагменты римских надгробий. И их можно приобрести в вашей торговой фирме.

— Сильное преувеличение, месье. Это весьма небезопасное дело. Таможня, полиция, законы о сохранности музейных ценностей — всё это ограничивает торговлю, — араб внимательно смотрел на Торобова, ожидая, как тот откликнется на этот вежливый отказ. Повернётся и уйдёт или продолжит настаивать.

— Я профессор Майкл Фарб, сотрудник Британского музея. В мою задачу входит приобретение для музея подобных артефактов. — Торобов подал арабу визитную карточку, подтверждающую его научный статус.

— Прощу вас. — Араб протянул Торобову свою визитку, в которой на арабском и английском указывалось, что её владелец — коммерсант Нур Азис. — Иногда к нам попадают ценности, в основном из Ливии. Но очень редко и третьего сорта. Нужен гарантированный и достойный клиент. Тогда мы можем сделать заказ нашим партнёрам в Ливии, и они подберут интересующую клиента вещь. И тогда начнётся сложная процедура доставки и оформления покупки.

Нур Азис умолк, отстранённо улыбаясь. Но Торобов чувствовал, что дистанция между ними уменьшилась, и продолжал её уменьшать.

— Я вам не всё сказал, уважаемый доктор Нур. Я представляю не только государственный Британский музей, но и частную компанию, которая продаёт дорогую недвижимость, в основном, русским. Очень богатые русские строят себе виллы и замки где-нибудь в Альпах или на Лазурном берегу. Им хочется иметь у себя артефакты, связывающие их современные дворцы с древними культурами. Они готовы платить за это огромные деньги.

— Прощу вас, садитесь, месье Фарб, — пригласил Нур Азис. Торобов почувствовал, что преодолён ещё один отрезок, их разделяющий.

— Мне говорили, что у вас можно приобрести артефакты из Сирии. Там идут бои, и страдают античные постройки. Вы своей коммерческой деятельностью спасаете от исчезновения драгоценные свидетельства древности. За это вас не преследовать надо, а кланяться до земли.

— К сожалению, не все так считают, — скромно потупился Нур Азис. — Однако я должен вас огорчить. С Сирией мы не работаем. Главным образом, с Ливией. Там есть наш представитель.

— А что вы можете предложить?

— Сейчас, увы, ничего. Но если сделать заказ, можно, например, получить рисунки из пещер в Сахаре.

— Как, знаменитые наскальные рисунки в Тадарт-Акакус? Но ведь они нанесены на каменный монолит!

Торобов вспомнил своё посещение пещер на границе раскалённой пустыни, когда, ослеплённый жгучим солнцем, ты входишь в прохладные гроты, и на скальной породе неяркими красками из растёртых разноцветных камней нарисованы сцены охоты, бегущие стада жирафов, картины первобытной жизни, в которой уже существовали все сюжеты более поздних времён. Женщина держит на поводке собачку, словно иллюстрация к Чехову. Два старика, мужчина и женщина, любовно поддерживают друг друга — “Старосветские помещики” Гоголя. Всё это вспомнил Торобов, слушая арабского коммерсанта.

— Но как эти рисунки можно привезти из Сахары? Должно быть, копии, а не подлинники?

— Есть особая технология снятия рисунков с камня. Ткань, пропитанную особым раствором, прикладывают к рисунку. Обрабатывают раскалённым паром. Рисунок переходит на ткань. Ткань сворачивают в рулон и везут в Европу. И на стене какого-нибудь русского миллиардера появляется рисунок неолита, изображающий охоту на гишпопотамов.

— Поразительно, доктор Нур!

Торобов вдруг остро почувствовал связь между этим чинным арабом и Фаруком Низаром, чей след незрим, как след змеи на камне.

— Но как я могу сделать заказ на такой рисунок? — Торобов одолел волнение, боясь, что Нур Азис угадает его смятение.

— Боюсь, что сейчас это невозможно, месье Фарб. Мне нужно согласовать этот вопрос с руководителем фирмы.

— Ваш руководитель, я слышал, Фарук Низар? Разрешите мне выйти на него непосредственно, и я предложу ему цену, от которой он не откажется.

— Как вы сказали, месье? Фарук Низар? Я такого не знаю. У нашей фирмы совсем другой собственник.

Зрочки араба чуть заметно дрогнули, словно бесшумно щёлкнул запор, и между ними возникла стена, непроницаемая, как стальная дверь. Но кое-что не успело скрыться за этой непробиваемой сталью. Как лоскут защемлённого платка. Эта была Ливия. Там, в разорванной революцией стране, где грохотали пулеметы и носились дикие отряды повстанцев среди разграбленных римских поселений, на берегу лазурного моря находился Фарук Низар. Его чёрная голова и чёрные сутулые плечи, пробитые попаданиями.

— Благодарю вас, доктор Нур. Вы позволите мне навестить вас ещё раз?

— Буду рад, месье Фарб. — Араб, изысканно кланяясь, провожал его до дверей, звякнувших бубенцом. Выпустил на улицу, где звенела арабская музыка, пахло жареной рыбой, и проходящая женщина в хиджабе бросила на него огненный взгляд.

Он шёл, обдумывая результаты визита. Араб в кожаной куртке и красном шарфе следовал за ним на небольшом расстоянии. Замирал, если Торобов останавливался. Отворачивался и рассматривал витрины, если Торобов поворачивал голову. Второй наблюдатель, тоже араб, в пальто и синей вязаной шапочке, держался в стороне от первого, не отставал от Торобова. Это была слежка, наружное наблюдение.

Торобов, не слишком взволнованный, решил оторваться. Перешёл на противоположную сторону, нырнул за угол и ждал, когда оба, в красном шарфе и синей шапочке, торопливо пройдут мимо. Вышел из-за угла и зашагал в противоположную сторону. Но скоро заметил за спиной красный шарф и синюю шапочку.

Проходил мимо рыбного ресторана, у которого назойливый зазывала схватил его за рукав:

— Месье, самая вкусная рыба! Поймана утром!

Вошёл в ресторан. Двинулся мимо столиков, за которыми ели рыбу, хрустели креветками, лакомились мидиями. В дальнем углу дверь вела на кухню, из которой выскакивали официанты с подносами. Нырнул на кухню, на сковородках жарилась рыба, бурлили в кипятке мидии, на доске повар мокрым ножом вскрывал брюхо серебряному сибасу. Увидел чёрный ход и выскользнул на дождливую улицу.

Преследователей не было. Он некоторое время шагал, окружённый многолюдьем. Но скоро за спиной обнаружился красный шарф, а на противоположной стороне — синяя шапочка.

Его преследовали опытные наблюдатели. Ему померещились в их руках рации. Слежку могли организовать люди доктора Нура. Или бельгийская полиция. Или сотрудники Джереми Аффельбаума, на всякий случай. Было впечатление, что преследователи не слишком маскировались, иначе не были бы одеты в столь приметные красный шарф и синюю шапочку. Это была “тревожащая слежка”. Ему давали понять, что его визит в Брюссель не остался незамеченным.

Он взмахнул рукой, останавливая такси:

— Куда желает месье?

— В центр. На Гран Пляс, — Торобов оглянулся на ускользящую улицу, где в морозящем тумане исчезли преследователи.

На центральной площади брусчатка маслянисто блестела, словно её помазали чёрной икрой. Здание ратуши своей хрупкой готикой, ломкими очертаниями напоминало вафлю. Столь же хрупкой выглядит окаменелая раковина, из которой исчез моллюск. Площадь была отпечатком неповторимой, канувшей жизни, и своей незащитной красотой вызывала страдание. На площади стайками стояли туристы, и экскурсоводы заученными голосами пересказывали содержание хрестоматий.

— Теперь посмотрим налево, на дома, что напротив ратуши. Каждый из этих домов неповторимо красив и носит своё имя. Дом “Пекарь”. Дом “Лебедь”. Дом “Оловянный горшок”. И далее — “Ветряная мельница”, “Золотая шляпка”, “Павлин”, “Медведь”. И вон те розовые и зелёные — “Осёл”, “Дуб”, “Лисёнок”. Как вы думаете, почему дома получили такие названия?

Торобов, не дожидаясь ответа прилежно внимавших туристов из Восточной Европы, покинул площадь.

Поколесил по окрестным улочкам, битком набитым лотками и лавками с бесчисленными сувенирами. Вышел к “Писающему мальчику”, перед которым толпились гогоучие туристы, норовя почерпнуть извергаемую мальчиком струю и омыть ею лицо. И вновь заметил красный шарф и арабское лицо под синей шапочкой.

Его охватило острое чувство опасности. Город был пронизан незримыми волокнами, уловлен в невидимые сети. По телефонам, по рациям весть о Торобове передавалась из улицы в улицу, из квартала в квартал. Брюссель со своей ратушей, супермаркетами, с Европарламентом и штаб-квартирой НАТО был оккупирован. На него надели “пояс шахида”, который превратит его в зловонный взрыв.

Им овладела паника. Он должен был вырваться из этого плена, исчезнуть из города, пронизанного проводками взрывателей, спастись от взрыва.

Он снова поймал такси.

— Куда угодно?

— К вокзалу!

— К Северному?

— Ну, конечно!

Быстро смеркалось. Размыто горели рекламы. Встречные фары выплёскивали кувшины водяного света. Торобов торопился к вокзалу, чтобы попасть в электричку и покинуть город до того, как тот превратится в грохот и пламя.

Очнулся, одолев приступ паники, который с ним случался и прежде. В Бейруте, когда израильские бомбардировщики громили район “Хезболлы”. В окрестностях Каира, когда вдруг подул из пустыни колючий ветерок смерти. В Багдаде, когда на город легла сусальная позолота предательства. Он был подвержен этим предчувствиям, которые, быть может, сберегали ему жизнь.

— Остановите, — приказал он шофёру. Расплатился и вышел.

Улица, на которой он оказался, была узкой, без машин. По обе стороны стояли невысокие дома, тесно, стена к стене. На некоторых горели красные, как рубины, фонари. Нижние окна домов являли собой витрины, и в них, озарённые таинственным светом, фиолетовым, розовым, изумрудным, сидели женщины, как разноцветные рыбы в аквариуме.

Торобов шёл вдоль окон, вдыхая запах дешёвых духов, табака и едва различимого, сладковатого тления. И вдруг снова увидел красный шарф. Араб издали ему улыбался, словно радовался встрече. Торобов, скрываясь от этой ухмылки, шархнулся в сторону, где сияла химической синевой витрина с целлулоидной красавицей. Толкнул дверь.

Женщина поднялась навстречу. Звякнула замком, уронила штору. Стояла перед ним, большая, в голубых лучах, пахнущая туалетной водой. Улыбалась сиреневыми губами, поправляла бирюзовые волосы.

Он положил на край широкого топчана сто евро, и она легко смахнула их, протянула руку, расстегивая на нём пальто.

— Подожди, — сказал он. — Садись.

Она сбросила лёгкий халатик, из-под которого колыхнулись большие груди и выпуклый живот. Села на топчан.

Торобов подошёл к дверям и прислушался. Снаружи ровно шумела улица, слышался смех.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Астор.

— Здесь есть другой выход?

— Там, — она махнула рукой на занавеску.

— Проводи.

Шлёпая босыми ногами, она пустила его в коридор, куда выходили двери из других комнатшек, и стояли какие-то вёдра и щётки. Он вышел на улицу и поймал такси.

В гостиничном номере встал под горячий душ и ждал, когда шелестящая вода смывает запах дешёвых духов, табачной горечи и сладковатого тления.

Включил телевизор. На экране выла сирена, мигали санитарные машины, санитары несли окровавленные носилки, беспомощно металась полицейские с автоматами. В Триполи, у полицейского участка, произошёл террористический акт.

Торобов ещё раз, по фразам, вспомнил свой разговор с коммерсантом. След Фарука Низара вёл в Ливию. Так бабочка оставляет за собой незримую трассу, состоящую из мельчайших капель. И там, куда опускается бабочка, гремит взрыв, и лежат растерзанные фугасом тела.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В Триполи Торобов поселился в отеле “Аль Махари”, когда-то роскошном и фешенебельном. Там останавливались нефтяные магнаты, торговцы оборудованием, европейские дипломаты и арабские шейхи. В те годы над входом, украшенный зелёной мозаикой, красовался портрет Каддафи в полковничьей форме, с пышной кокардой. Теперь же отель потускнел, утратил лоск, обезлюдел. Там, где раньше висел портрет, оставалось грязное пятно от битой мозаики. Прислуга щеголяла всё в тех же зелёных сюртуках, отороченных серебром, но опытный глаз мог заметить едва различимую штопку.

Триполи оставался звонким, людным, пёстрым городом, в котором были почти незаметны следы войны. Лишь несколько правительственных зданий были повреждены крылатыми ракетами и чернели пустыми окнами. По улице, распутивая автомобили, прошла колонна гусеничных броневиков, и пулемётчики, стоя по поясе в люках, водили по сторонам усталыми глазами. У здания полицейского участка, где накануне произошёл взрыв, стояло оцепление автоматчиков, пестрела лента ограждения.

Торобов вспоминал, как когда-то, гуляя по весеннему Триполи, забрёл на рынок и у весёлого белозубого торговца купил серебряный браслет с голубым камнем. Привёз жене, и та радовалась подарку, любясь драгоценным обручем на своём лёгком запястье. После кончины жены браслет перешёл к дочери, та иногда надевала восточное украшение, и вид голубого камня и белого серебра рождал у Торобова сладостную боль.

Тогда он приехал в Триполи с группой военных экспертов, предлагая Каддафи купить у России комплексы радиоэлектронной борьбы. Такие комплексы, установленные в окрестностях Триполи, “ослепляли” самолёты и корабли противника, создавали непроницаемую оборону.

Каддафи отказался от сделки. Сказал, что новые отношения с Западом исключают возможность нападения. Подобная покупка может насторожить и раздосадовать новых друзей, для которых Ливия из врага превратилась в дружественное государство. Каддафи был весел, самодоволен, по его лицу пробегала лёгкая судорога. Он чистил банан, снимая лепестки кожуры, резал плод серебряным ножичком, протягивал белую мякоть гостям. На его длинных пальцах с ухоженными розовыми ногтями красовался затейливый перстень из золотых сплетённых стеблей. Когда через несколько месяцев

Торобов видел на телеэкране окровавленное тело Каддафи, он разглядел его мёртвую руку, растопыренные длинные пальцы с золотым перстнем, который ещё не успели снять убийцы.

Торобов не без труда отыскал на улице Авгис скромное заведение, торгующее антиквариатом. Познакомился с его управляющим, Али Хамидом, полным отёчным ливийцем в очках, сквозь которые смотрели большие печальные глаза, какие бывают у робких ланей и антилоп. Для укрепления знакомства Торобов передал управляющему задаток в тысячу евро, и пригласил поужинать в ресторанчик вблизи площади Ат Таль.

Они угощались мясом по-левантийски, остро наперчённым, с испечёнными овощами, и рыбой бури, пойманной утром в беспокойных морских водах. Запивали острые блюда сладким морсом, сдобренным травами. Курили кальяны, вдыхая сладкие пьянящие дымы.

— В Брюсселе доктор Нур говорил мне о возможности здесь, в Триполи, заключить крупную сделку на посылку петроглифов из пещер в пустыне Сахара, в Тадрарт-Акакус, и фрагментов античной архитектуры из Сабраты. Мы можем начать переговоры, доктор Али?

— Уважаемый господин Фарб, я не уполномочен заключать крупные сделки. Я скромный управляющий. Крупные сделки заключает хозяин нашей компании, действующей в Ливии, Ливане, Ираке, Сирии, Египте, Палестине. Все средства от подобных сделок собираются в одном месте и идут на поддержку несчастных беженцев из районов военных действий. Вы же знаете о неисчислимых несчастьях, упавших на их головы. — Али Хамид смотрел на Торобова влажными печальными глазами, исполненными сострадания.

— Я это знаю, доктор Али. Я готов встретиться с доктором Фаруком Низаром и провести переговоры. Устройте мне эту встречу.

— Доктор Фарук был недавно в Триполи, всего несколько дней, и уехал в Ливан. Там у компании появились клиенты в окрестностях Баальбека.

— Я буду ждать, когда он вернётся из Ливана.

— Он может вернуться очень скоро. Он не извещает нас о своём приезде. Признаться, когда он был в Триполи, я даже его не видел. Между нами слишком большая дистанция.

— Но вы можете его известить, что Британский музей заинтересован провести неформальные переговоры? Повторяю, речь идёт об очень больших деньгах.

— Не обещаю, господин Фарб. Но вы можете посетить Сабрату и указать фрагменты архитектуры, на которые пал ваш выбор. Мы возьмём их на учёт и при первой возможности осуществим сделку.

Торобов благодарно улыбался. След змеи скользнул по камню и исчез в Ливане, чтобы обнаружить себя взрывом фугаса. Отряды ливанской “Хезболлы” воевали в Сирии против ИГИЛ, и ответом Фарука Низара мог стать взрыв шиитской мечети Бейрута или штаб-квартиры “Хезболлы”.

— Вы очень любезны, доктор Али.

Торобов оглядывал ресторанный зал. Былолюдно, много молодёжи. Всего несколько девушек пришли в хиджабах. Видимо, шариат медленно пускал свои корни в Триполи. Другое дело Бенгази, где исламисты строили своё “исламское государство”. Туда причаливали корабли с боевиками, сгружалось оружие, оттуда велось наступление на Триполи. Молодёжь в ресторане говорила, смеялась, но не громко, вполголоса, словно недавний взрыв оглушил их, и они присмирели, осторожно оглядывались.

— У меня хорошее настроение, доктор Али. Я рад нашему знакомству.

— В прежнее время я мог бы пригласить вас в музей, господин Фарб. Вы бы увидели бесценные экспонаты, рассказывающие о древней культуре Ливии. Но теперь, увы, музей разграблен, и я, который раньше сберегал национальные сокровища, теперь участвую в их разграблении, — печальные глаза Али наполнились слезами. — Когда я ехал на встречу с вами, я видел полицейский участок, где день назад произошёл взрыв. Район всё ещё оцеплен, и мне пришлось петлять по соседним улицам.

— Народ боготворил Каддафи, когда тот сверг короля и объявил нефть собственностью государства. Он посадил в пустыне райские сады, построил

белые города, университеты и научные центры. Дети берберов уже учили высшую математику, когда их отцы всё ещё кочевали по Сахаре на голодных верблюдах. Так продолжалось до тех пор, пока Муаммар не сошёл с ума. Говорят, колдуны заразили его страшной болезнью, когда в человека вселяется зло. Он чувствовал приближение припадков, уезжал в пустыню, подальше от глаз. Жил в шатре, ревел, как зверь. Грыз верблюжью шерсть, она забивала ему желудок, и его рвало кровью. Из него извергались чёрные жуки. Он стал свирепым и беспощадным. Студенты требовали больше свободы, он арестовывал их и бросал в кислоту. Наши герои заминировали, простите, господин Фарб, они заминировали английский самолёт, и он взорвался над Локерби. Мы считали их лучшими из нас. Но Кадафи, когда стал заикивать перед Западом, отдал их в руки англичан. Он поступил, как предатель. Он думал, что стал другом французов, итальянцев и англичан. Его стали принимать в Риме, Париже и Лондоне. Он принялся сорить деньгами, одаривал нефтедолларами Берлускони и Саркози. Но они сначала целовали его щедрую руку, а потом убили его. Французы выследили его с вертолётки и разбомбили его машину. Когда его вытащили из машины, он визжал, как собака. У него были открытые раны, и те, кто взял его в плен, мочились на эти раны. Его положили на дорогу, и ему на живот наехал тяжёлый грузовик. Из него вылез огромный чёрный жук и убежал в пустыню. И вот теперь я тот, кто я есть. Занимаюсь расхищением драгоценностей, которые охранял всю жизнь. В меня тоже вселился чёрный жук.

Али Хамид плакал, отирал очки несвежим носовым платком. Торобов вдохнул сладкую струю из кальяна.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

“Где будет труп, там соберутся орлы. Где гремят взрывы, там пролегал путь Фарука Низара”. Так думал Торобов, собираясь лететь в Бейрут. Там назревал террористический акт, туда вёл след скользнувшей по камню змеи. “Меч пророка” свистел по всему Ближнему Востоку. Рассёк над Синаем русский лайнер. Пронзил парижское кафе. Сверкнул в Багдаде среди взорванной шиитской мечети. Теперь его остриё приближалось к Бейруту, откуда отряды “Хезболлы” уходили в Сирию, на войну с ИГИЛ.

Торобов был готов лететь в Ливан. Но прежде, чтобы не вызвать подозрений у Али Хамида, решил посетить Сабрату, осмотреть античные руины и сделать мнимый заказ на какой-нибудь мраморный камень.

В стороне от шоссе, у лазурного моря, среди пепельной пустыни высились хрупкие золотистые колонны, пролегалы мощённые плитами улицы, круглился амфитеатр, виднелись постаменты исчезнувших статуй, зарастали мхами надгробья с римскими надписями.

Торобов не старался воскресить излетевшую жизнь. Не звал обратно плывущие по волнам галеоны, шумные торжища и громогласные шествия, театральные действия и курения фирмамов. Он был счастлив оказаться среди теней, самому стать тенью. Отрешиться от своей изнурённой плоти, от горьких воспоминаний, от жестоких предчувствий. Оттолкнуться от золотистого камня и полететь, воздев руки, туда, где в голубых садах гуляют блаженные мудрецы.

Он обрел развалины, фотографировал фрагменты статуй, надписи на плитах, резные листья коринфской капители. Всё это он покажет Али Хамиду, чтобы больше никогда не вспоминать.

Он увидел тёсанный камень, одиноко лежащий среди иссохшей травы. Это был куб со стёртыми гранями, изъеденный ветром, в шелухе лишайников. На нём едва проступал знак, то ли буква, то ли безвестный иероглиф.

Торобов услышал слабый звук, словно скрипнул щебень. Поднял голову и заметил человека, который нырнул за колонну. За ним наблюдали. Торобов поднялся и пошёл туда, где круглился амфитеатр. Заметил другого человека, перебежавшего в развалинах. За Торобовым следили, его окружали.

Он быстро зашагал туда, где на двух уцелевших колоннах держался остаток фронта. Но и там возник человек.

Торобов был в западне. Античный город заманил его в своё дивное логово, но оказался ловушкой. Торобов побежал к берегу моря, которое выплёскивало на мокрый песок стеклянные волны. Увидел, как вдоль берега, с обеих сторон подбегают люди. Шагнув в воду, чувствуя, как холодный стеклянный язык лизнул ноги. Остановился.

К нему подбегали, тыкали в бок пистолетами, хватали за руки, заламывали за спину, защёлкивали наручники. Крутом были дышащие азартные лица, захватившие добычу.

— Что вам надо? Кто вы такие? Я английский профессор! Позвоните в консульство!

Его толкали, выводили из развалин туда, где в низине стояли две машины, и рассказывал человек с автоматом.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Его везли не в Триполи, а в противоположную сторону, среди чёрной равнины, по пустому шоссе. Водитель — с тёмной бородкой и в португе. Сидящий под боком охранник — в кожаной курточке с кобурой под мышкой.

Машина затормозила у грязного придорожного строения, рядом с которым стоял танк, направив пушку вдоль трассы. Дорогу перегораживали бетонные бруски. За колючей проволокой расхаживали солдаты. Торобов, скованный наручниками, горько усмехнулся своему перемещению. Из нежного античного поселения с божественными алтарями и капителями его перебрали на армейский блокпост, созданный для ведения гражданской войны.

Его грубо вытащили из машины, втолкнули в грязный коридор, пихнули в спину, и за ним захлопнулась дверь. Он оказался в тесной, с бетонным полом и лысыми стенами, камере. Из узкой щели под потолком лился свет. На полу валялся полосатый матрас с рыжими пятнами. На стене было начертано скверное слово.

Он сидел на матрасе, со скованными руками, чувствуя кислый запах, исходящий от матраса. Останавливал в себе все мысли и чувства, берёг их до той поры, когда они остро понадобятся. Словно впал в спячку. Спал наяву, с открытыми глазами, не видя начертанное на стене безобразное слово.

Дверь растворилась, и солдат в камуфляже приказал:

— Вставай!

Его привели в другую комнату, где стояли стол, длинная скамья, над столом красовалось знамя, чёрно-красно-зелёное, с белым полумесяцем и звездой. Стяг государства, которого вчера ещё не было, и которое сегодня имело рваные окровавленные границы.

За столом сидел офицер в чине капитана, в несвежем мундире, с лысеющей головой и усталым небритым лицом. В глазах его была болезненная желтизна, нос переломлен, а на лбу розовели пятна, оставленные ожогом. На столе лежал отобранный у Торобова айфон, английский паспорт и кипа визитных карточек.

— Садись! — приказал офицер, и солдат толкнул Торобова на скамью.

— Имя?

— Майкл Фарб.

— Я спрашиваю, настоящее имя?

— Майкл Фарб, профессор, научный сотрудник Британского музея в Лондоне.

— Что делал в Сабрате?

— Осматривал античные постройки. Я изучаю античные древности. В моём айфоне снимки, которые я сделал перед тем, как ваши люди меня схватили.

— Говори правду, что делал в Сабрате?

— Мне нечего больше сказать. Я профессор, специалист по античной истории. Спросите доктора Али Хамида, мы с ним вели переговоры.

— Мои люди видели, как ты подавал сигналы катеру. Это был катер с оружием и взрывчаткой. Бандиты из Бенгази хотели высадиться в Сабра-те, чтобы осуществить террористический акт в Триполи.

— Какой катер? Никакого катера не было!

— Говори правду. Я передам тебя в контрразведку, и там из тебя по жилкам вытянут правду.

— Я говорю правду. Я Майкл Фарб, сотрудник Британского музея. Спросите у доктора Али Хамида.

Офицер кивнул солдату, и тот с размаху ударил Торобова по лицу. Торобов отпрянул, страшный удар в живот заставил его согнуться, и он свалился на пол.

— Имя? — кричал офицер, а солдат бил Торобова ногами, в голову, по рёбрам, в живот. Торобову казалось, всё его нутро сотрясается, лопается, взрывается кровью, и кровь готова хлынуть горлом.

— Имя? Зачем подавал сигналы?

— Никаких сигналов! Спросите доктора Али!

Удары прекратились. Он лежал, хлюпая кровью. Слышал, как тяжело дышит над ним солдат. Ждал новых ударов. Но его увели в камеру, сняли наручники. Он лежал на ржавом матрасе в сумрачной камере. Ощупывал рёбра, живот, кости ног. Всё болело.

В камеру вошёл солдат и велел встать. Его посадили в машину, ту, что доставила его на блокпост. В ней находились всё те же двое — водитель с бородкой и охранник в кожаной курточке с кобурой. Машина вильнула между бетонных брусьев и помчалась по трассе. Смеркалось, в стекло дула пыль. Они свернули с шоссе на грунт. Колыхались на выбоинах, а потом по днищу заскребли, зашуршали стебли сухой травы. Машина встала.

— Выходи!

Торобов вышел, переставляя больные ноги.

— Вперёд!

Он медленно шёл, цепляясь за колючки. Отрешённо думал, что сейчас грохнет выстрел, ударит в затылок, и исчезнет чёрная степь, низкие серые тучи, из которых дул ветер, колол песчинками щёки. И он останется лежать в мёртвой степи, на съедение лисам пустыни. Он старался в последние секунды жизни вспомнить что-нибудь драгоценное, последнее, неповторимое, с чем перенесётся в иное бытие. И не мог.

Услышал, как заурчал мотор. Оглянулся. Машина развернулась и, краснея габаритами, укатила.

Торобов, с трудом переступая, пошёл в степь, в её сумрак и ветер, подалее от шоссе, где его снова могли схватить. Ветер дул, и степь начинала свистеть. Мимо пронесло сцепленные травы, похожие на терновый венец. Прокатился, подскакивая, колючий шар, и его умчало в бесконечность. Пролетело что-то белое, летучее. Следом за ним другое. Это были пустые пластиковые мешки. Их становилось всё больше. Сонмы мешков летели, ударяли ему в грудь, прилипали, цеплялись за колючки. Их срывало и несло дальше. Было что-то призрачное, безумное и тоскливое в этих летящих мешках. Тщета и опустошённость, бессмысленность израсходованного бытия. Мешки пронеслись, и теперь летели где-нибудь в поднебесье, как стая целлофановых ангелов.

Начиналась пыльная буря. Бессчётные песчинки ударяли ему в лицо, жалили, жгли, хотели засыпать. Ветер, который дул в пустыне, был вечный, вселенский. Крутил громадное колесо, перемальывал царства, храмы, могильные склепы. В этом ветре мчались частицы разрушенных городов, остатки великих армий, прах манускриптов, пыль разорённых святынь. Этот ветер дул над землёй, сметая с насиженных мест народы, обращал их в бегство, бросал один народ на другой. Он раздувал огонь революций, топил корабли, обрушивал к земле самолёты. Торобов был подхвачен этим вселенским ветром, и его несло вместе с комьями чёрной травы, целлофановыми мешками, облаками ядовитой пыли.

Сквозь свист степи он слышал металлический вой. В коричневом облаке зажглись два огня, как размытые солнца. Огни приближались, окружён-

ные мутными радугами. Возник грузовик. Кузов был полон людей. Над кабиной торчал пулемёт. Развевалось чёрное знамя с белым начертанием “Аллах акбар”. Грузовик, как призрак, прогремел мимо Торобова и исчез, словно его оторвало от земли и унесло в небо.

Торобов испытал помрачение, будто в его побитом теле запоздало разорвался сосуд и залил глаза кровью. Он упал на дорогу.

Очнулся ночью от холода. Его бил колотун. По дороге приближалась машина. Остановилась, едва на него не наехав. Из кабины вышли двое:

— Гляди-ка, человек. Ты живой?

Торобов что-то промычал бессвязно.

— Откуда?

— Заблудился.

— Куда тебе надо?

— В Триполи.

— Подвезём. В кабине нет места. Полезай в кузов.

Они помогли ему перелезть через борт. Кузов был полон овец, которые потеснились и дали место Торобову. Он лёг на доски, слыша, как подсакивает грузовик, и шарахаются овцы. Некоторые легли, прижимаясь к Торобову курчавыми тёплыми боками. Согревали его. Он благодарно, блаженно замер, окружённый короткими бессловесными жизнями.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Торобов был уверен, что Фарук Низар готовит в Ливане взрывы. “Хезболла”, воюя с ИГИЛ, становилась объектом ударов. Как и русский самолёт над Синаем. Как полицейский участок в Триполи. Как шиитская мечеть в Дамаске. Как кошерный магазин в Париже. Удары возмездия в Ливане нанесёт “Меч пророка”. И надо спешить в Бейрут, предупредить друзей “Хезболлы” и обезвредить Фарука.

Он остановился в отеле “Эль Манара”, в центре Бейрута, на улицах которого не утихала ночная жизнь. Катили дорогие машины, работали рестораны, сияла набережная, волновалось море, отражая золотые огни.

Когда он мчался по белоснежному Бейруту, мимо банков, особняков, пальмовых аллей, вдоль зелёного, как малахит, моря, он втискивался в сиденье машины, ожидая, что по стеклам хлестнёт автоматная очередь.

Его привезли в военный центр “Хезболлы”. Высокий бетонный забор, железные раздвижные ворота, камеры слежения. Перед воротами — пост, бетонный дог, бруски, затрудняющие движение машин. Ворота неохотно раздвинулись, пропуская автомобиль, и Торобов оказался перед одноэтажным строением штаба. Над входом развивался флаг “Хезболлы” — жёлтое полотнище с зелёным автоматом Калашникова, влетённым в арабскую вязь: “Партия Аллаха”.

Перед входом его ждал Гассан, сердечный друг, боевой товарищ, при виде которого в душу Торобова пролился свет, и стало светло и чисто.

— Леонид, брат мой!

— Брат мой Гассан!

Они обнялись, прижимаясь щека к щеке. Торобов сквозь военную ткань чувствовал, какое крепкое у Гассана тело, с играющими мускулами. Неутомимое в ходьбе по горам. В перебежках, когда за спиной неподъёмный тюк с боеприпасами, провизией и оружием. Когда лопата прорубает мелкий окоп и звенит, и искрит о камни. Когда у товарища кровью пропитан бинт, и надо его нести, укрываясь от израильских снайперов.

— Слава Аллаху, я снова вижу тебя, Леонид.

— Слава Аллаху, Гассан!

Они выбрали ресторанчик на набережной. За окнами синело море, медленно плыл белый многопалубный корабль, оставляя белёсый след. Им принесли блюда ливанской кухни, много печёных овощей, изделия из острых сыров и кислого молока, суп из бараньей головы.

— А помнишь, брат Леонид, как мы ели в горах чёрствые лепёшки, запивая водой из ручья? — Гассан подкладывал ему на тарелку печёные помидоры и ворохи пряной зелени. — А над нами кружили израильские вертолёты, и я всё думал: ударят, не ударят.

— А помнишь, брат Гассан, как над нами кружила ворона, и я сказал, что это израильский беспилотник, и ты захохотал, и мы смеялись полчаса подряд, не могли остановиться? — Торобов с любовью смотрел на близкое, круглое лицо Гассана, вспоминая, как выглядело это лицо среди зелёных гор и рыжих откосов, по которым пролегали тайные тропы.

— А помнишь, брат Леонид, как мы разгружали первую партию “Корнетов”, и наши наводчики поначалу боялись к ним прикоснуться? — Гассан с наслаждением предавался воспоминаниям, в которых все опасности и напасти были уже позади.

— Ты так и не приехал, Гассан, в Москву. Приезжай, подарю тебе зимнюю шапку.

— Приеду, брат Леонид. Хочу побывать в Сталинграде.

— Почему в Сталинграде?

— Там русские люди бесстрашно умирали за Родину. Они были шахиды. Весь русский народ — это народ-шахид. Мы здесь тоже умираем за Родину.

За окнами струилась синева Средиземного моря. Белоснежно и хрупко сиял Бейрут, волшебный город, как драгоценная чаша, составленная из чудесных мозаик, населённая народами, верованиями, хранителями древних поверий.

Медленно, аккуратно, чтобы не обременять рассказ множеством подробностей, агентурных версий, собственных непроверенных домыслов, Торобов поведал Гассану о террористической группе “Меч пророка”. О Фаруке Низаре, майоре иракской разведки. О взрыве русского самолёта над Синаем. О взрыве полицейского управления в Триполи.

— Сейчас, по некоторым данным, Фарук находится в Ливане. Выдаёт себя за любителя древностей, интересуется Баальбеком. Ты отправляешь бойцов в Сирию воевать с ИГИЛ, а ИГИЛ уже здесь, в Бейруте, у тебя дома. Будет взрыв. Я его жду каждую минуту. В отеле, на улице, в этом ресторане. Фарук Низар — мастер террористических операций. Его нужно обезвредить.

Гассан молчал, думал, водил вокруг круглыми кошачьими глазами. Слово хотел разглядеть террориста в сидящих за соседними столиками посетителях, в официантах, разносящих подносы с блюдами, в старике, закатившем глаза, вдыхающем пьяный дым кальяна.

— Я сообщу нашему подразделению в Баальбек. Завтра утром выезжаем.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В отеле Торобов не мог заснуть. Отражённый в стекле огонёк далёкой рекламы казался мигающим индикатором бомбы.

Торобов думал, как странно в их отношения с Фаруком Низаром вонзился президент. И двести взорванных в небесах пассажиров. И турок Эрдоган, отдавший приказ сбить русский бомбардировщик. И крымские татары, взбаламученные турецкими агентами. И демонстранты в Москве перед турецким посольством. И его, Торобова, родовое преданье, когда его прадед на русско-турецком фронте открыл из горных орудий огонь по турецкой пехоте и получил от Великого князя “Золотое оружие”. И при этом вручении присутствовал маленький цесаревич. И тот екатеринбургский подвал, где был убит цесаревич.

Утром в холле его поджидал Гассан. На двух машинах, в сопровождении агентов безопасности “Хезболлы”, они отправились в Баальбек. Машина летела в перламутровом солнце по голубому шоссе. Чудесные белые виллы поднимались по склону гор. Казались стеклянными сады. Долина Бекаа с её нивами, рощами, белыми селеньями драгоценно сияла сквозь голубую линзу. Вдруг блеснёт вдалеке море. Возникнет и канет, как тень, средневековый рыцарский замок.

Баальбек возник, как туманная мгlistая гора, выступавшая из зелени рощ. В горе громоздились уступы, зияли пещеры, возносились чёрные башни, похожие на хоботы громадных слонов.

— Я оповестил наших людей в Баальбеке, — сказал Гассан. — Мы встретимся с директором музея, и ты сможешь задать ему свои вопросы.

Когда Торобов показал доктору Рабаху, директору музея, фотографию Фарука Назира, тот сказал:

— Мне кажется, я видел его недавно. Но он был не в офицерской форме, а в обычной одежде. Выглядел старше. На подбородке шрам, должно быть, ранение. — Директор вернул фотографию. — Он представился владельцем фирмы, которая печатает альбомы с памятниками архитектуры. Он сказал, что его фирма в Каире, и он хотел бы выпустить альбом шедевров Баальбека. Деньги от продажи альбома он хотел бы направить на помощь семьям патриотов, репрессированных военным режимом. Просил позволения начать фотосъёмку. — Директор достал визитку, на которой значилось: “Фарук Назир, издатель. Каир” и номера телефонов. Передал визитку Торобову.

— Уже начались съёмки? — Торобов спрятал визитку.

— Нет, для этого необходимо разрешение министерства культуры. Я направил письмо министру. Пусть делает альбом, а вырученные деньги пойдут на реставрацию.

— Он сейчас в Баальбеке?

— Он сказал, что летит в Каир, встретится с семьями репрессированных. Вернётся через несколько дней. Снял виллу в городе и поселил в ней фотографов. Они готовят аппаратуру. Как только придёт разрешение, фотографы начнут работу. И доктор Фарук придет.

— Вы знаете, где остановились фотографы?

— Да. — Директор открыл ящик стола, достал вторую визитную карточку. Прочитал:

— Район Саддула, вилла номер 12.

— Спасибо, доктор Рабах. Быть может, мне удастся повидаться с доктором Фаруком.

Они простились с директором и вышли к машинам, где их дожидались молчаливые агенты безопасности.

Дом номер 12 не имел ограды, был окружён глянцевыми деревьями, которые расступались, открывая проход к дверям. Над ними висел старомодный бубенец.

— Возьми, это может пригодиться. — Гассан протянул Торобову пистолет, и тот, принимая оружие, почувствовал в ладони его литую тяжесть.

Гассан подошёл к дверям и позвонил. Торобов видел его руку, нажимающую кнопку звонка, висящий над дверью бубенец. Земля под деревьями была влажной, тёмной. По ней ползла жужелица, и её хитин отливал зеленоватой медью.

Дверь не открывали, Гассан продолжал звонить. Торобов собирался выйти из-под деревьев и подойти. Дверь приоткрылась. Появилось женское лицо, окружённое розовой тканью хиджаба, чёрные брови, яркие чёрные глаза. Гассан раскланялся, прижал руку к сердцу, что-то пояснял. Дверь отворилась шире, и Гассан исчез в доме, мелькнула розовая ткань хиджаба и тёмно-зелёное долгополое платье.

Торобов нервничал. Бутоны, как плотные бусины, были полны красного сока, стискивали в глубине соцветья. Жужелица замерла, вцепилась хрупкими лапками в комочек земли. Торобов сжимал у пояса спрятанный пистолет, порываясь идти к дверям.

Ему показалось, что дрогнул и покачнулся воздух. Оглушительный грохот и треск вышиб дверь, брызнул из окна щепками, осколками, валом дыма. Взрывная волна толкнула Торобова. Из разбитого окна валил дым, из дверей сочилась серая муть.

Он выхватил пистолет, устремился к дому. Сквозь прихожую, где люстра продолжала качаться, по тлеющему ковру ворвался в комнату. Здесь было месиво тряпья, расколотой мебели, блестя под ногами осколки стекла. Две женщины, изуродованные взрывом, в обгорелых одеждах, лежали

у стены. У другой стены лежал Гассан. В дом вбежали бойцы “Хезболлы”, выставив пистолеты. Торобов, задыхаясь от едкого дыма и запаха парного мяса, думал, что взрыв, убивший Гассана, был направлен в него, и Гассан перехватил этот взрыв, перехватил летящую в Торобова смерть, принял её удар на себя.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Каир был всё тот же, каменный, громадный, с желобами улиц, в которых ревели машины, и стояла металлическая мгла.

Торобов остановился в “Фридом отеле”. Каирские телефоны, обозначенные на визитке Фарука Низара, не откликались. Не покидая номер, он весь день потратил на поиски прежних знакомых из числа “братьев мусульман”. Большинство телефонов молчало. Откликнулись двое “братьев”, тех, кто не занимал руководящих постов. И ему стоило большого труда договориться о встрече.

Они встретились ночью в ресторане на берегу Нила. Ресторан был построен в виде старинного корабля, корма которого омывалась рекой. На противоположном берегу, как огромный золотой слиток, сиял небоскрёб. Его отражение струилось в реке. Когда по Нилу проплывала баржа или катер, их чёрный контур врезался в золотое отражение, дробил его, и вся река превращалась в жидкое золото, корма ресторана покачивалась, и начинала сладко плыть голова.

Их обслуживали официанты в одежде матросов. Несколько раз подходил любезный метрдотель, облачённый в мундир морского офицера.

Доктор Ибадат — тихий, щуплый, в очках с золотой оправой, сквозь которые смотрели печальные осторожные глаза с красными ободками. Казалось, эти глаза долго и много плакали и не высохли до сих пор. И доктор Табарак, маленький, нервный, с оттопыренными ушами, которые от волнения бурно краснели, и тут же гасли, словно их хозяин давил в себе бурлящие, изобличающие его чувства. С обоими Торобов виделся в свой прежний приезд, но не слишком хорошо их помнил, уделяя всё внимание руководителям “братьев”, предвкушавших близкую победу.

Их стол был уставлен фаршированными баклажанами с мятой, салатами с острыми сырами, мясными ломтями с рисом, бараньими кебабами, от которых исходил горячий дух. Высились горы трав — зелёной, розовой, фиолетовой. Торобов чувствовал на губах сладкое жжение мяты, смотрел, как колышется в реке золотой слиток небоскрёба.

— Я чрезвычайно благодарен вам за эту встречу, — произнёс Торобов. — Я прекрасно понимаю, что нынешняя обстановка в Египте не располагает к общению. Но мне хотелось услышать голос “братьев”, который умоляет после известных событий.

— Мы видим в вас друга, доктор Леонид. — Ибадат печально посмотрел на него, повёл глаза в сторону, где вдалеке маячил метрдотель в фуражке морского офицера.

— Мы помним нашу встречу три года тому назад. — Табарак закивал круглой, с запёкшимся ртом головой, уши его запылали от прилива чувств и тут же померкли.

— За это время столько всего случилось. Египет стал другой страной. Мы вспоминаем ваши прогнозы, которые, к сожалению, оправдались. — Глаза Ибадата в красных ободках наполнились невыплаканными слезами.

— Я днём звонил по многим телефонам, но отозвались только ваши два, — сказал Торобов. — Где доктор Забир? Он человек глубокого интеллекта.

— К сожалению, доктор Забир убит. Солдаты ворвались в его дом и застрелили на глазах жены и детей.

— А доктор Забихолла? Его размышления о исламском ренессансе, о будущем вкладе ислама в мировую культуру произвели на меня большое впечатление.

— Доктора Забихоллу похитили прямо на улице. Затолкали в машину и увезли в неизвестном направлении. Через неделю его тело, ужасно изуродованное, нашли на свалке. — Ибадат покачивал головой, как усталая лошадь, и глаза его тихо слезились.

— А доктор Язид? Кажется, он стал министром просвещения?

— Он в тюрьме. Подвергается пыткам. Его просят подписать какую-то бумагу, он отказывается, и ему перебили колени.

— Это ужасно, — сказал Торобов.

— За “братьями” идёт охота и днём, и ночью. Сто тысяч “братьев” убито, многие уехали в Иорданию и Катар. Другие продолжают борьбу. Мы не сдаёмся! — Табарак сжал кулак, поднял его над краем стола, но так, чтобы его не было видно официантам. — Вы, доктор Леонид, — продолжал Табарак, — говорили тогда, что наш приход к власти должен сопровождаться арестом ста генералов. Как вы были правы! Мы поставили своего президента, но армейский крокодил находился у него за спиной и скалил зубы. Мы не вырвали зубы у крокодила, и он растерзал нас. Тысячи наших “братьев” погибли мученической смертью из-за нашего легкомыслия и неопытности!

— Но ведь мы боролись против диктатуры и поэтому не могли установить собственную диктатуру! Мы хотели строить демократический Египет, в котором ислам получил бы своё высшее развитие, способствовал человеческому творчеству! Хотели, чтобы Египет превзошёл Европу в своём развитии! — Голос Ибадата умоляюще дрогнул, словно в нём зародились рыдания.

— Революцию надо защищать! Теперь же все десятилетия нашей борьбы пошли насмарку. Мы отброшены в прошлый век. Народ перестал нам верить. Мы подставили народ под удар военных. Наши лидеры оказались наивными, как дети. Им не следовало идти в политику. Американцы заманили нас во власть, захлопнули ловушку и уничтожили. Наши обожаемые лидеры оказались нашими злейшими врагами! — Уши Табарака пламенели, как огненные лепестки.

— Жестокость не может быть нашим правилом. Месть не может быть нашим идеалом. Пророк учит нас добру и справедливости. Доброта, правда, милость и милосердие угодны Аллаху, всемилостивому и милосердному.

Торобов слушал их запоздалый спор, который они вели после разгрома и попрания их идеалов. Скелеты их друзей, обглоданные лисами и шакалами, лежали в пустыне. Других жгли железом в застенках. А третьи томилась в изгнании. Это был спор проигравших, запоздалый спор под дулом врагов. Торобов испытывал к ним сострадание, чувствовал хрупкость их бытия, которое было готово в любой момент оборваться.

По Нилу проплывала баржа. Острый нос вонзился в золотое отражение, рассёк его. Чёрный контур с плоской палубой и рубкой медленно проплыл, расплёскивая жидкое золото. Ресторан кольхнуло. Кольхнулея ананасовый сок в бокалах. Баржа исчезла. Отражение на реке медленно собиралось в дрожащий слиток.

— Революцию нельзя заколоть штыками, нельзя расстрелять из пулемётов, нельзя разбомбить ракетами. Американцы подавили революцию “братьев”, но она вспыхнула в Сирии, Ираке, Ливии. ИГИЛ собирает тысячные армии бойцов. Наши “братья” сражаются под Алеппо и в Латакии. Революция ИГИЛ — это мировая исламская революция, которая неодолима!

Табарак произнёс это громко, и к столику стал приближаться метрдотель. Табарак, делая вид, что не замечает его, произнёс:

— И поэтому я люблю смотреть фильмы Голливуда, но не те, что отмечены “Оскаром”. Русские объявили войну ИГИЛ. Ваши самолёты бомбят исламских бойцов. Это ошибка. Таким образом русские вступили в войну с исламским миром. Мы ждали от вас помощи, а вы послали к нам бомбардировщики! — уши Табарака пламенели, как красные лампы, и он не желал их тушить. — Вы, доктор Леонид, должны чувствовать эту ошибку. Повторяю, революцию нельзя заколоть штыками и разбомбить ракетами!

— Россия — не враг исламской революции. — Торобов старался говорить проникновенно, словно сказанное являлось плодом выстраданных размышлений. — Мы сожалеем, что американцам удалось поссорить шиитов

и суннитов. Мы дорожим целостностью исламского мира и ожидаем в будущем его грандиозного развития.

Оба “брата” слушали его внимательно и настороженно, чуткие к неискренним и фальшивым интонациям. Они привыкли к тому, что их обманывают, вводят в заблуждение, пользуются их неосведомлённостью и наивностью.

— Россия готова исправить ошибку и отозвать самолёты из Сирии. Мы готовы установить контакты с ИГИЛ и договориться о сотрудничестве. Пусть удары возмездия исламистов будут направлены против Парижа, Берлина и Лондона, а не против Москвы. Россия так же страдает от Америки, как и исламский мир. Мы готовы объединить усилия. Это целый геополитический план, и я здесь, среди вас, чтобы способствовать его реализации.

Метрдотель в морской фуражке кружил в стороне, то приближаясь, то удаляясь. Мобильные телефоны омертвело лежали на столе, делая бесполезными системы прослушивания. Торобов, доверительно посвящая “братьев” в стратегический план, обезоруживая их своей искренностью, произнёс:

— Я здесь, чтобы установить контакты с представителями ИГИЛ, теми, кто базируется в Египте. Мне известно, что в Каире появляется бывший майор иракской военной разведки. Он выполняет delicate поручения, проводит агитацию, способствуя пополнению рядов ИГИЛ. Я знаю, он должен находиться в Каире и, по всей вероятности, встречается с “братьями”. Знакомо ли вам это имя?

Торобов достал визитку, полученную от директора музея в Баальбеке. Протянул её Ибадату. Тот осторожно принял её, поднёс к очкам и долго рассматривал своими слезящимися глазами. Передал Табараку. Тот шевелил губами, читая имя, и его уши утратили пунцовый цвет, превратились в бледные голубоватые хрящи. Вернул визитку Ибадату.

Все трое молчали. Чёрный, маслянистый, как нефть, струился Нил. Пламенело золотое отражение небоскрёба. Наконец, Ибадат произнёс:

— Вы наш друг, доктор Леонид. Мы знаем, как вы переживаете по поводу государственного переворота в Египте, сочувствуете нашим “братьям”, павшим в борьбе. Верим в искренность ваших слов. Этот человек был недавно в Каире, представился знатоком египетских древностей. Он искал возможность направить “братьев” в Сирию. Чтобы мы, потерпев поражение в Египте, взяли реванш в Сирии. Мы сказали ему, что это вряд ли возможно. Наши люди травмированы, ушли в подполье. Должно пройти какое-то время, чтобы прошёл шок. Теперь же мы рекомендуем ему отправиться в сектор Газа, где существует целая армия отобилизованных палестинцев, ведущих ежедневные бои с Израилем. Там он найдёт пополнение своих рядов.

— И он отправился в Газу? — спросил Торобов.

— Да, это было пять дней назад.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Утром Торобов собирался вызвать такси и отправиться из Каира по долгой дороге через Синай к сектору Газа. Этот ломтик Палестины, находящийся под контролем “Хамас”, истерзанный израильскими бомбами, влёк его к себе. Он знал, что все пропускные пункты были закрыты. В Газу попадали нелегально, через туннели, соединяющие палестинский анклав с Египтом. Граница с Израилем была непроницаема, укреплена бетонной стеной с видеокамерами и пулемётами. И он был готов, нарушая египетский закон о границе, воспользоваться туннелем.

Торобов был знаком с лидерами “Хамас”, оказывал им услуги, осуществлял контакты “Хамас” с российским МИДом и внешней разведкой. В Газе оставались его знакомцы, в их числе Хабаб Забур, один из командиров боевого крыла “Хамас”. Автор громких нападений на израильские блокпосты и диверсий на Западном берегу реки Иордан. К нему собирался пробраться Торобов и разведать местонахождение Фарука Низара.

Он уже вызвал такси, но вдруг вспомнил сообщение “братьев” о митинге студентов. Ему захотелось очутиться среди бурлящей толпы, увидеть

множество коричневых, как смола, лиц, ощутить жар “арабской весны”, которая всё ещё тлела в глубинах народа. Он поддался странному искушению и отправился на площадь Тахир.

Было солнечно. Площадь казалась огромной, с размытыми краями. Синяя дымка окутала правительственные здания, музей Египта, отель “Нил”, помпезную громаду “Могамма”. Памятник Омару Макриму плыл в голубом тумане. Стоял гул и рокот, какой бывает на море. Площадь заполнялась толпой, но оставалось ещё много свободного места. Подходили колонны. Одна изливалась из улицы Каср аль-Айн, брэнча, скандируя, взмахивая кулаками, развевая чёрно-бело-алые флаги. Другая — из улицы Талаат Харб, распевая, танцуя, неся над головами смешные чучела президента Сиси и его министров. Люди шли группами, поодиночке, от моста Каср аль-Нил, из метро. Толпа вязко наполняла площадь, колонны смешивались, образуя медленные водовороты.

Торопова затягивали эти медленные течения. Он радовался тому, что становился частью этого месива, оно не отторгало его, вовлекало в огромный плавильный котёл, который медленно разогревался. Было множество молодых, очаровательных лиц, сияющих глаз, белоснежных зубов. Иногда попадались девушки в розовых и зелёных хиджабах. Но большинство — длинноволосые, с модными причёсками, чернобровые, с малиновыми губами, пленяющие своей смуглой арабской красотой. Юноши не стеснялись их обнимать, некоторые целовались, и все вместе, впадая в раж, скандировали весёлую чепуху:

— Господин президент, поживи, как студент! У студента в животе, как воды в решете!

Крутом сновали торговцы. Предлагали апельсины, орехи, выпечку. Другие раздавали листовки, брошюры, полосатые, чёрно-бело-алые флажки. Вдалеке, у памятника Омару Макриму стояла хрупкая цепь полицейских. Высилась трибуна, на которой расхаживали устроители митинга.

Торобов чувствовал молодую энергию толпы, которая питала его силой и свежестью. Он был среди тех, чей язык понимал, чьи лица любил, чьё стремление к свободе и благополучию разделял. Знал, среди какой тьмы рождалось это стремление. В толпе был замечен тучный старик в чалме, с посохом и всклоченной бородой, которого течение принесло из тусклых и грязных предместий. Он что-то проповедовал, открывал беззубый рот, топтал изношенными сандалиями.

Становилось тесно. Площадь нагревалась, как тигель. Торобов, стиснутый, чувствовал, как по площади из конца в конец перекачивались упругие сгустки. Достигали места, где он стоял, сдавливали, так что становилось трудно дышать, и катились дальше.

Над головами легало прозрачное электричество, жгло, сыпало искры. Люди касались друг друга, и их било током. Кукла президента Сиси, воздетая на шест, дергала руками и ногами. Качался плакат с надписью: “Студенты хотят есть”. Пожилой человек в вязаной шапочке, с седеющей бородкой поднял вверх Коран.

Вдалеке на трибуне заговорил микрофон, гулко, с металлическими перезвонами, бессловесно отражаясь от зданий, улетаая в синюю дымку, где знойно туманился Нил, и дальше, к мечети Омара Макрима. Площадь казалась огромной квашней, в которой взбухало чёрное тесто. Торобов чувствовал магму, которая изливалась из бездонных глубин Востока. Из таинственных недр, откуда исходили народы, пламенные пророки, мистические вероучения. Этому извержению не было конца. В глубине земли зарождались новые народы, зрели новые вероучения, обитали неродившиеся пророки. И он, Торобов, востоковед и разведчик, был не в силах заглянуть в эту живородящую бездну.

Он увидел, как далеко, за трибуной, со стороны моста Каср аль-Нил показались броневики и стали выстраиваться за цепью полицейских, уродливые, грязно-зелёные, похожие на толстых жаб. Ораторы сменялись у микрофона, насылали на площадь волны звенящий звук, и казалось, в небе гремит огромный лист кровельного железа.

“Студентам нужен хлеб!” “Студентам нужен хлеб!” — молодые люди зло скандировали, вздымали кулаки, подпрыгивали. Кругом были возбуждённые лица, горящие глаза, гибкие тела.

Торобов был един с толпой. Ему хотелось кричать и подпрыгивать. В него ударило электричество, когда соседний парень с кудрявыми волосами и золотой серьгой в ухе случайно задел его рукой. На него накатил металлический звук мегафона, оросив железной влагой. И стоящий рядом человек в вязаной шапочке стал потрясать над головой Кораном, выкликая “Аллах акбар!”

Торобов видел, как на трибуну взобралась полицейские. Отпихивали ораторов, сбрасывали с помоста. Полицейский овладел микрофоном, и лязгающие звуки приказа полетели в толпу. Каждый большой удар отзывался рёвом. Толпа литой стеной двинулась к трибуне. Заглушая лязг мегафона, раздалось: “Аллах акбар”. Нестройно, разрозненно, затем всё слаженней, единым дыханием, клёкотом. Казалось, великан бьёт молотом по наковальне. Огненно летели грозные слова, от которых шатались здания, качался мост через Нил, разбегались полицейские. Кукла президента Сиси задымилась. Её подожгли, она роняла липкий огонь. Упала с пьедестала, и её топтали, плевали.

Толпа повалила к трибуне. Торобов слепо, вместе со всеми колыхнулся, сжатый толпой. Улышал, как тупо застучали пулемёты. Броневики, как ромбовидные жабы, падали в толпу. Трассы били по головам, рикошетили вверх, и казалось, что толпа, как бронированная плита, отшвыривает пули. Но там, куда били очереди, возникали пустоты. Часть толпы всё ещё кричала “Аллах акбар” и подсакивала, но другая, попавшая под пули, стенала, визжала. И среди этой разноголосицы стучали пулемёты.

Торобов почувствовал, как слепо качнулась толпа, тёмный сгусток сдавил его и понёс в сторону Каср аль-Айн. Он бежал в толпе, молча, задыхаясь, стремясь не упасть, чувствуя под ногами живые тела, по которым бежала толпа. Девушка, бежавшая рядом, споткнулась о чьё-то тело, упала, на неё наваливались, падали, и толпа огибала живой стенающий холм.

Он добежал до зданий и прижался к стене, боясь, что рухнет от разрыва сердца.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В Газе Торобов поселился в отеле “Музеум”.

Номер был на четвёртом этаже. Лифт не работал. В номере загоралась единственная лампочка. Было холодно. За окном близко шумело море, тяжело ударяло в берег. Во мгле туманились огни израильских боевых катеров.

Торобов устало прилёг на кровать, накрывшись двумя шерстяными одеялами.

Он услышал в коридоре шаги. Поднялся с постели. Дверь распахнулась, и Хабаб Забур обнял его.

— Брат Леонид, наконец, я вижу тебя!

В Москве, когда Торобов сопровождал делегацию “Хамас”, представлял её в МИДе и внешней разведке, Хабаб был элегантен, в дорогом костюме и шёлковом галстуке, напоминал манерами дипломата, осторожно подыскивая слова и сохраняя на лице бесстрастно любезное выражение. Теперь же он был в камуфляже, с “арафаткой” на шее. На толстом ремне висела кобура с пистолетом. Он источал пылкую радость. Его нос с горбинкой, пышные, вздрёт брови, жаркие чёрные глаза соответствовали образу революционера, полевого командира, организатора отважных атак на израильские блокпосты и военные патрули. За ним охотилась израильская разведка, он был внесён в список палестинцев, подлежащих уничтожению.

Торобов слушал Хабаба, чей голос сопровождался гулом моря, ударами волн о берег. Тусклая лампочка освещала его лицо, на котором глаза светились, как два чёрных огня.

Торобов ждал минуты, когда сможет обратиться к Хабабу с расспросами о Фаруке Низаре. И этот момент настал.

— Дорогой Хабаб, я знаю, что в Газу прибыл Фарук Низар, представитель боевой группы ИГИЛ. У меня есть деликатное поручение российской разведки встретиться с Фаруком и наладить с ним взаимодействие. Не мог бы ты вывести меня на Фарука?

Хабаб молчал. Поднимал глаза на Торобова и остро, пронзительно взглядывал. Снова опускал глаза, словно рассматривал фиолетовый листик мяты, упавший на скатерть. Наконец, произнёс:

— Не могу, не имею права спрашивать тебя, брат Леонид, какое поручение к Фаруку Низару ты хочешь выполнить. Знаю только, что он имеет отношение к специальным операциям, затрагивающим интересы России. Россия — друг “Хамас”. Ты друг “Хамас”. Мы никогда не позволим, чтобы нашим друзьям причинили вред. Фарук Низар прибыл в Газу, чтобы здесь найти опытных бойцов для своей организации. Он разговаривал об этом с нашим руководством, разговаривал со мной. И вот что я ему ответил. Пусть ИГИЛ не рассчитывает на боевые подразделения “Хамас”. Мы воюем против Израиля. Мы поставили цель изгнать Израиль из Палестины и вернуть исконные земли народу. Ради этого мы воюем и умираем. Все наши силы направлены на это. Нам важен каждый боец, каждая жизнь. Палестинское сопротивление не станет пополнять ряды ИГИЛ. Вот что я ему сказал.

— И где он теперь, Фарук?

— Сегодня утром он покинул Газу и сказал, что отправляется в Багдад. Там его ждут дела. Мы сидели с ним за этим же столом, где сидим с тобой. Он жил в том же номере, где теперь живёшь ты.

— Он сказал, что отправляется в Ирак? Для него это большой риск.

— Сказал, что едет в Багдад.

Торобов почувствовал едва ощутимый ветерок, пробежавший у виска. Быть может, это была тень Фарука. Они разминулись на час или два.

— Что ж, наша встреча с Фаруком не состоялась в Газе. Буду искать его в Ираке.

— Поживи день у нас, брат Леонид. Поговорим по душам.

— День поживу, — ответил Торобов, провожая Хабаба. Видел, как его машина с выключенными фарами нырнула во тьму.

Остался один в тёмном номере, где недавно находился тот, кого он должен убить. Тот словно знал об этом, играл, заманивал, каждый раз ускользал, оставляя лёгкий ветерок убегающей тени. Торобов лёг на кровать, где ещё утром лежал Фарук Низар. Слушал, как за тёмными окнами ухает море. Удары следовали бесконечной чередой. Каждый оставлял в груди вмятину, словно мостили грудь булыжниками, погребая его под каменной толщей.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

На другой день Хабаб возил Торобова на встречу с бойцами “Хамас”, бывшими узниками израильских тюрем. Вместе с ними он посадил дерево.

Уже смеркалось, когда они вернулись в Газу. Проезжали мимо тяжеловесного каменного храма с аляповатым крестом.

— Хабаб, я хочу заглянуть в храм и помолиться. Останови машину.

— Я оставлю тебя на час, а потом вернусь. Помолись о Палестине. Бог на небе один, и справедливость одна. Твоя молитва будет услышана.

Храм был сумрачный и холодный, с повисшими по углам тяжёлыми тенями. Горело несколько свечей, создавая туманное золотистое облако. На стенах сохранились закопчённые фрески. Древние краски из разноцветных глин были мрачные, написанные ими лики святых, ангелы и херувимы были строгими, сумрачными, напоминали о катакомбном христианстве. Торобов слышал свои гулкие шаги, безлюдье храма говорило об оскудении веры, о последних временах, о всемирном потопе, в котором погибли заблудшие народы, утонули неугодные Богу царства.

Спасаясь от холода и угрюмых напоминаний, Торобов жался к подсвечнику, на котором горели свечи, и витало золотистое облако.

К нему подошёл священник. Его арабское лицо густо заросло седой бородой. Грива волос казалась серебряным слитком. Он был из библейских ветхозаветных времён, когда о пришествии Христа проповедовали пророки. На нём была фиолетовая мантия, шитая серебром, и золотая потёртая епитрахиль.

— Здравствуйте, — произнёс священник, — Я вас не знаю. Вы не из моих прихожан.

— Благословите, отче, — Торобов припал губами к холодной костлявой руке, слыша, как ткани священника пахнут сладким дымом. — Я из России.

— Из России? Я был в России, присутствовал на службе, когда служил Патриарх. В России очень много снега. Я люблю Россию.

— У вас такой величественный храм. Должно быть, когда-то на этом месте произошло чудо.

— Чудо в том, что мы всё ещё живы, — произнёс священник. Ненадолго отошёл и вернулся, держа в руках высокую свечу. — Поставьте свечу и помолитесь. В дороге хорошо помолиться.

Торобов оплатил торец свечи, зажгёт и укрепил в гнезде подсвечника. Свеча разгорелась, и золотистое облако стало ярче и выше.

Он стоял и смотрел на свечу. Не молился, а погрузился в мечтательное созерцание, какое бывает на грани яви и сна.

В этом золотистом пятне открылось иное пространство, в которое он вошёл, как входят в туман. В этом чудесном тумане появилась беседка со стрельчатыми арками и резными колоннами. Там стол с плодами и яствами, блюдо с яблоками, ваза с виноградом. За столом сидит Фарук Низар в белой рубашке, молодой, с пушистыми бровями. Радуетса его появлению. Они угощают друг друга виноградом, протягивают алые ломти арбуза и медовой благоухающей дыни.

Торобов вышал из волшебного пространства, когда услышал голос Хабаба:

— Я вернулся. Мы можем идти.

Покидая храм, Торобов оглянулся, стараясь запомнить свечу, священника в сиреновой мантии, сумрачные фрески на стенах. Знал, что больше сюда не вернётся.

Стемнело. Они ехали по центральной улице Газы, среди озарённых витрин, цветных реклам, слепящих автомобильных фар. Слышалась музыка, гудки, рокот большого города. Не верилось, что вся эта оживлённая вечерняя жизнь проходит под прицелом орудий, окружена минными полям, пулемётами, бетонной стеной и в любую минуту может быть подавлена и растерзана.

По мере того как они подвигались к окраине, огни гасли, улицы становились темнее и пустынные, пока совсем не погасли и обезлюдели. Тянулись одноэтажные, с чёрными окнами дома, кривые, не мощёные улочки. Хабаб выключил фары.

— Мы куда? — спросил Торобов.

— Здесь граница, стена, полоса отчуждения, минное поле. Если живая душа приближается на триста метров к стене, пулемёты автоматически открывают огонь. Неделю назад к стене приблизилась корова, и её расстреляли из пулемётов. Она лежит на солнце, разбухла, гниёт, но мы её не можем убрать.

— Ты хочешь показать мне убитую корову?

— Я просто проверяю посты. Сегодня ночью мы готовим операцию, и Израиль ответит ударом. Могут пойти танки. Мы укрепляем оборону.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В темноте они подъехали к гостинице и были готовы расстаться. Завтра утром Торобова подхватит машина и повезёт к туннелям, он покинет Газу и продолжит свой изнурительный поиск.

— Сейчас мы начнём боевую операцию, — произнёс Хабаб. — Хочешь принять в ней участие?

— В чём суть операции?

— Рыбаки добывают для Газы рыбу. Без рыбы у нас начнётся голод. Израильские катера отгоняют рыбаков к берегу, и уловы сократились, рыбный рынок опустел. Самые смелые рыбаки нарушают запрет евреев и выходят за пределы километровой зоны, ставят сети и возвращаются с большим уловом. Несколько дней назад рыбак, член “Хамас”, вышел в море, нарушил

запрет, и его расстрелял израильский катер. Лодку с убитым выбросило на берег. Его брат через час выходит в море, чтобы отомстить. В лодку загрузили взрывчатку. Он должен незаметно добраться до катера и взорвать его. Это послание евреям, требование, чтобы они расширили для рыбаков зону лова.

— Рыбак взорвётся вместе с лодкой?

— Это его выбор. Это не приказ.

— Я не могу в этом участвовать. Это не моя война. Это не моя земля.

— Ты посадил дерево, и теперь это твоя земля. Ты борешься за справедливость, значит, это твоя война. Мы идём провожать нашего брата. Пусть он тебя увидит. Пусть знает, что Россия вместе с нами в нашей борьбе.

— Ты настаиваешь, я пойду, — сказал Торобов, испытывая мучительное сомнение.

В стороне от города, на пустынном берегу, стояли машины. У воды, едва различимые, темнели люди. Хабаб и Торобов подошли. Несколько автоматчиков в масках дали им пройти. Мулла в мучнистых одеждах, в белой чалме, поклонился Хабабу и Торобову. Маленькая женщина, вся в чёрном, держала за руку высокого молодого мужчину. Его лицо в лучах фонаря отливало медью, жарко и огненно сверкали глаза, безмолвно шевелились узкие губы. Металлическая лодка уткнулась носом в песок. За кормой темнел мотор, а на носу горбился тюк, обмотанный клейкой лентой. Море светилось, среди фиолетовых волн пробегали длинные млечные зарницы. Катились вместе с волнами к берегу, словно прозрачные духи бежал по волнам, а потом отталкивались и взлетали, а их место занимали другие, светящиеся и бесплотные. Далеко, во мгле то появлялись, то пропадали огни катеров, жёлтые, как капельки жира.

— Сабил, это наш брат Леонид из России. Он расскажет русским о нашей борьбе, о “Хамас”, о твоём подвиге, чтобы о нём узнала вся земля, друзья восхитились, а враги содрогнулись.

Огненные глаза Сабилы скользнули по Торобову и пробежали мимо, словно не заметили. А Торобов вновь испытал мучительную неуместность, желание повернуться и уйти. Заставил себя остаться, повторяя: “Это ты!” Млечные духи вод окружали их голубоватым свечением, взмахивали прозрачными рукавами, словно прощались. Море шелестело, гудело, словно в его глубине играла таинственная музыка.

Женщина в чёрном, мать Сабилы, не выпускала руку сына, тянула его прочь от моря, от погребальной музыки, белых призраков, далёких жёлтых огней.

— Сабил, мой сыночек. Зачем я тебя родила? Зачем тебя у меня отнимают? Сначала Табиб, а теперь и ты. Возьми меня в лодку! Возьми меня с собой на небо! Не хочу я жить без тебя на земле!

— Мама, мама. — Сабил прижимал к себе хрупкое тело матери. — Зачем ты плачешь? Ты радуйся, смейся! Я скоро увижу Табиба, мы обнимемся с ним по-братски. Я расскажу ему, как мы жили без него, как часто его вспоминали, как ты любишь его. Мы станем ждать тебя, встретим и снова будем вместе. Там не будет войны, там не будет голода. Там будут цветы, чудесные птицы, о которых ты нам рассказывала в детстве. Мама, не плачь!

— Сабил, сыночек! — она вздрагивала худыми плечами, сын обнимал её хрупкое тело, которое когда-то его породило, вскормило, а теперь сотрясалось от горя.

— Пора, — сказал Хабаб, посмотрев на часы, полыхнувшие фосфором на запястье. — Через полчаса на катерах смена караула. Они перестают наблюдать за морем. К ним можно незаметно подобраться. — Он осторожно обнял за плечи плачущую женщину. — Отпусти его, Забиба. Ты мать героев. Тебя выбрал Аллах, и ты самая счастливая из матерей.

Взревел мотор, лодка, развернувшись, оставляя зеленоватую дугу, ушла в темноту. Звук мотора стих. Только шлепали и стучали о берег волны, и слышались женские всхлипы.

Они стояли на мокром песке. К их ногам бежали волны, блестящие, как чёрная слюда. Блуждали над морем духи вод. Желтели у горизонта огни катеров.

Торобов чувствовал, как в тёмном сыром пространстве движется лодка, и мученик ведёт её к смерти. Торобов видел лодку не глазами, а страдающим сердцем, в котором дышала мольба, росло ожидание чуда. Вера в то, что чудесным образом мир, попавший в жестокий завиток нескончаемых бед и несчастий, в непрерывную череду убийств и насилий, — мир вдруг очнётся, двинется вспять, и благая сила не даст сомкнуться контактам взрывателя, жуткого взрывного устройства, которым заминирован мир. Призраки света, летучие духи вод сложатся в лунную дорожку, и на ней появится тёмная лодка, и в лодке два брата, любящие, смеющиеся, выйдут на берег и обнимут мать. И он, Торобов, вымолив их жизни, обнимет обоих.

У горизонта полыхнула тихая вспышка. Через минуту прилетел слабый звук, будто палкой ударили в таз. Замерцали колючие трассы, застучали пунтиры пулемётов. Огонь над морем стал разгораться, как уголь, на который дул ветер. Скользили лучи далёких прожекторов. Мать, воздев руки, рыдала.

Хабаб обнял её и сказал:

— Радуйся, твой сын в раю.

Все двинулись от моря к машинам.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Его разбудил страшный треск, словно на постель обрушивалась стена. Вскочил, кинулся на балкон. Ярко светило солнце, летел трескучий грохот. Увидел солнечный город, блеск моря, высотные дома. И один дом, похожий на пирамиду, падал, проседал, осыпался этажами, извергал дым. Ещё не успел рухнуть, как другое здание, блестя стёклами, стало разваливаться на бетонные панели и балки. Оседало с грохотом, словно у него подрезали поджилки. Сквозь каменный грохот и скрежет, пронзая его металлическим свистом, пронёсся самолёт, словно серая тень, и исчез на солнце.

Дома взрывались, проваливались, из них валил чёрный дым. Над городом в разных местах поднимались столбы, выбрасывая пышные пепельные клубы. Со свистом мчались самолёты, взмывая и исчезая на солнце.

Торобов стоял босиком на балконе, слыша содрогание взрывов. Над его головой проносились молнии самолётов, и он пригибался, ожидая, что его срежет лезвие. В нём был не страх, было оцепенение от небывалого зрелища. Под солнцем, у лазурного моря истреблялся город. Кто-то невидимый из неба указывал перстом на дом, в него вонзалась молния, оставляя курчавый след, и дом вырывался с корнем, превращался в чёрный столб дыма. В разных местах города качались колонны дыма. Поднимались великаны, колыхали гривами, выбрасывали в стороны руки, танцевали чудовищный танец.

В этом истреблении города было что-то библейское, беспощадное. Город был предан заклятию, его жителей кидали под железные пилы и тяжёлые кувалды, которые дробили кости городу, дробили кости народу, дробили кости ему, Торобову.

Когда умолкали взрывы, слышались неразборчивые, по всему городу стенания, треск опавших конструкций, вой сирен, голошенье. И ещё что-то, как будто рыдали камни.

Торобов стоял босиком на балконе, глядя, как взрывы приближаются к гостинице, готовы ударить в него, превратить в дым, пар, груды падающих обломков. Но не убегал, не мог шевельнуться, слыша сквозь грохот чей-то громогласный голос: “Это ты!”

Жуткое зрелище было дано ему в назидание. Такой ценой кто-то хотел разбудить его сонную душу, чтобы она очнулась и перед концом узрела истинное устройство мира.

Перст указующий перемещался от здания к зданию, превращал дома в дымные взрывы. Приблизился к нему и остановился где-то близко, за чередой домов, обрушив высотное клетчатое здание. Оно стало складываться, уменьшаться, изрыгая огненный дым.

Взрывы стихли. Шелестело, звенело, булькало, стонало. Камни рыдали, и в этих камнях стонали люди. Город с переломанными костями мучился и стонал.

По улице с воем промчалась пожарная машина. С трепетом фиолетовых вспышек, пролетели две “скорых помощи”. Пробежали люди, слепо и бессмысленно, словно их гнал ветер, и одежда на них казалась растерзанной этим колючим ветром.

Торобов понимал, что бомбардировка города была ответом на ночное потопление катера. А ночное потопление было отмщением за зверский расстрел рыбака. А расстрел рыбака был ответом на взрывы в иерусалимском автобусе. А иерусалимский взрыв был мстостью за строительство еврейских поселений. Эта нескончаемая череда кровавых причин и следствий уходила в бесконечное прошлое и выныривала в бесконечном будущем. И он, Торобов, был включён в это неостановимое колесо. Город взрывался на его глазах, чтобы его душа проснулась, вырвалась из кровавого круга, разомкнула беспощадный обруч.

Услышал оглушительный рёв. Звук упал с неба, расплющил землю, и из этого грохота вырвался самолёт, прошёл над крышами, давая их пятнистым брюхом, разведя крылья с жёлтыми звёздами. Взмыл, исчезая на солнце. Торобов успел увидеть голубой трепет плазмы в хвостовом сопле.

Второй самолёт спикировал на город, грохоча, разрывая воздух, пронёсся над крышами, оставляя твёрдую волну рёва, и взмыл над морем, унося в хвосте синий огонь.

Самолёты падали на Газу, хлестали, истязали город, полосовали его железными бичами. Торобов приседал, в ужасе вжимал голову. Ему казалось, на городе взбухают рубцы, на его спине вздулась полоса от стального бича. И никто не поднимался в рост, не смел кинуть в самолёт камнем, погрозить кулаком. Все лежали ниц, слыша, как на бреющем полёте проносятся самолёты, прокалывают воздушный пузырь, вышибая из окон стёкла.

Внезапно из городских кварталов, далёких, близких, из центра, где дымились руины, с окраин, где ютились утлые домики, прянули ввысь кудрявые трассы. Сотни стеблей вырастали один за другим, и у каждого была тёмная головка, и в головке горел красный уголь. Трассы выгибались в небе, пересекались, развешивали крутые и пологие дуги, издавали стогаосый свист, птичий шелест. Это сотни самодельных “Касамов” уходили через стену в Израиль, и там взрывались на улицах, во дворах, на крышах, сея вопли и панику.

Стихло. Одна, две запоздалые ракеты ушли в небо. В тишине слышались сирены пожарных машин, вой “скорой помощи”, и всё тот же неразборчивый, из воплей и стука камней звук, тоскливый, пузырящийся.

Торобов во время чудовищного удара, оглушённый, подавленный, молил, чтобы великаны взрывов не дотянулись до балкона, где он стоял. Чтобы летящие самолёты не раздавили его своими пятнистыми животами. Он вымалывал себе жизнь не для продолжения рода, не для творчества и любви, а для того, чтобы выполнить жестокий приказ. Найти и убить человека. Жизнь нужна ему для того, чтобы убить другого. Чтобы одна смерть отступила и дала дорогу другой. Он, как игла с металлической дратвой, прокалывает страны, взрывы, военные столкновения, чтобы игла нашла Фарука Низара и пронзила его.

Эта мысль была острой, но ему не хватило времени её развить.

Над городом появились вертолёты, сначала единицы, потом десятки. Кружили медленно, на разных высотах, узкие, как насекомые, с тонким проблеском винтов. Высматривали добычу. Наклоняли клювы, мчались к земле, выбрасывали чёрные пучки, острые, как гарпуны. Вонзали в город, и там полыхало, ухало, хлестало, серый дым сочился из окон. Карусель вертолётов приближалась к гостинице. Всё небо было в чёрных букетах, сносимых ветром. Железные шлепки, скрежет и хруст приближались.

Вертолёт навис над отелем. Торобову был виден фюзеляж, подвески с ракетами, стёкла кабины, жёлтая звезда, слюдяной круг винта. Он запрокинул лицо и зажмурился, ожидая, что огонь накроет балкон и сметёт его.

Но вертолёт отвернул, двинулся над улицей. Наклонил клюв и нырнул, разгоняясь. Из-под брюха сорвался пучок кофоти, прынул на соседнее здание. Взрыв был, как хлопающий удар в живую плоть. Из дыма с воплями, визгом вырвалась толпа, пёстрый растрёпанный ворох. Мужчины, женщины, дети, какой-то белобородый старик, какая-то старуха в чёрном. В панике пробежали по улице, нырнули в подворотню соседнего дома и стихли. Затаились, ожидая удара. Слышался стрёкот винтов, гулкие взрывы, напоминающие стук палки по кровельному железу.

Торобов с балкона увидел, как на улицу вышла крохотная девочка, оставшая от толпы. Красное платьице, хрупкие ножки, курчавая тёмная головка. Стояла посреди улицы, качаясь, словно её валил сорный ветер, беспомощно озиралась. А над ней кружил вертолёт, сыпал на неё стальной звук.

Торобов словно очнулся. Горячая боль, ужас, страх не успеть толкнули его с балкона. Как был босиком, выскочил из номера, сбежал с этажа, вынесся на улицу по осколкам разбитых стёкол. Схватил девочку, прижимая к себе, чувствуя её мелкую дрожь.

— Не бойся! Не бойся, милая! — повторял он. А она, сотрясаясь хрупким тельцем, причитала:

— Ай-йй-йй!

Обнимая девочку, побежал. Влетел в холл гостиницы. К нему подскочили женщины, приняли девочку, которая смотрела чёрными, полными слёз глазами, повторяя:

— Ай-йй-йй!

Торобов по лестнице, чувствуя резь в стопах, оставляя кровавый след, вернулся в номер, сел на кровать и стал извлекать из подошв стеклянные колючки, испытывая нестерпимую резь. Воды в кране не было. Он разордал прорезинно и обмотал ноги, соорудив матерчатые кули, сквозь которые просачивалась кровь. Лёг на кровать, положив ноги на спинку, чтобы отхлынула кровь.

Он вдруг подумал о сыновьях, которые в Москве в этот час погружены в свои хлопоты, служебные, семейные, живут своей отдельной от него жизнью, не ведая, что их престарелый отец лежит с окровавленными ногами в осаждённом городе, не смея себя обнаружить, позвонить им, услышать их любимые голоса, их утешительные слова. Вспомнил, как когда-то в далёком небывалом времени он плыл с сыновьями в лодке, они хохотали, черпали воду маленькими руками, брызгали на солнце. Над озером стояло белое облако, а на берегу, на мостках, стояла жена в розовом платье, приложила руку к бровям, смотрела, как они плывут.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Он прилетел в Ирак и поселился в Багдаде, в отеле “Аль-Рашид”, где жил в свои прежние посещения. Тогда у входа в отель, на полу, из цветного камня был выложен портрет Джорджа Буша-старшего, и каждый, входя в отель, попирая ногами ненавистного американца. Теперь изображение исчезло, пол был полированный, гладкий, но Торобову перед тем, как пройти сквозь стеклянную карусель дверей, показалось, что его подошва топчет лицо президента.

На ресепшене он оставил паспорт, заполнил бланк, где представился русским инженером, проектирующим нефтеперегонные заводы. Поднялся в номер и смотрел с высоты на пышную зелень парков, из которых поднимались дворцы: отели, административные здания, дворец Саддама Хусейна.

Он разделся, осторожно разбинтовал изрезанные стёклами ноги. Пустил в ванной воду и лёг, прижавшись затылком к холодной эмали ванны. Слушал, как ровно рокочет падающая из крана вода.

Чувствовал, как страшно устал. Устали его негибкие мышцы, изношенные сосуды, каждая клеточка и кровяная частица, которые тосковали, беззвучно стонали при мысли, что придётся вставать и идти. Устала душа от нескончаемого круженья по изуродованным странам, среди измученных народов,

в неистовой погоне, где цель каждый раз ускользала, таяла. Превращалась в мираж, заманивала в очередную изуродованную страну, к другому измождённому народу.

Окончив службу в разведке, спрятав в шкаф военный мундир, оставив пылиться погоны, звёзды, ордена, он мечтал остаток жизни, краткую череду отпущенных ему лет посвятить молчаливому созерцанию, забытым воспоминаниям и не отыскивать среди них начинания, которым не дано было продолжиться, которые были оборваны страстной гонкой, рискованными заданиями, хитроумными операциями.

Одно задание сменялось другим, одна операция порождала следующую. Поля сражений, аналитические центры, тайные встречи, посольские рауты, бесщётные лица. Одни из них не сходили с телеэкранов, другие безвестно пропадали, выглядывая из гробов бледными лбами под треск прощальных салютов. Жизнь пролетала, как огненный ступок снаряда, способного прожечь броню. Но вместо брони обнаружилась пустота, не требующая взрыва, гасящая ненужный полёт.

Оказавшись в заснеженном подмосковном коттедже, он мечтал уединиться и приготовиться к завершающим дням своей жизни. Сойка с лазурным крылом была послана ему, как птица русского рая, вестница чудного бытия. Звала за собой, и он был готов полететь. Но его окликнули, оборвали полёт.

Прилетев в Багдад, он почувствовал незримое присутствие Фарука Низара. Его дух витал в пышных зелёных парках, где они прогуливались, обсуждая проблемы, спасаясь от посторонних глаз и ушей. У министерства обороны, где произошло их знакомство, теперь стояли посты новой иракской армии, в кабинетах сидели американские советники. У резиденции президента, где они клали на стол Саддаму Хусейну подписанные протоколы переговоров, застыл танк. На площади, где прежде стоял величественный памятник Саддаму, и вокруг трепетал и блестел сверкающий завиток автомобилей, теперь была клумба цветов. У мечети Аль-Аскари в ступках золота и лазури, куда привёл его Фарук, и они оба с благоговением слушали проповедь муфтия, теперь расхаживал патруль. И только на берегу Тигра всё было, как прежде. Стояли уютные рыбные ресторанчики, где они с Фаруком, прихватив флакон виски, дружески болтали, пьянели, глядя на рыбацьи лодки.

Фарук Низар был где-то здесь, в огромном кипучем городе. Следовало его отыскать, вызвать его дух, чтобы он воплотился в молодцеватого молодого майора с лихими усиками и влажными ласковыми глазами.

Багдад был таинственной колбой, в которой, усилиями разведок, с помощью магических технологий был синтезирован наркотик, одурманивший мир. Сверхплотный эликсир, который пролился в исламский мир и вызвал реакцию огня и света, вскипевшую от Пакистана до Кавказа. Гениальные маги из разведки Саддама Хусейна, американские колдуньи и исламские богословы создали вероучение, опьянившее человечество. Построили организацию под названием “исламское государство”, в котором поселилась долгожданная мечта о справедливости и совершенстве. Оранжевые балахоны казнимых, руины античных алтарей, горящие города и селенья стали образами мировой революции, отрицающей “ветхий мир”. Лазурь божественной правды, отрезанные головы пленных, “пояса шахидов” и проповеди о райском блаженстве были пьянящим дымом, который глотали люди и шли воевать в ИГИЛ. Русские самолёты пролетали сквозь дым, не в силах его развеять. Кальян с дурманом был создан в Багдаде, и Фарук Низар был одним из его создателей.

Торобов, двигаясь по Багдаду, дышал его синей дымкой, и Багдад переливался цветным стеклом, казался драгоценным кальяном, от которого плыла голова.

Не было плана, по которому Торобов мог отыскать Фарука Низара. Суннитский террорист и разведчик, Фарук Низар навещался в Багдад нелегально. За ним охотилась разведка шиитов, агенты ЦРУ и МИ-6. Теперь же, в лице Торобова, его выслеживала военная разведка России.

Двигаясь по Багдаду, отыскивая “след змеи на камне”, Торобов, без всякой надежды на успех, решил посетить дом, где когда-то жил майор Фарук и принимал у себя “дорогого друга Леонида”.

Дом был пятиэтажный, типовой, похожий на московские “пятиэтажки”, с незначительной восточной декорацией фасада. Двор был оборудован под детскую площадку, с облупленными лесенками, качелями, лавочками. Детей не было, на нежарком солнце дремал инвалид в коляске, в безлистом дереве ворковали горлинки. Торобов осматривал окна, старался вспомнить, в каком подъезде жил Фарук. Он подошёл к инвалиду и спросил его.

— Вы сказали Фарук Низар? Фарук Низар, говорите? Нет, нет, конечно, не знаю!

Ответ был поспешным и нервным. Глаза инвалида забегали, словно он боялся, что его услышат. И Торобову стало ясно, что имя Фарука Низара известно калеке. И этот немощный “колясочник” может навести его на след.

— Так неуютно в пустом городе, — произнёс Торобов с виноватой улыбкой. — У меня есть предложение. Мы не обедали оба. Приглашаю, отправимся в какой-нибудь ресторанчик на берег Тигра. И поедим масгуф. Я так скучал по этому рыбному блюду. Мне будет приятно ваше общество. Вы расскажете мне о жизни в Багдаде.

— Да как же я с этой коляской? — заволновался калека. Было видно, что ему хочется принять приглашение.

— Ничего страшного. Вызовем такси, я помогу вам сесть, а коляска будет вас здесь дожидаться.

Торобов вызвал такси. С трудом пересадил инвалида на переднее сиденье. Сам сел сзади. По пути купил в магазинчике флакон виски, и через полчаса они сидели на открытом воздухе в закуской на берегу Тигра. Кругом струились дымы жаровен. По синей воде плыла красная рыбацья лодка.

Хозяин харчевни, любезный толстячок, подвёл Торобова к эмалированной ванне, где в мутной воде шевелили хвостами живые рыбы. Их только что выловили в Тигре, и для них уже краснели угли жаровни.

— Какую желаете? — хозяин окунул в ванну сачок, поддел тяжёлую рыбину. Она закачалась в сетке, сверкая чешуёй. Торобов одобрил выбор. Хозяин плюхнул сачок на стол, вывалил рыбину. Повар поймал скачущую рыбу, оглушил колотушкой. Ножом стал скоблить, шуршать, брызгать чешуёй, сметая серебро, открывая шершавые зеленоватые бока. Вогнал нож в рыбу спину, рядом с плавником. С хрустом разрезал рыбину, раскрыл её, как книгу. Вырвал пузырь, красный шматок сердца, кишок и печени. Понёс к раскалённой жаровне. Как раскрытую книгу, поставил на жаровню. Стальной кочергой сгрёб угли поближе к рыбе, и они задышали, переливались золотом, окутывались прозрачным жаром. Рыба млела, запекалась, становилась знаменитым багдадским блюдом — масгуф.

Пока готовилось блюдо, им принесли помидоры, зелень, хлеб. Торобов разлил по пластмассовым стаканчикам виски.

— Меня зовут Леонид Торобов. Я русский инженер, проектирую заводы. После вашей войны у вас осталось много развалин. Я приехал их восстанавливать.

— Меня зовут Набик Убайд. Как видите, я сам развалина, и не подлежу восстановлению, — печально усмехнулся инвалид.

— За ваше здоровье, доктор Набик.

— За ваше здоровье, доктор Леонид.

Они выпили виски, и Торобов почувствовал горькое жжение, полыхнувшее в голову. Он долго обходился без алкоголя и теперь быстро начал пьянеть. На реке качались две рыбацьи лодки, рыбаки тянули сети, и было видно, как вспыхивает солнечная ячея.

То же тихое солнце вспыхивало в голове Торобова, и он, мечтательно глядя на реку, произнёс:

— Не верится, доктор Набик, что я снова здесь, на берегу Тигра. Та же вода, те же лодки, тот же синий дым жаровен. Но пронеслась страшная война, пропало столько людей, столько надежд. Я не сказал вам, что моя сестра Вера вышла замуж за брата Фарука. Азиз учился в Москве, в военной академии. Они познакомились, поженились. Я гостил у них в Багдаде, был гостем в доме Фарука Низара. Теперь я не знаю, где сестра, жива ли она? Жив ли Азиз? Жив ли Фарук Низар? Я хотел повидать Фарука и что-нибудь

узнать о сестре. Но в доме новые жильцы, и я решился пригласить вас. Простите, что я занимаю ваше время.

Было видно, что сладостное опьянение коснулось сидящего перед ним инвалида. Его измученное лицо посветлело, настоженные глаза осмелели, сутулые плечи расправились. Он с наслаждением смотрел на реку, на серебряный след ветра, на маленькую самоходную баржу, пересекавшую этот след.

— Извините, доктор Леонид, я сказал вам неправду. Я знаю Фарука Низара. Мы жили по соседству и вместе служили, только в разных подразделениях. Я несколько раз видел его брата Азиза и его русскую жену. Значит, это ваша сестра?

— Жива ли Вера? После всех бомбёжек и арестов? Я слышал, что Азиз, как и многие офицеры Саддама, попал в тюрьму. Были расстрелы. Уцелел ли он?

Инвалид помрачнел, вжал голову, словно ждал удара, стиснул губы, будто боялся проговориться. Торобов наполнил стаканчики. Они чокнулись беззвучной пластмассой и выпили, закусили ломтями сырых помидоров. Торобов ждал, когда хмель снова лизнёт их обоих своим жарким языком.

— Мы все были очень самонадеянны. И офицеры гвардии, и генералы генштаба, и Саддам Хусейн. Мы верили договорённостям с американцами, верили в силу армии, в верность генералов. Мы не ожидали предательства. Ирак погиб из-за предателей. Служба безопасности была куплена американцами на корню. Генералы разведки открыли ворота врагам, сдали без боя Мосул и Киркук. Нейтрализовали отборные армейские части. После падения Багдада начались аресты, начались облавы. Тысячи офицеров были арестованы, тысячи расстреляны, сотни увезены за океан на базу Гуантанамо. Был арестован Фарук Низар. Был арестован его брат Азиз. Был арестован я.

Инвалид содрогнулся, по его чахламу телу пробежала судорога, словно сквозь него пропустили ток.

— Я вам сострадаю, доктор Набик, — произнёс Торобов, и глазам стало жарко от слёз. — Вы столько испытали! Нет ничего ужасней предательства!

— Американцы схватили меня дома ночью, за волосы выволокли из постели, и через день начались мои адские муки в Абу-Грейб. Нас выводили голых в коридор, и женщины из тюремной охраны били нас прутьями по детородным органам. На нас напяливали оранжевые балахоны, ставили на стул и заставляли стоять часами, раскинув руки, а тех, кто не выдерживал, били. Нас кидали на земляной пол и мочились нам на лицо. Там был один охранник-негр, он забирал из камеры заключённого и насиловал его в коридоре, и на всю тюрьму раздавались истошные крики. Меня пытали током несколько часов подряд, и, в конце концов, у меня отнялись ноги. Нас заставляли затаскивать в грузовики трупы замученных, и на эти тела было невозможно смотреть. У них были отрублены пальцы, выколота глаза, переломаны кости. Среди этих зверски замученных я узнал Азиза. У него был распорот живот. Эти же муки вместе со мной прошёл Фарук Низар. Не многие из офицеров вышли из Абу-Грейб.

Набик замолчал, его губы вздрагивали, словно он беззвучно рыдал.

Им принесли рыбу на фарфоровом блюде. Рыбина, рассечённая вдоль спины, стояла на блюде, словно раскрытый складень, отекала жиром. В розовом мясе светились перламутровые кости. Торобов ножом разделил складень и разложил по тарелкам благоухающие, окутанные паром половинки рыбы.

— Угощайтесь, доктор Набик. Пусть всё дурное останется позади.

Они снова выпили, и было видно, как благодарен Набик, с каким наслаждением он ест сочную рыбу, вынимает изо рта перламутровые кости, кладёт на блюде.

Они улыбались друг другу. Смотрели на реку, по которой плыла стая уток, и к ней присоединялись другие, падая из неба и поднимая буруны.

— Но не подумайте, доктор Леонид, что эти злодеяния останутся не отмщёнными. Те, кто уцелел и вышел живым из тюрем, вступили в борьбу. Мы изобрели оружие, которое сильнее авианосцев, космических грушировок и ядерных бомб! Под носом у торжествующего врага, погубившего наше

государство, мы создали другое, не знающее границ, несокрушимое, чьё население составят миллиарды. В конце концов, оно распространится на весь мир! — Набик восторженно сверкал глазами, приподнялся со стула, словно яростная мысль вернула ему здоровье. Продержался на ногах мгновение и снова грузно упал на стул.

— Вы говорите, доктор Набик, об “исламском государстве”? Оно возникло на пустом месте, и сначала его никто не заметил. А теперь против него объединяются десятки стран. Его бомбят, называют “мировым злом”, боятся и ненавидят. Откуда оно?

— Вы правы, доктор Леонид. Оно возникло на пустом месте. Его создал Господь. Он долго терпел неправду и несправедливость мира, и его терпению пришёл конец. Это государство родилось из воли Божьей, из учения богословов, из виртуозных усилий офицеров иракской разведки.

Набик поднял к небу ладони, словно призывал в свидетели Господа. Его лицо восторженно светилось, как светятся лица молящихся. Он больше не был беспомощным инвалидом, над которым надругались враги. Он был мстителем, божьим угодником, свидетельствовал, как пророк. Открывал Торобову сокровенные истины.

— Доктор Леонид, справедливость, о которой говорит Коран, является основой всего сотворённого мира. Фарук Низар — один из создателей “исламского государства”. Я горжусь, что он удостоил меня своей дружбой. — Глаза Набика восторженно сияли, словно смотрели в лазурь, в её бесконечную синь, откуда неслось к нему божественное послание. Он был носителем небесной мечты, обладателем несказанного счастья. Был готов за него умереть.

Торобов чувствовал, как трепещет вокруг Набика воздух, словно прозрачное электричество.

— Как бы мне хотелось увидеть Фарука! Пожать ему руку!

Набик умолк и задумался. Тигр лениво струился в зелёных берегах. На него падал ветер, стелил на воду серебряные платки.

— Я вам верю, доктор Леонид. Вы понимаете, что Фарук посещает Багдад с риском для жизни? Я попробую устроить вам свидание с Фаруком. Завтра в двенадцать часов вы будете стоять у дороги на Тикрит, на пятьдесят втором километре. Быть может, там вы пожмёте руку Фаруку Низару.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Военный атташе в российском посольстве был рыжий, с бело-розовым безволосым лицом, с зелёным блеском круглых птичьих глаз. Он открыл сейф и протянул Торобову пистолет ФН американских спецподразделений и обойму из девяти патронов.

— Пристрелян, не волнуйтесь, — произнёс атташе, наливая чай в стеклянные стаканчики. Они пили чай с серым кристаллическим сахаром. Атташе проводил Торобова до ворот посольства:

— Желаю удачи. По завершении операции верните оружие.

Торобов вызвал такси и приказал шоферу ехать на север, по дороге в Тикрит. Водитель был пожилой араб в шапочке из бараньего меха, перед лобовым стеклом качался брелок из стеклянных бусин с маленькой арабеской. Он вёл свою дребезжащую машину под звуки нервной рыдающей музыки, и его тощие плечи танцевали. Багдад долго не отпускал их, окружая пригородными вилами, магазинами, мастерскими, пёстрыми вывесками и забавными рекламными. Не было видно внешних следов войны. Она пряталась в глубине, под пёстрой мишурой реклам и вывесок, как прячется тяжёлая водяная глубь под разноцветной ряской и цветущей травой.

— А что? — спросил Торобов водителя. — Лучше стали жить люди, когда убили Саддама Хусейна?

Водитель некоторое время молчал, подёргивал плечами, в такт воплям и визгам музыки.

— Люди говорят, Саддам Хусейн жив. Убили не его, а похожего охранника. Люди говорят, Саддам Хусейн уехал в Сирию и там воюет с американ-

цами. Люди говорят, в Сирии есть подземный город, и оттуда Садам подаёт команды войскам. Люди говорят, когда он вернётся в Багдад, его статую поставят на место, и жизнь наладится.

Город вдруг оборвался, и машина полетела по пустынному голубому шоссе, среди солнечных холмов, в которых созревала, наливалась весна.

Они достигли пятьдесят второго километра, и Торобов вышел.

— Через час приезжай сюда же. Вернёмся в Багдад, — сказал он шофёру, направляясь к придорожному знаку с цифрой 52. Машина укатила, унося визгливую музыку, и Торобов остался один.

Недалеко от обочины стояло одинокое дерево. Высокий гладкий ствол был увенчан зелёной шаровидной кроной. Глянцевитый шар казался тяжёлым, с молчаливой притаившейся жизнью. Торобов приблизился к дереву, собираясь войти в его прохладную тень. И вдруг из кроны с шумом, свистом, как внезапный взрыв, вырвались птицы, сто или больше. Стекланные крылья, крохотные клювы, глаза. Стая прыгнула, рассыпаясь в небе. Удалялась, взлетая и снижаясь, превращаясь в туманное облачко. Крона дерева обмелела, стала прозрачней и легче.

Торобов сел на землю, прижавшись спиной к стволу. Думал о птицах, которые летят на север в русские леса, где скоро растает снег, и в пустых чащах зазвучат одиноко и сладко птичьи свисты.

Время перевалило двенадцать, но Фарука Низара не было.

Внимание Торобова притупилось. Острота ожидания спала. Он заметил, что по земле, мимо его ног, тянется муравьиная тропа. Множество муравьёв, блестя чёрными тельцами, бежало в обе стороны, сталкиваясь, расходясь. Тащили соринки, крохи, комочки. В каждом муравье мерцала крохотная капля солнца. Тропа достигала дерева, избегала по стволу, стремилась куда-то вверх, к листе. И странная мысль — по этим древним дорогам тысячи лет двигались племена и народы, катили нашествия, скрипели кареты и колесницы, поднимали пыль верблюды и кони. По этим дорогам проходили пророки, цари, прорицатели и отважные воины. Возносились и падали царства, сменялись правители, одна религия приходила на смену другой. И все эти толпы богомольцев, паломников и купцов никуда не исчезли. Просто уменьшились, превратились в муравьёв. Каждый тащит поклажу, куда-то стремится, возносится к туманному небу и исчезает. Его сменяет другой.

Эта мысль казалась увлекательной, странной, возможной. Здесь, на перекрестье восточных путей, были возможны любые превращения, любые чудеса. И он, Торобов, мог уменьшиться, спрятаться в веренице крохотных молчаливых существ, бежать вместе с ними, неся в себе малую каплю солнца, незримый для тех, кто послал его в эти стреляющие разорённые страны. Недостижимый для тех, кто выслеживает его среди измученных городов. Неуловимый для тех, кого он хочет убить из американского пистолета ФН.

Он увидел, как по обочине катит велосипедист, выхляет, то выезжает на бетон, то снова возвращается на земляную обочину. Велосипедист приближался. Поравнялся с деревом, под которым сидел Торобов. Подкатил. На голове у него была неопрятно замотанная чалма. На коричневом лице темнела клочковатая борода. Нос висел, как фиолетовый баклажан.

Одна штанина была зажата прищепкой. Башмаки были заплётённые, без шнурков. Не слезая с велосипеда, он произнёс:

— Завтра в четыре часа на рынке в мясном ряду. — И исчез, полыхнув жгучим взглядом.

Торобов бродил в окрестностях рынка, дожидаясь назначенного часа. Конспирация, к которой прибегали люди Фарука Низара, обнадёживала, сулила долгожданную встречу. Мимо по проезжей части, мешая автомобилям, величаво шествовал верблюд, увешанный бубенцами и цветными ленточками. Его вёл под уздцы араб в долгополой рубашке, синем платке, который крепился на голове чёрным шнуром. Верблюд надменно смотрел на толпу, на гудящие автомобили, шевеля пухлыми губами.

Настало время, когда надлежало явиться на рынок. Торобов ступил под его своды, как ступают под грохочущий водопад. Толпа, смуглая, пёстрая, гомонящая, двигалась под высокой стеклянной кровлей. Сквозь стёкла,

как в теплице, светило солнце, освещало горы помидоров, огурцов, капустные кочаны, ворохи зелени. Прилавки, лавочки, витрины, лотки наполнились финиками, бананами, апельсинами, лимонами. Торговцы развешивали изюм, сухофрукты, залитые виноградным соком орехи. Люди приценивались, торговались, надкусывали бананы, глотали на пробу ломтики персиков, слизывали с ложечек мёд. Кругом всё звенело, хрустело, чмокало, смеялось, переругивалось. Играла музыка. Сочилась фруктовая сладость. Пьяно пахло перезрелыми абрикосами. Горько благоухали жареные кофейные зёрна.

Торобов двигался в толпе, встречаясь глазами с множеством лиц, мужских и женщин, на одно мгновение, чтобы больше их никогда не увидеть. Искал среди них одно единственное.

В мясных рядах пахло парной плотью. На крюках висели рассечённые надвое говяжьи туши, похожие на корыта, с синими и красными жилами. Бараны, безголовые и безногие, растворили животы, в которых белели рёбра. На длинных прилавках, пропитанных кровью, стояли в ряд бараньи и коровьи головы, высунув языки, с фиолетовыми стеклянными глазами. Тут же лежали ноги с копытцами, стояли чаны с коричневой печенюю, скользкими, как грибы, сердцами. Продавцы перебирали сердца, как перебирают лесные грузди.

Торобов прохаживался вдоль подвешенных туш, чувствуя исходящий от них приторный запах бойни. Мясники в клеёнчатых фартуках орудовали большими ножами, стучали по костям топорами. Поглядывали на Торобова, ожидая, когда он укажет на шматок мяса или выберет овечью ногу.

Торобов вдруг почувствовал неясную тревогу, которая мгновенно переросла в панику, страх. Тень набежала и затмила свет. Оглянулся. В проход из-за прилавка выскочил человек, ловким звериным броском, вытягивая руку, в которой блеснул воронёный ствол. Торобов, повторяя его бросок, метнулся в сторону, видя, как в кулаке человека расцвёл рыжий цветок выстрела с лепестками и пустой сердцевинкой. Пуля пролетела у виска и чмокнула в говяжью тушу. Торобов отшатнулся. Вторая пуля чмокнула рядом, брызнув в лицо липкими комочками мяса. Продавцы завопили, все разом, прячась под прилавки, заслоняясь тушами.

Торобов в паденье увидел, как стрелок убегает, вытянув руку, не решаясь на выстрел. И в убежавшем стрелке узнал Набика, не того, в инвалидной коляске, с измученным хилым телом. А гибкого, похожего на танцора, совершающего виртуозный пируэт.

Продавцы продолжали вопить. Сбегался народ. Торобов протиснулся сквозь мокрые говяжьи туши и смешался с толпой. Вытирал с лица комочки мяса.

В номере он долго мылся горячей водой, погружался в пену, смотрел на свои худые, вылезавшие из пены руки.

Он был обманут. Его водили, как водят рыбу, заглотившую блесну. Водили не только в Багдаде, но и в Брюсселе, и в Триполи, и в Бейруте, и в Каире, и в Газе, подводя под взрывы и выстрелы. Его должны были убить, если бы его не хранила чья-то чудесная спасительная молитва. Быть может, бабушки, мамы, жены, которые молятся за него на небесах.

Он шёл по ложному следу, отыскивая Фарука Низара по мнимым признакам, которыми его завлекали враги. Теперь след Фарука терялся. Не было камня, не было змеи, не было следа. Заданию, которое он получил, грозил провал. Всё нужно было начинать сначала. И этим началом будет поездка в Иран, к старинному знакомцу, который когда-то работал в посольстве, в Москве, а теперь занимал высокий пост в иранской разведке. Джахан Махди ведал секретными операциями иранских военных в Сирии. К нему в Тегеран Торобов направит свои стопы, изрезанные осколками стекла, утомлённые бесплодными скитаниями по разорённой земле.

Утром он заехал в посольство и вернул пистолет.

— Смотри, обойма не тронута, — сказал рыжий атташе, принимая оружие. — Не пригодился?

— Нет, почему же. Я колот им орехи.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Не без труда, с помощью посольства, он оформил визу в Иран. Прилетел в Тегеран поздно ночью и остановился в “Ескан Отель”, где останавливался несколько лет назад. Тогда он участвовал в переговорах о поставках в Иран российского оружия. Заключили контракт на закупку Ираном зенитных комплексов С-300. Израиль грозил Ирану бомбардировкой ядерных объектов, назревала большая война. Переговоры о зенитных ракетах шли успешно. В последний момент Россия дрогнула, вняв требованиям американцев, отказалась от сделки, и это вызвало большое разочарование персов.

В те времена он несколько раз отлучался из Тегерана. Побывал в цветущем Ширазе, где маленький восторженный перс читал ему на могиле Саади любовные, сладостные, как мёд, стихи. В Персеполисе, древней столице царя Дария, любовался алтарями огнепоклонников и чудесными барельефами на чёрном камне, где великолепный лев убивает когтями лань. На атомной станции в Бушере наблюдал, как бригады российских энергетиков монтируют стальной кокон реактора. На берегу Персидского залива посещал газовое месторождение Южный Парс, бесчисленные серебряные сферы, цилиндры, чаши, несомчаемые трубы, ведущие к причалам, от которых отплывают в Японию громадные танкеры с жидким газом. Ночью месторождение казалось россыпью бриллиантов, голубых, золотистых, белых, сверкающих до горизонта.

Теперь же Торобов надеялся повидаться с Джаханом Махди, ведающим внешней разведкой. Навести справки о Фаруке Низаре и его тайной организации “Меч пророка”.

После немалых ухищрений он связался с секретарём Махди, назвался старинным другом, оставил свой телефон, уверяя, что встреча с Махди будет полезна обим. Секретарь записал телефон и сухо произнёс:

— Вам позвонят.

Пока его проверяют по всем картотекам, устанавливают гостиницу, где он проживает, пока докладывают о звонке Джахану Махди, у Торобова оставалось свободное время. Он решил посетить пантеон, где покоился прах имама Хомейни, подвижника, как о нём говорили, изменившего ход мировой истории.

Ожидая такси, он сидел в холле, заказав чашечку чая. Сквозь стеклянную карусель дверей проходили люди. Невысокую даму европейского вида, в шляпке, в милых сапожках, захватили стеклянные лопасти дверей, закрутили. Она запуталась, не успела выйти. Её несло по второму кругу. Она испуганно билась, напоминала залетевшую в стеклянную комнату птицу. Портъё кинулся на помощь, остановил дверь, выпустил даму на свободу, и та, растрёпанная, поправляя шляпку, села в подъехавшую машину.

Эта сценка позабавила Торобова, и он едко подумал, что ради неё одной стоило посетить Тегеран.

Гробница Хомейни напоминала грандиозную мечеть. Огромный золотой купол сиял, как негасимое солнце. Высокие минареты страстно тянулись в лазурь, словно могучие заострённые стебли. Внутри было сумрачно, прохладно и гулко. Пол был выложен ониксом и агатом. Своды сияли золотом, бирюзовыми и изумрудными мозаиками, изречениями из Корана, похожими на выющиеся лианы. В центре, окружённая слабым трепещущим светом, стояла гробница. Высокий четырёхгранник, затянутый бархатом, окружённый золочёной решёткой. Воздух был пропитан благовоньями, словно дымились невидимые кальяны. Было безлюдно. Одинокая женщина в чёрном замерла у гробницы, прижала лицо к решётке.

Ночью ему снилось, будто он попал в стеклянную карусель дверей, и из них нет выхода. Прозрачные лопасти толкают его по кругу. Он бьётся лицом о стеклянную преграду, беззвучно кричит, а его бросает от одного стекла к другому, закручивает в стеклянную круговерть.

Звонка не было и наутро. Быть может, Джахан Махди, став крупным начальником, больше не испытывал интереса к Торобову. Или бюрократы иранских ведомств слишком долго оповещали Махди о Торобове. Он смотрел

из окон отеля на улицу, где начинала клубиться толпа, и готовилось священнодействие ашуря.

Он шёл по центральной улице. На проезжую часть валила толпа, словно её выдавливало из домов, дворов, подворотен. Строгие мужи и взволнованные женщины, глазастые юноши и подслеповатые старцы, малыши, которых держали за руки матери. У многих в руках были верёвочные кнуты, тонкие цепочки, гибкие ветки. Все становились в колонну, бесконечную, тесную, разукрашенную знамёнами, арабесками, чучелами чудовищ и злых духов, которые погубили святого имама. Чучела были увешены бубенцами, которые непрерывно звенели. Играла музыка, из громкоговорителей, раскрытых окон, растворённых дверей.

Торобов встал в колонну, окружённый трепещущими флагами, портретами Хомейни, шестами с разноцветными лентами. Впереди, стиснутый толпой, стоял грузовик с открытыми бортами. Кузов был выстлан ковром. Двое дожих парней топтались на ковре. Из-под накидок виднелись их мускулистые тела, в руках были ремённые плётки.

Процессия двигалась, колыхались флаги, грохотали бубенцы, уродливые идолы и чудовища блестели клыками. Колонна стенала, ахала. Свистели бичи, и над всем неслись рыдающие песнопения муэдзинов.

Торобов поначалу был ошеломлён этим неистовым самоистязанием. Но постепенно стоны, вопли, истощающая музыка вовлекли его в свой огненный вихрь. Он начал притоптывать, подражая танцорам в грузовике. Сонмы страдающих и рыдающих людей окружали его, захватывали в свой бушующий поток. Он не сопротивлялся, был готов вторить плачам и воплям. Идущий рядом мужчина в балахоне, похожем на рубище, охаживал себя трёххвостой плетью. Несколько ударов достались Торобову. Он вскрикнул от боли. Но боль, которую он испытал, была не страданием, а состраданием.

Колонна шла мимо роскошных магазинов, помпезных банков, мимо скромных особнячков и домшшек, и рыдала и молила о милосердии и любви.

Он услышал, как в кармане звенит телефон. Вежливый голос спрашивал: — Господин Торобов? Господин Махди готов вас принять. Через час машина будет ждать вас у “Ескан Отель”.

Встреча с Джеханом Махди состоялась в его резиденции, богатом особняке за высоким забором. Едва Торобов переступил порог, как навстречу ему шагнул высокий, дородный, с полными губами и сияющими глазами хозяин. Обнял Торобова, они касались друг друга тёплыми щеками, и Торобов, чуть отстраняясь и оглядывая дородное, породистое лицо Махди, произнёс:

— Ну, вы, дорогой Джехан, по-прежнему напоминаете иранского льва. Того, что изображён на камне в Персеполисе и размножен по всем мировым хрестоматиям.

— А вы, дорогой Леонид, вылитый русский орёл. Вам не хватает второй головы, чтобы красоваться на российском гербе.

Они смеялись, радовались встрече. Их связывали не только давние посольские встречи в Москве, не только осторожное неторопливое общение на переговорах по оружейным поставкам. Их связывала поездка в священный город Кум, визит в исламский университет Мустафы, размышления о божественной справедливости, посещение зеркальной мечети, где образ молящегося подхватывается тысячью зеркал и, как вспышка, разносится по всему мирозданию.

Они перешли из гостиной в трапезную, где был сервирован стол на две персоны. Служители раскладывали по тарелкам печёные овощи, сырные изделия, варёное мясо, наливали в бокалы фруктовые напитки.

Уже в конце трапезы, когда им принесли на десерт мороженое, политое вареньем из грецких орехов, Торобов отложил серебряную ложечку, которой черпал варенье, и произнёс:

— Дорогой Джехан, я знаю, что вы располагаете лучшей картотекой в мире, в которой собраны сведения об ИГИЛ. Быть может, только Израиль может сравниться с вами. Мне нужна информация об организации “Меч пророка” и её руководителе Фаруке Низаре.

Лицо Махди на мгновение окаменело, стало тёмным и твёрдым, приобрело ещё большее сходство с Иранским Львом. Он помолчал, каменные складки щёк, суровая морщина лба, угрюмые, с блеском, глаза вновь наполнились мягкостью и теплом. Он снова принял человеческий облик.

— Фарук Низар выполнял особые поручения Саддама Хусейна. После захвата и убийства Саддама Фарук был арестован американцами и отправлен на Гуантанамо. Там его подвергали обработке и, наконец, завербовали и использовали при создании “исламского государства”. Он является идеологом, ему поручено создавать образ Халифата. Ему принадлежат устрашающие съёмки казней, зрелища изощрённых пыток, которыми он стремится внушить ужас противникам ИГИЛ, а сторонникам — веру в его необоримость. У него на службе находятся дизайнеры и режиссёры из Европы, которые снимают картины террористических актов, сцены боёв и расправ над военнопленными. Один из этих дизайнеров — немец Курт Зольде. Да, Курт Зольде.

— Где он базируется? Как к нему подобраться?

Джехан вновь на несколько мгновений перевоплотился во льва, стал барельефом на камне. Помолчав, произнёс:

— Вы хотите к нему подобраться, Леонид? Это связано с гибелью вашего самолёта над Синаем?

— Вы угадали, Джехан.

Трапезная, где они обедали, была украшена мрамором, мозаиками. На узорной тумбочке стояли часы в виде золотого павлина. Драгоценная птица зашевелилась, закрутила головой, распушила великолепный радужный хвост, и часы ударили семь раз подряд. После этого птица сложила хвост и замерла, изысканно изогнув шею.

— Не делайте этого, Леонид. Прошу вас, как любящий друг. Это смертельно опасно. Мы послали к нему двух агентов, и оба провалились. Фарук прислал нам их головы, залитые жидким стеклом. Кубы из жидкого стекла, и в них заморожены отрубленные головы наших агентов. Не делайте этого, Леонид.

— Где его штаб-квартира?

— Он много разъезжает. Но его база находится в районе Мосула или Ракки. Там он иногда появляется.

— Значит, вы считаете, что приблизиться к базе можно со стороны Турции? Это проще всего? — произнёс задумчиво Торобов.

— Я так не сказал, Леонид. Я прошу вас этого не делать.

— А помните, как интересно рассуждал аятолла Нурсаджани о том, что Коран содержит утверждение, запрещающее применять ядерное оружие? Это был аргумент на переговорах о вашей “Ядерной программе”. — Торобов сменил разговор, и Махди не пытался ему перечить.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Торобов прилетел в Стамбул в сумерках. Ему отвели номер в отеле “Сираган палас” с видом на Босфор. Пока он устраивался, пока ужинал в ресторане, окончательно стемнело. Поднявшись к себе, он отворил окно и смотрел на вечерний Стамбул. На реки белых огней, льющихся по центральным улицам. На зелёно-голубые мечети, как волшебные острова, всплывшие из тёмных пучин. Две жемчужные нитки мостов, соединяющих Европу и Азию, висели в пустоте, как невесомые, прилетевшие из Космоса паутинки. Полный золотых огней самолёт снижался над городом. Босфор, ночной, чёрно-синий, был расцвечен множеством плывущих светлячков, красных, голубых, зелёных, и под каждым корабликом, под каждой медлительной баржей дрожало золотое отражение. Глядя на эту ночную красоту, вдыхая морской воздух, Торобов вдруг ощутил облегчение, освобождение от неотступных страхов, забот и тревог.

Утром его пробуждение было счастливым, как в детстве, когда каждая клеточка радуется и ликует, и ты встаёшь, желая продлить эту счастливую лёгкость, благословляешь дарованное тебе утро.

Босфор был ослепительно синий. Медленно проплывал белоснежный круизный лайнер. Сновали, как тёмные жучки-плавунцы, шустрые кораблики. Мосты через пролив чуть искрились в солнечной дымке. Стёкла в домах во множестве отражали утреннее солнце. Было весело смотреть на этот ликующий блеск. Город мерно гудел, металлически-серый, с шевелящимися магистральями, горбатыми, как верблюды, мечетями. И снова Торобов ощутил счастливое освобождение от гнетущей заботы, от висевшего над ним бремени невыполненного и, быть может, невыполнимого задания. Рядом протекала совсем иная жизнь, в которую можно нырнуть, как ныряет в море дельфин. И Торобов, прозрев, вдруг эту жизнь увидел.

Он отправился на Гранд Базар, где собирался добыть поддельный сирийский паспорт, чтобы переправиться через границу. Обретение паспорта предполагало продолжение погони, но Торобов думал об этом почти машинально, по инерции, словно не верил, что паспорт ему понадобится.

В лавчонке, торгующей для вида стиральными порошками, пастами, флаконами с моющей жидкостью, он обратился к моложавому, плутоватого вида торговцу. Без обиняков сообщил, что хочет купить сирийский паспорт.

— Только сирийский? — спросил бойкий торговец в красной шапочке, с чёрной щеголеватой бородкой. — У нас есть иорданские, египетские, Бахрейна и Эмиратов.

— Только в Сирию, — ответил Торобов.

— Почему-то все хотят в Сирию. Разве там мир?

Торговец провёл Торобова внутрь лавчонки. Здесь был повешен белый экран, стоял стул.

— Вы очень похожи на араба, — произнёс торговец, делая снимок. — Почему-то все хотят походить на арабов.

Торобов заплатил деньги.

— Приходите через три дня.

— А если завтра?

— Тогда ещё столько же.

Торобов заплатил и, выполнив эту почти ненужную работу, отправился побродить по Стамбулу.

Ему хотелось погулять и насладиться просторной площадью Султана Ахмеда с египетским обелиском. Постоять на площади Таксим, щурясь на весеннее солнце. Стамбул казался просторным, солнечным, с порывами тёплого, пахнущего морем ветра.

Он вышел на центральную улицу и удивился её пустоте. Проезжая часть без единой машины. На тротуарах стояли полицейские, некоторые с автоматами. Прокатили несколько полицейских фургонов с мигалками и решётками на окнах. Торобов всматривался в солнечную даль улицы, и там что-то клубилось, туманилось, вспыхивало. Слышалась музыка, неразборчивый гул мегафонов.

— Что это? — спросил он пожилого турка, опиравшегося на клюку.

— Демонстрация. Как будем с русскими воевать.

Бурный красный клубок приближался, хрипел, трубил. Множество знаменосцев несли красные турецкие флаги с полумесяцем и звездой. Крепкие парни с голыми мускулистыми руками играли бицепсами, держали наполненные ветром полотнища. За ними шествовали барабанщики в военной форме, с позументами, били палками с набалдашниками в тяжёлые, косо висящие барабаны. Множество портретов Эрдогана колыхалось над толпой. Юноши и девушки размахивали руками, вздымали кулаки, самозабвенно скандировали “Эрдоган! Эрдоган!” На высоких древках колыхался большой транспарант. Русский бомбардировщик СУ-25 был помещён в сетку прицела. Ревели голоса: “Слава турецким асам!” В такую же прицельную сетку был помещён портрет Президента России. Неслось похожее на рявканье скандирование: “Расстрелять! Расстрелять!” Следом валила толпа. В нескольких местах жгли российские флаги. Играла музыка, рокотали барабаны. Колонна напоминала огненную головню, за которой тянулся хвост косматого дыма.

Торобов из-за спин полицейских смотрел на колонну, в которой кипела ненависть, сила, молодой военный азарт. Но ненависть и ярость колонны не

касались его, не задевали, не пронзали, а были устремлены куда-то мимо, в какую-то неясную пустоту, где толпе было суждено истаять, утихнуть, остыть.

Он повернулся и пошёл прочь от центральных улиц в тихие кварталы, где начинали зеленеть деревья, тянулись развалины крепостной стены, на сырых клумбах пробивались острые клювики пионов. Присел на лавку, слыша, как воркует невидимая горлинка.

Он закрыл глаза, глядя сквозь веки на розовое свечение солнца, пребывая в блаженной дремоте. Почувствовал запах роз. Открыл глаза, надеясь разглядеть благоухающие кусты. Кустов не было. Тянулась изъеденная временем стена, на сырой клумбе пробивались острые носики пионов. Он снова закрыл глаза, слушая, как воркует горлинка. И снова повеяло розами, словно где-то рядом цвели кусты. Он открыл глаза и собирался встать, осмотреть окрестность, надеясь увидеть близкие розы.

Увидел, как из арки в стене появилась женщина, вышла на дорожку, где на лавке сидел Торобов. Рядом, напротив стояла ещё одна лавка. Женщина разговаривала по мобильному телефону. Рассеянно посмотрела на Торобова и опустила на лавку напротив.

Она была молода, с короткой стрижкой, открывавшей виски и маленькие розовые уши, в которых мерцали бриллиантики. Тонкое лицо, золотистые брови, которые она слегка хмурила, розовые губы, которыми она касалась телефона, что-то настойчиво произносила. Под тёмным жакетом белела блузка с приоткрытым воротом, и виднелась цепочка с зелёным кулоном. Юбка была короткой, и она, садясь, натянула её на сжатые колени.

Торобов моментальным счастливым взглядом оглядел её и подумал, что её появлению предшествовало дуновение роз.

Она продолжила говорить по телефону, и лицо её выражало досаду.

— Ты уехала и бросила меня на произвол судьбы. Без тебя я не могу заключить соглашение, — говорила она по-русски. — Хочешь, я приеду к тебе в Анкару?

Её появление среди солнечной дремоты, воркования горлинки, запаха невидимых роз напоминало сновидение. Её русская речь, мелодичный, чуть капризный голос казались изумительным продолжением утренних счастливых предчувствий.

Их разделяла дорожка с тенями деревьев, пространство светлого воздуха, незримая линия, которая отделяет незнакомых людей. Торобов чувствовал, как эта линия тает, в нем исчезала последняя неловкость. Он поднимался, пересекал дорожку, приближаясь к ее скамейке.

— Прошу меня извинить. Я услышал вашу русскую речь. Услышал, что вы одна в Стамбуле. И я один, меня тоже покинули друзья. Почему бы нам не воспользоваться вашим и моим одиночеством? Ничего особенного. Просто встреча двух соотечественников.

На её лице мелькнула досада. Она собиралась подняться и уйти. Но, должно быть, такой наивный и добродушный был вид у Торобова, что она улыбнулась и сказала:

— Чужбина располагает к знакомствам.

Они сидели рядом на скамейке. Ему была видна белая ложбина её груди и зелёный кулон. Он отводил глаза, боясь своего нескромного взгляда.

— Два дня меня преследовали неудачи. А сегодня утром проснулся, и будто заново родился. Впору начинать жизнь сначала.

— А что за неудачи, позвольте узнать?

— Я профессор истории, востоковед. Приехал в Стамбул прочитать в университете лекции. Но контракт до сих пор не подписан. На русских косятся. Как бы не пришлось уезжать восвояси. Меня зовут Леонид Васильевич. А вас?

— Меня Вера. Меня тоже преследуют неудачи. Мы приехали в Стамбул с подружкой. Мы дизайнеры, и открыли здесь ателье. Драпируем окна в коттеджах. Но с тех пор, как турки сбили русский самолёт, заказы пропали. Подруга уехала в Анкару, но и там нет заказов.

— Да, здесь изменилось отношение к русским. Словно турки вспомнили все русско-турецкие войны. А мы вспомнили про Святую Софию, превращённую в мечеть.

— Вы правы, когда я смотрю на минареты, окружающие православный собор, мне кажется, что его взяли в плен и держат под арестом.

— Вот видите, сколько общего мы обнаружили в первые минуты знакомства. Не перенести ли нам наше общение в другое место? Например, в ресторан. Время обеда.

— Дайте мне на размышление минуту.

— Она прошла.

— Тогда я согласна, — засмеялась она, поднимаясь.

На улице Истикляль они отыскивали рыбный ресторанчик. Над входом красовалась позолоченная рыба в шляпе, гуляющая под руки с двумя королевскими креветками.

Они заказали салат из водорослей, суп из мидий, приготовленного на пару сига и бутылку белого сухого вина из турецких сортов винограда.

— Пью за вас, — он поднял шаровидный бокал, в котором кольхалось вино. — Мне кажется, что мы с вами давно знакомы. Первые минуты неловкости давно уже пройдены. Первые, необязательные слова произнесены. И теперь мы можем болтать о чём угодно. Например, о Босфоре, о его лазури, которая рождает в душе почти религиозный восторг.

— Окна дома, где я живу, выходят на Босфор. Он постоянно меняет свой цвет, свой лик. То он в ослепительной синеве, от которой замирает сердце. То он багровый, словно чаша с вином. То зелёный, как изумруд, полный таинственных лучей. А то чёрно-фиолетовый, грозный, когда в него сыплются молнии и падает дождь.

Они наслаждались морскими дарами, маслянистыми водорослями, ароматными мидиями, ломтями розового сига, в котором открывался нежный позвоночник.

— Я люблю смотреть на Босфор, — сказала она. — Где-то рядом Троя, афинский акрополь, египетские пирамиды, Неаполь. Сядешь на корабль, и ты в Средиземном море, в Венеции, в Барселоне.

— Давайте сядем на корабль и отправимся в Барселону. Гауди ждёт нас.

— Мы знакомы меньше часа. И уже в Барселону.

— Самое трудное было подойти к вам и спросить о какой-то чепухе. А теперь, когда эта черта пройдена, можно и на корабль, — он произнёс это с беспечностью, увлекаемый счастливой уверенностью, что всё доступно. Однажды преодолённая черта открывает стремительную возможность сближения.

Они поймали такси, подхваченные счастливым порывом. Его голова кружилась от выпитого вина, от невероятного предчувствия. Его жизнь на глазах менялась, в ней исчезало и забывалось всё тяжёлое, обременительное и ненужное. Уступало место светоносному влечению, которое однажды возникло, чтобы уже не исчезнуть.

В пассажирском порту то и дело причаливали и отплывали прогулочные кораблики. Неуклюжие, шумные, с крикливыми зазывалами, которые зычно оглашали берег названиями островов и прибрежных селений.

Торобов с Верой едва успели вбежать на кораблик, как палуба зарокотала, подул свежий ветер, и Стамбул стал переливаться стеклянными фасадами, горбатыми мечетями, начинавшими зеленеть парками.

— Ну вот, ещё немного, и мы в Средиземном море. Не пропустить бы! — он облокотился о деревянный поручень палубы. Смотрел, как ветер приподнимает её золотистую прядь. Близко от них встречным курсом плыл теплоход, и с него доносилась музыка.

— Я вам так благодарна за эту прогулку! — сказала она.

Рокотала железная палуба. За бортом вздымался гребень ослепительной синевы. Над ним блистали алмазные брызги. Бурлящий след тянулся за кормой. К ним подлетала большая белая чайка, поворачивала в их сторону жёлтый клюв, зорко всматривалась круглым глазом. Мимо пронёсся глиссер, водный лыжник держался за стропы, подсакивал на волнах, и было видно, как переливаются мускулы под атласной тканью костюма.

Приближался гористый остров. Среди деревьев белели строения. Из-за острова вылетела белоснежная яхта и стала приближаться, вздымая пенный бурн.

Торобов расширенными зрачками следил за приближением яхты, за чайкой, невесомо повисшей над палубой, за водным наездником, летящим на стеклянной волне. И вдруг ошеломляющая бесшумная вспышка, и в этой вспышке стоячая у поручней женщина, её полузакрытые от ветра глаза, её высокая шея с серебряной цепочкой, её близкое розовое ухо с каплей бриллианта. Эта вспышка была ослепляющей, ошеломляющей.

— Что с вами? — спросила она.

— Чудо случилось, — счастливо ответил он.

Кораблик пристал к острову, над которым возвышалась гора и поблёскивал крест высокой церкви. У пристани, на площади стояло множество двуколок, запряжённых ишаками. Ишаки были разукрашены ленточками, а у двуколок были красные и зелёные спицы. Они с Верой сели в двуколку. Возница в феске, бархатном сюртуке погнал ишачка вверх по каменистой дороге. На поворотах Торобов несколько раз касался её руки, пугаясь этого прикосновения, робко дожидаясь следующего поворота. На половине горы дорога кончалась, переходила в каменистую тропу. Из двуколок высаживались пассажиры. С горы и на гору медленно двигались люди.

— Позвольте мне опереться на вашу руку, — сказала она, когда они проделали полпути. Стояли на каменистом склоне, глядя на бескрайнюю лазурь, по которой ветер провёл серебром. Он чувствовал её близость, дыхание, боялся, что она отпустит его руку. Ему было легко подниматься вверх. Мышцы стали молодыми и гибкими. Сердце наполнилось сильными жаркими биениями.

Церковь, стоящая на вершине, была бедной и утлой. В ней красовался аляповатый образ Георгия Победоносца в красном плаще, на чёрном коне. И вся доска, весь киот были увешаны ручными часами, дешевыми, пластмассовыми, дорогами с серебряными браслетами.

— Почему здесь люди оставляют часы? — спросила она.

— А зачем им часы? Счастливые часов не наблюдают, — ответил Торобов. Снял с запястья часы и повесил на гвоздик подле иконы.

Они вернулись в Стамбул, когда стемнело. Такси покатило к центру.

— Вот сюда, — направляла она шофера. Машина остановилась перед воротами, у невысокого особняка.

— Вот и кончился мой счастливый день, — произнес он с болью.

— Хотите его немного продлить? — она открыла ворота, приглашая его войти.

Двухэтажный дом был тёмный, фонарь над входом освещал близкое дерево, тропинку, исчезающую в темноте.

Вера вошла в дом. Зажглось окно. На землю упал квадрат жёлтого света. Стала видна какая-то скульптура.

— Входите, — пригласила она. Он вошёл, робея, словно посягал на запретное, принадлежавшее ей пространство. Здесь всё было драгоценно. Витали её запахи, мерцала спальня с зеркальным туалетным столиком, висело на спинке кровати лёгкое платье. Он боялся слишком долго останавливать на нём взгляд, ловил запахи, множество лёгких, принадлежавших ей ароматов.

— Простите, не убрано. Пойдёмте на второй этаж, на балкон, — она вывела его на открытый, неосвещённый балкон. Здесь угадывался столик, два плетёных кресла. Открывался вид на ночной Босфор.

Торобов сел, глядя, как по чёрному бархату пролива плывут огни, струятся золотые отражения кораблей.

Вечерний Стамбул переливался огненными ручьями улиц, мерцал разноцветными рекламными.

— Расскажите мне о себе, Леонид. Ведь я о вас ничего не знаю.

— А мне кажется, я знаю о вас всё. Какое платье вы носили в детстве. В какие игры играли с подругами. Как выглядел особнячок с белыми колоннами, мимо которого вы проходили в школу. Вы жили в маленьком провинциальном городе, ни правда ли?

— Как вы угадали? Я родилась в Тутаеве, маленьком городке на Волге. Там действительно есть особнячок с белыми колоннами, мимо которого я проходила в школу. А вы? Чем вы занимались всю жизнь?

— Я? Да как вам сказать. Всю жизнь путешествовал по странам, по весям. Путешественник и историк.

— Вы, должно быть, столько всего повидали. Расскажите о своих путешествиях.

Поплыли воспоминания, как тучи, и в каждой что-то мерцало, рокотало. Осыпались от взрывов лазурные стены мечетей. Неслись вертолёты, и под каждым пульсировал огонёк пулемёта. Уходил в ненастное море заминированный катер, и вдали раздавался взрыв. Несли на дощатом одре завёрнутого в саван комбрига, и могила дышала стеклянным паром.

Он не пускал в память эти удушающие воспоминания. Рассказывал ей о волшебных странах Востока, какими они представляли в “Шах-наме” и арабских сказках. Рассказывал о чудесном дереве с глянцевитой листвой, из которого прынула стая птиц небывалой расцветки, и у каждой в клюве был бриллиант, изумруд и сапфир. О муравьиной тропе, которая истекала из подземных глубин и уходила в небо, и каждый муравей нёс крупницу золота, ронял её на купол мечети, и мечеть сияла, как солнце. О прибрежных дворцах и храмах с алтарём неизвестного бога, где над мраморным камнем витала прозрачная тень, и слышались звуки молитв. О племени великанов, воздвигнувших города и твердыни, а потом ушедших в море, оставив на камне отпечатки тяжёлых ног. О море, которое начинало светиться, когда из глубин всплывали зеркальные рыбы и играли и резвились в прибое. О стае лисиц, заблудившихся в пустынных холмах, и у каждой было лицо человека, и они, собираясь в круг, выли на синий месяц. О палатах, где обитали лев и павлин, каждому гостю дарили кубок, полный сапфиров, и павлинье перо из волшебных радуг. О прекрасной женщине, о приближенне которой возвещало благоуханье роз, и о страннике, которого посетила любовь.

Он рассказывал ей мифы своей собственной жизни, веря в их чудную достоверность.

Она встала, подошла к нему сзади, положила руки на плечи:

— Вы мой мечтатель.

Они лежали, словно их выбросило из моря прибоем. Он чувствовал льющийся из окна прохладный запах моря и сладостный аромат её духов.

— Ты моя любимая!

Ночью они просыпались, их пробуждения были бурными, и он, подходя к окну, видел ночной Босфор с огнями проплывавших кораблей.

Утро было ослепительное. Он открыл глаза с молодым ликованием. Её не оказалось рядом, но ещё были тёплыми оставленные ею на постели отпечатки. Окно светилось лазурью близких вод и небес. На спинке кровати висело её платье. На стене красовался пейзаж с домиком и пальмой.

Торобов гибко поднялся, испытывая небывалую юношескую лёгкость. Босфор брызнул на него ослепительной синевой. Торобов набросил халат и босиком спустился по тёплым ступеням на первый этаж. Дверь в сад была открыта. Виднелась скульптура дельфина, которую вечером он не мог разглядеть. В дальнем углу дворика стояла Вера и разговаривала по телефону. Халат соскользнул с её плеча, и оно сверкало. Он хотел к ней незаметно приблизиться и поцеловать это обнажённое ослепительное плечо.

Он услышал её голос, говорящий по по-английски:

— Он ещё спит. Думаю, я сумею день-другой его удержать. Он направляется в Сирию. Вы должны торопиться.

Торобову показалось, что на мгновение стало темно. Солнце почернело, и на землю легла тень, — на клумбу с крокусами, на скульптуру дельфина, на фасад нарядного дома. Только голое плечо её продолжало сверкать.

Она угощала его завтраком, подносила кофе с омлетом. Он благодарил, целовал её руку.

— Что-нибудь случилось, родной? — Она заглядывала ему в глаза, — Ты чем-то озабочен?

— Мне нужно отлучиться в университет. Решить, наконец, проблему с контрактом.

— Хочешь, поедем вместе?

— Да нет, оставайся. Я скоро вернусь. Накупило всякой вкусной всячины, вина. Мы ведь теперь никогда не расстанемся, правда?

Он вызвал такси, поцеловал вскользь её щёку, её розовые лживые губы и поехал на Гранд Базар, чтобы получить сирийский паспорт, из которого смотрело на него сумрачное утомлённое лицо старика.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

На контрольно-пропускном пункте на турецко-сирийской границе скопилось полсотни фур, множество легковушек и грузовичков, длинные обшарпанные автобусы и толпящийся люд, стремящийся попасть в Алеппо. Сновали лотшники, продающие газированную воду, фанту, несвежие сэндвичи. Люди сидели под навесами, лежали на земле под деревьями, уныло слонялись, изнывая от жары и усталости. Пограничники оформляли бумаги, отбирали паспорта, вяло отгоняли нетерпеливых, наседавших на пламбаумы путников.

Торобов, угрюмый, чувствуя немощ, глубинную, блуждающую вокруг сердца боль, сидел на саквояже, отдаваясь вялому течению времени, которое медленно двигало скудную тень дерева. По соседству десяток молодых людей, сдержанных, с одинаковым выражением тёмных, огненных глаз, ели лепёшки, запивали пресной водой. Все они были с подстриженными бородами, кто в круглых чеченских шапочках, кто в картузах, а один в плоской афганской шапочке, похожей на ржаную ковригу.

Они слушали мужчину, который был старше их, носил густую, изпод самых ушей бороду, выглядел предводителем их небольшой группы. Торобов слышал его русскую речь:

— Если будет угодно Аллаху, он каждого проведёт сквозь ушко иглы, каждому вложит в иссохшие уста ягоду винограда, каждому продлит жизнь, до той минуты, когда он будет готов войти в рай. Это говорил один мудрец, рождённый шесть веков назад в Багдаде. Забыл его имя.

— Мухаммед ибн Али аль Багдади, — машинально подсказал Торобов. Бородач умолк, все посмотрели на Торобова. Некоторое время длилось молчание, потом вновь зазвучала речь, тихая и неразборчивая.

Бородач поднялся и подошёл к Торобову:

— Позволю себе спросить, кто вы?

— Из России. Писатель Торобов.

— Торобов? — бородач мгновенно подумал. — Кажется, знаю. Но не читал. И что вас влечёт в Сирию?

— В Сирии война, борьба, столкновение нового и старого мира. Это всегда интересно писателю.

— Вы правы. В Сирии особенно остро чувствуешь, что мир меняет кожу. Как змея, он стремится выскользнуть из мёртвой кожи и нарастить новую. Но это всегда больно. Писатель хочет увидеть рождение нового мира, увидеть вестников нового мира, его героев. Это делает писателя великим, — бородач говорил охотно, уверенно. Было видно, что он склонен к проповедям.

— Писатель ищет героев. Старается угадать их среди миллионов обыкновенных людей, — произнёс Торобов, стараясь походить на писателя.

— Вам повезло. Вот они, герои нового мира, — бородач кивнул на своих молодых спутников. Те молча наблюдали за ними.

— Кто эти люди? Кто вы? — продолжал выведывать Торобов.

— Они оставили свои дома, свои семьи, свою работу, свои университеты. Аллах позвал их, и они пошли на его зов спасать погибающий мир. Аллах устал ждать, устал смотреть, как зло разрастается и готово поглотить человечество. Аллах построит новый мир, создаст новое справедливое человечество. Это всегда больно. Эти юноши слышали голос Аллаха. Не все они вернуться домой. Но все они рано или поздно встретятся в раю, — голос бородача стал певучим, взволнованным, как у проповедника, когда тот выходит под своды мечети.

— Откуда они? — Торобов разглядывал юношей, их заплётённые одежды, сдержанные движения, огненные, под чёрными бровями, глаза.

— Тот, что ближе к нам, Расул, чеченец, два года воевал в Афганистане, был ранен. Выздоровел, и едет воевать в Сирию, помогать своим братьям. Рядом Ибрагим из Нальчика, год просидел в тюрьме, там ему переломали все пальцы. Говорит, что остался один не сломанный, чтобы нажимать спусковой крючок. Руслан из Дагестана, воевал в горах, вышел из леса. Говорит: “Хочу заново прочитать Коран в сирийских горах”.

— А вы кто?

— Я физик, преподавал в Казанском университете. Понял однажды, что законы Корана выше законов физики. Закон справедливости выше законов квантовой механики.

Торобов всматривался в лицо бородача. Под его обличьем исламского фундаменталиста проглядывало лицо светского интеллектуала.

— Когда-то в Казанском университете учился Ленин, — произнёс Торобов. — Он, как и вы, понял, что исторические законы марксизма выше уголовных законов, и повёл русский народ в Революцию.

— Ленин был величайшим из русских. Аллах приоткрыл ему законы Справедливости. Но Ленин считал, что справедливость устанавливают люди. А справедливость устанавливает Аллах, и этой справедливости подчиняются небесные светила и полевые цветы.

— Революции, о которой вы говорите, противостоят мировые силы. Авианосцы, космические группировки, бомбардировщики. Как их одолеть? — Торобову был интересен этот проповедник, умевший облекать в доступную светскую форму высокие религиозные смыслы.

— Авианосцы не сильнее Аллаха, и они будут тонуть, как ореховые скорлупки. Космические станции не сильнее Аллаха, и они будут падать в море, как горящие спички. Самолёты не сильнее Аллаха, и русский самолёт, взорванный над Синаем, — на него указал перст Аллаха.

— Но там погибло триста человек, включая грудных младенцев. Разве это угодно Аллаху?

— Когда рождается новый мир, всегда больно. Те, кто погиб над Синаем, были угодно Аллаху, и он взял их в рай. И эти молодые люди, что едут воевать в Сирию, они угодно Аллаху. Они герои Аллаха, мученики Аллаха. Каждый погибший герой производит на свет миллионы героев. История — это ветер. Смерть героя — это искра. Так рождается пожар мировой революции. Сначала Сирия, потом Россия.

Бородач поклонился Торобову и отправился к своим спутникам. Стал что-то вшухать им вполголоса.

Торобов увидел, как мимо него прошёл ещё один юноша с короткой бородкой, в узорной восточной шапочке. Он нёс корзину, полную яблок. Золотистые, с красными наливными боками, они были тяжёлыми, так что у юноши отвисла рука. Он поднёс корзину товарищам. Они заглядывали в неё, выбирали яблоки. Сидели на земле, и каждый держал светящийся плод, боясь его надкусить, — такой красивый, драгоценный он был. Один юноша кинул яблоко другому, и тот ловко его поймал, и кинул обратно, в ответ. Ещё один бросил яблоко товарищу, и ладонь, поймавшая плод, издала мягкий шлепок. Они сидели кружком и кидали друг другу яблоки. Плоды взлетали, золотистые, алые, крутились в воздухе, попадали в ловкие ладони.

Торобов любовался их игрой. Опытные бойцы, искушённые в войне, в лесных засадах, в нападениях на полицейские участки, они были сейчас, как дети, отдавались детской забаве.

Торобову предложили яблоко, но он вежливо отказался.

Возле машин, под навесами, возле деревьев, где лежали люди, началось движение. Люди поднимались с места, шли все в одну сторону, прочь от дороги. Извлекали платки, стелили на землю и начинали молиться. Одновременно, подчиняясь таинственной слаженности, падали ниц, поднимались, замирали, обращая ладони к небу, снова падали лбом на землю. Так одновременно, под дуновением ветра, гнутся стебли травы.

Торобов чувствовал этот ветер, летящий с небес к земле.

Раздались крики, зарычали моторы. Таможенники завершили оформление документов, стали пропускать машины. Сначала тяжело вырли, а

проезжала под шлагбаум колонна фур. Следом прошли красные автобусы и мелкие грузовички. Торобов видел, как молодые люди с бородачом повскакали в синий микроавтобус, на дверце которого была нарисована бутылка пепси. Сам же сел в кабину грузовичка, рядом с тощим длинноносым водителем. И вся протяжённая колонна машин потянулась сквозь ворота таможи, втягиваясь на территорию Сирии.

Приграничный город, сквозь который проходила колонна, казался гончарно-жёлтым, полным горчичной пыли, в которой клубилась толпа, вспыхивали то зелёные, то малиновые хиджабы. Торобов заметил, как на площади тощий верблюд надменно воздел свой библейский нос.

За городом потянулись оливковые рощи, сверкнула синей главкой мечеть, заволокло бурые холмы, над вершинами которых гуляли пыльные ветры.

— Что возишь? — спросил Торобов шофёра, перед носом которого качалась стеклянная птичка, созданная из разноцветных бусин.

— Вожу запчасти. В Турции покупаю, в Сирии продаю. На разницу живу. Чтоб с голоду не пропасть.

— Тяжёлый труд, — посочувствовал Торобов.

— Раньше хорошо жил. Земля была, дом был, оливки были. Теперь ничего.

— Разбомбили?

— Сосед христианин отсудил. У нас христиане всю власть захватили. Глава христианин, судья христианин, полицейский христианин. Творят, что хотят. Мусульман прижимают.

— А говорят, мусульмане их обижают.

— Христиане дружнее. Один за одного. Злые, жадные. Все деньги их. Безбожники. Как это может быть, что три бога вместо одного? У мусульман один Всевышний, а у них три. Как такое бывает?

— Верят в Троицу.

— Ненавижу христиан. Будем их резать, стрелять. Возьму назад дом, землю, оливки, — водитель мотал длинноносой головой, и стеклянная птичка кивала клювиком в знак согласия.

Они обгоняли колонну фур, крытые брезентом короба, шумящие моторами и ветром. Перед ними мчался синий микроавтобус с бутылкой пепси. Торобов старался разглядеть в нём молодые, с тёмными бородками лица.

Он услышал страшный толчок, будто наскочили на столб. Хлестнуло разбитым стеклом и туго ударило ветром. С хрястом огня лопнула соседняя фура, её подняло на дыбы, и она стала наползать на идущую впереди, а из переломленного надвое кузова рвался огонь и дым. Обе фуры летели с дороги в кювет, заваливаясь на бок.

Ещё два взрыва хрястнули впереди на дороге. Клубы дыма, сквозь которые летели яркие брызги. Грузовичок снесло на обочину, и он скакал по ухабам, словно хотел взлететь. Водитель и Торобов вывалились на землю, окружённые грохотом.

Взрывы вздымались на трассе, в гуще машин, на обочине среди песчаной степи. Фуры перевёртывались, крутили в небе колесами, их толкало ударами, и они, падая, начинали гореть.

Торобов, оглушённый, ошалелым взглядом, видел, как череда ударов движется вдоль трассы, пробивает в фурах рваные дыры. Низко, сквозь дым, на бреющем полёте пронёсся самолёт с заострёнными крыльями и красной звездой. Ушёл вдаль, поливая трассу из пушек. Взмыл, исчезая на солнце.

Ещё одна волна разрывов приближалась, раздувала над трассой шары дыма. Прокатилась, дунула зловонным жаром, уходя к голове колонны. Следом, с грохотом пушек, воем и свистом пронёсся самолёт с красной звездой. Взмыл к солнцу. Торобов безумной мыслью провожал самолёт, который был для него посланием Родины. Родина торопила его исполнить задание, указывала взрывами цель, куда он должен спешить.

Самолёты ушли и не возвращались. Кругом горело, чадило. Из разломанных фур вываливались лафеты, орудийные стволы, зарядные ящики. Множество мелких машин горело, сцепившись, как жуки. Торобов, держась за голову, брёл вдоль дороги. Увидел на жухлой земле красное яблоко. Через

несколько шагов другое. Близко синел микроавтобус с бутылкой пепси на борту. Сквозь дверцу прошёл снаряд и разорвался внутри. Из разбитых окон сочился дым. Виднелась голова бородача с белками немигающих глаз, валялась у колеса обгорелая афганская шапочка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Они приближались к городку, в окрестностях которого шли бои. Вооружённые отряды ИГИЛ сражались с регулярной сирийской армией. Грузовичок, уцелевший во время бомбёжки, дребезжал, расшатанный взрывами. Стекланная птичка исчезла и больше не кивала кловом. Водитель что-то бормотал под нос, быть может, молился, и у него дрожали руки.

Торобов чувствовал, как ломит в висках, слона во рту обрела отвратительный кислый вкус. Ему казалось, что у него на груди под одеждой пламенела красная звезда. Её сбросили ему на грудь русские самолёты, которые прилетели из России, отыскиали его в сирийских холмах и положили метку на грудь. Торопили с выполнением задания, которое он проваливал. Фарук Низар оставался неуловим. Находился где-то здесь, среди пыльных городков и селений, в рассыпанных по степи партизанских гарнизонах, окружённый кольцами охраны. Перемещался с места на место, недоступный для взрывника или снайпера. И эта недоступность, неуязвимость Фарука, пылающая под рубахой звезда побуждали Торобова к отчаянному, крайнему средству. Ещё в Москве, продумывая множество комбинаций, даже самых рискованных, он оставлял это средство про запас.

Он расплатился с водителем, пошутив на прощание, что, видимо, один из них праведник, если бомбы их миновали. Пошёл бродить по пыльному, прифронтовому городу. На площади стояли большие автобусы, толпились люди, много женщин с детьми, стариков, с кулями и сумками, с потерянными, обречёнными лицами, какие бывают у беженцев и погорельцев. На тротуарах высились мешки с песком, из амбразур торчали пулемёты, защищая подъезды зданий, где размещались военные. Среди машин, истошно гудящих, объезжающих рытвины, попадались грузовики с вооружёнными людьми. Поверх гражданских пиджаков и безрукавок были намотаны пулемётные ленты, над головами развевались чёрные знамёна ИГИЛ с белой арабской вязью.

Прокатил тягач с орудием, которое подскакивало на выбоинах.

Он зашёл в харчевню под навесом и заказал баранину в сладком соусе и большой чайник с чаем. Смотрел на улицу, на мелькавших людей, с наслаждением вкушая душистый соус, макая в него хлеб. Долго, растягивая время,пил чай.

Расплачиваясь, спросил у служителя:

- Как жизнь в городе?
- Жизнь хорошая. Вчера два раза снаряд прилетал. Но никого не убило.
- Слава Аллаху.
- Слава Аллаху.

Покинув харчевню, двинулся по главной улице, высматривая здание, где мог оказаться штаб. Нашёл таковое. Перед входом полукругом были выложены мешки с песком. За ними виднелись бойцы с автоматами. На крыльце стоял громадного роста боевик с чёрной бородой от ушей, в пятнистой панаме, в разгрузочном лифчике, в котором набухли автоматные рожки и гранаты. Он угрожающе смотрел на проходящих, и казалось, ему не терпится схватить кого-нибудь и хорошенько встряхнуть.

Торобов подошёл к нему и сказал:

- Слушай, брат, отведи меня к своему командиру.
- Зачем тебе? — грозно спросил здоровяк, нависая над Торобовым.
- Отведи. Ему это важно.
- Ты кто такой? — В белках у бородача наливались розовые сосуды, грудь вздымалась, и на ней шевелились рожки и гранаты.
- Я русский разведчик. Отведи к командиру.
- Сумасшедший? Может быть, тебя пристрелить?

— Отведи. Вот увидишь, ему это важно.

Здоровяк смотрел на Торобова, словно раздумывал, сбросить его с крыльца или набить свинцом. Что-то в его свирепом лице качнулось. Он открыл дверь, схватил Торобова за локоть и швырнул в коридор. Пихал в спину, громкая сзади бутсами.

Открыл одну из дверей и бедром задвинул в неё Торобова.

За столом сидел человек с измученным жёлтым лицом. Кисть руки его была забинтована, сквозь повязку проступало бурое пятно. В углу стоял автомат. На столе лежали бумаги, дымилась чашечка кофе.

— Абу Омар, привёл к тебе человека. Говорит, что русский разведчик. Скажи, что делать. Могу башку отрезать. Могу только язык.

Раненый человек поднял тоскующие глаза, поморщился от боли.

— Я — Торобов Леонид Васильевич. Полковник русской разведки. Прибыл для выполнения специального задания. Мне нужно встретиться с Фаруком Низаром.

— Кто такой Фарук Низар? — Глаза командира зажглись острым любопытством, и было видно, что он забыл о боли.

— У меня есть секретное сообщение для Фарука Низара. Помогите с ним встретиться.

— Общайте его, — приказал командир здоровяку. Тот охлопал Торобова от плеч до щиколоток в поисках оружия, а потом стал шарить по карманам огромными пальцами с неожиданной ловкостью. Выкладывал на стол русский и сирийский паспорт, пухлые пачки долларов и сирийских лир, мобильный телефон, многоцветную авторучку с надписью “70 лет Победы”, посадочный талон на борт самолёта, доставившего Торобова с Стамбул.

Командир просмотрел паспорта, помусолил доллары, смахнул всё это в ящик стола.

— Запри его, — приказал он здоровяку, и тот, грозно шевеля бородой, потащил Торобова в конец коридора, втолкнул в полутёмную комнату:

— Подумай о своих грехах. А то к вечеру думать нечем будет, — и ушёл, чавкнув замком.

Комната напоминала камеру, без кровати, без стула, с узкой щелью под потолком, в которую дул ветер. У стены стояло ржавое зловонное ведро. Торобов опустился на пол, подальше от ведра, и стал ждать.

Операция, которую он задумал, была смертельно опасна, но он рискнул и ждал, чем завершится его риск. Встречей с Фаруком Низаром или одиночным выстрелом на задворках военного штаба. Его могли пытать, выуживая истинные цели его появления. Или весть о нём могла не дойти до Фарука Низара, затеряться среди множества полевых командиров, и один из них мог попросту его пристрелить. Но другого средства не было, и он ждал.

Он замер и погрузился в таинственный поток времени, отдаваясь тому, что зовётся судьбой. Теперь не он управлял своей жизнью, а беззвучный поток принял его в свои объятья и повлёк. Так чайка ложится на крыло, и её несёт, чуть покачивает, не выпуская из воздушной струи. Так река колеблет одинокую льдину, поворачивает, приближает то к одному берегу, то к другому, и льдина сверкает, плывёт, подчиняясь загадочной воле реки.

К вечеру за ним зашёл другой постовой, скуластый коротыш, похожий на уйгура. Что-то сердито буркнул, требуя встать. Торобов оказался в знакомой комнате, но теперь за столом сидел худощавый, с утонченным лицом человек, в очках с золотой оправой. На его длинном смуглом пальце красовался перстень с чёрным камнем. Свежий, хорошо выглаженный камуфляж не скрывал белоснежную сорочку. Он предложил Торобову есть.

— Господин Торобов, если я не ошибаюсь?

— Да, я Торобов Леонид Васильевич.

— Вы называете себя офицером российской разведки?

— Полковник российской военной разведки. Если у вас есть доступ к карточкам, вы можете в этом убедиться.

— С какой целью вы оказались в Сирии?

— Я уже сказал, что ищу контакт с Фаруком Низаром. У меня есть для него конфиденциальное сообщение от российского руководства.

— Я не знаю никакого Фарука Низара. И, тем не менее, что это за сообщение?

— Я могу передать его только Фаруку Низару. Скажу только, что оно касается военных действий.

— Мне вы не хотите довериться?

— При всём уважении, нет. С Фаруком Низаром меня связывает давняя дружба. Мы вместе готовили доклад Саддаму Хусейну о поставках российского вооружения.

— Как вы сюда добирались?

— Обычным транспортом. Попал под авиаудар русских самолётов.

Сидящий за столом человек усмехнулся, слегка ударил ладонями по кромке стола, давая понять, что разговор завершён.

Появился сердитый уйгур и препроводил Торобова в камеру. За время, что он отсутствовал, в камере появился тюфяк и кувшин с водой.

Ночь была томительной. Снаружи слышались голоса, женский смех, урчание моторов, взывание муэдзина и далёкая артиллерийская канонада. Он лежал на матрасе и чувствовал, как в темноте, за пределами камеры, за пределами города, среди путаницы человеческих отношений, коварных замыслов, лукавых мотивов и помыслов решается его судьба.

Утром в его камеру принесли маленький столик, скамеечку. На столик поставили блюдо с душистым пловом, чайник и чашку, вазочку со сладостями. Он сидел на резной скамеечке, хватал щепотью рис, чувствуя запахи специй, глотая ломти мягкой баранины. Это угощенье сулило смягчение его доли, внушало надежду, что его комбинация не провалена.

Охранник, теперь не уйгур, а круглолицый, с узкими глазами киргиз, повёл его по коридору в комнату, где он уже побывал дважды. На этот раз из-за стола гибко поднялся моложавый человек с белёсыми волосами, тонким лицом, играющими голубыми глазами. Он был подвижен, всё его тело, губы, белёсые брови, крыльца узкого носа двигались, играли. Казалось, он пританцовывал, нервно-весёлый, в такт какой-то страстной, темпераментной музыке. Он радовался появлению Торобова, как радуются чему-то новому, нескучному, не похожему на всё, что являлось ему прежде.

— Прошу садиться. Господин Торобов, не так ли? Господин полковник, если я не ошибся в звании? — его арабский язык был с акцентом, интонации давались с трудом, и Торобов подумал, что язык он изучал не в живом общении, а штудировал на кафедре восточных языков в каком-нибудь европейском университете. — Меня зовут Салах Новруз. До того, как я принял ислам, меня звали Курт Зольде. Вряд ли вам знакомо моё имя.

— Отчего же? Вы немец, дизайнер. Человек, близкий к Фаруку Низару, — Торобов цепкой памятью удержал ту часть своей беседы с Джеханом Махди, где тот назвал имя немецкого дизайнера.

— Вот как! — весело удивился немец. — Для меня большая честь знать, что мною интересуется русская разведка. Вы действительно хорошо готовились, направляясь сюда.

— Я хочу увидеть Фарука Низара и выполнить данное мне поручение.

— В чём же смысл этого поручения?

— Нам нужны контакты с руководством ИГИЛ, чтобы обсудить некоторые стороны взаимодействия.

— Вчера, на дороге, вы стали свидетелем этих форм. Ответом на эти русские инициативы могло бы стать появление в наших рядах переносных зенитно-ракетных комплексов.

— Речь идёт о мирном процессе. На одном из своих брифингов наш президент заявил, что ИГИЛ не представляет для России стратегической опасности.

— И после этого он прислал в Сирию бомбардировщики.

— Всё это мне поручено обсудить с Фаруком Низаром.

— Фарука Низара нет сейчас в Сирии. Может быть, вы посвятите меня в суть поручения, чтобы я мог ему передать в самых общих чертах?

— Мне поручено передать сообщение только ему.

— Вы утверждаете, что общались с Фаруком Низаром в Багдаде?

— Мы сотрудничали. Я бывал у него дома. Вместе мы несколько раз посещали Саддама Хусейна.

— Как вы думаете, что заставляет российское руководство искать контакты с нами?

— Мотивы мне не известны. Но мне кажется, что в Кремле осознают безнадёжность союза с Европой. Напротив, назревает война. Кремль хотел бы разгрузить свой южный фланг. Нельзя воевать со всем миром.

Курт Зольде взвырал. Острые плечи, кисти рук, нервная шея сотряслись мелкой судорогой. Глаза стали синими, мечтательными и жестокими. Губы порозовели, будто он раздавил во рту сочную ягоду.

— Современная Европа — это склад утомлённых народов, погасших государств, мертвенных политиков. Европа, — это рыба, у которой евреи выклёвывают глаза, печень, сердце, а она только жалко шевелит плавниками. Американский бык увлёт через океан на заливке беспомощную измождённую деву, но, видит Бог, из розовой пены вновь возродится прекрасная Афродита. — Курт Зольде говорил певуче и страстно, в голосе звучало обожание, ненависть и мечта. — Германию после Второй мировой войны сожгли, пепел запаяли в цинковый гроб, зарыли в землю, залили бетоном, положили стальные плиты, и сверху построили синагогу. Но эта синагога шевелится, её качает. Сквозь сталь и бетон из подземного саркофага рвётся к солнцу новая Германия. Великая исламская революция дует в поднебесную трубу, вызывает к народам и странам. Бог возвращается в историю. История новой Европы — это возвращение к великим истокам, когда европейский дух вместе с германской готикой стремился в лазурь, когда музыка питалась глубинными тайнами германской судьбы, будила древних героев и уснувших валькирий, и те мчались впереди великих полков и армий. Ислам своей богооткровенной энергией, своим упованием на божественную справедливость, своей необъятной мечтой плавит сухую коросту современного мира. И хлынул свет. Из этого света, как чудо, возникло “исламское государство”. Зеркало, которое отражает божественный свет, озаряя им душу отдельного верящего человека, и целые народы, сбрасывающие свои оковы.

Курт Зольде испытывал восхищение, дрожал и звенел, как труба, в которую дуют пророки. Торобову казалось, что пред ним человек, которым движет не здравый смысл, а перст Божий, даже если этот перст указывает в бездну. И от этого человека зависела его судьба, зависела судьба операции. И, стараясь не прерывать это безумное песнопение, не спугнуть эту загадочную птицу с хищным клювом и небесной расцветкой, Торобов произнёс:

— Вы художник, дизайнер. Вы создаёте образ Великой революции, мирового государства, божественного преображения мира. Тогда зачем такая жестокость? Зачем эти отрубленные головы, запаянные в жидкое стекло? Зачем эти мученики в оранжевых балахонах с чёрными палачами за спиной? Эти античные шедевры, гибнущие под кувалдами бородатых безумцев? Разве это пленительный образ для человечества?

— Извержение вулкана ужасно, но и прекрасно. Старый мир умирает, и мы провожаем его на эшафот, как провожают приговорённого к казни. Старый мир содрогается от ужаса, посылает на нас самолёты и авианосцы. Но крылатые ракеты и бомбы отскакивают от клинка, который вздымает над головой казнимого отрока в чёрных одеждах.

Курт Зольде умолк, сник, стал усталым и вялым, словно вся его энергия улетучилась, как гаснущий факел. У переносицы в уголках глаз возникла болезненная синева. Он устало сказал:

— Вы, господин полковник, утверждаете, что были знакомы, даже дружили с Фаруком Низаром? Тогда согласитесь на необременительную процедуру. Мы отправим вашу фотографию туда, где сейчас находится Фарук Низар, и будем ждать ответа.

В комнату вошёл фотограф со штативом. Он был в синей артистической блузе, по виду европеец. В мочке уха золотилась серьга, на шее виднелась татуировка — завиток драконьего хвоста. Он попросил Торобова встать и сделал несколько снимков ан фас и в профиль, как это делают при поступлении узника в тюрьму.

— Не скучайте, господин Торобов. Мы скоро увидимся, — Курт Зольде протянул Торобову руку, и тот пожал его вялые холодные пальцы. Он вернулся в камеру и предался размышлениям.

Но вскоре его снова вызвали в комнату допросов. Курт Зольде встретил его сердечно:

— Всё прекрасно, господин Торобов. Фарук Нizar рад был получить ваши фотографии. Тепло о вас отозвался. Сейчас его нет в Сирии. Он лечится от контузии. Пройдёт несколько дней, и мы направим вас к нему. Но до этого Фарук Нizar приказал не оставлять вас без внимания и быть рядом с вами. Я выполняю его приказ. Всё это время мы будем вместе, но, разумеется, не в вашей камере, а на воле, где я и мои соратники готовим материалы о нашей вооружённой борьбе. Возвращаю вам ваши вещи, — он достал из ящика русский и сирийский паспорт, мобильный телефон, сирийские лиры и американские доллары, авторучку с надписью “70 лет Победы” и даже посадочный талон на борт турецкого лайнера.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

— Вот карта. — Зольде расстелил перед Торобовым зелёно-коричневую карту с обозначением оборонительных рубежей. — Здесь на высоте закрепились “башары”. — Он ткнул острым пальцем на серо-коричневое пятно, вдоль которого проходила дорога. Торобов догадался, что “башарами” Зольде называет войска Башара Асада. — Эта высота контролирует дорогу на Алеппо, и мы сегодня выйдем отсюда противника. — Он эффектно щёлкнул пальцем по карте. — Вот тут — женский христианский монастырь, где заперлись двадцать монашек, тучных коров, а “башары” разместили свой наблюдательный пункт. А здесь, — он провёл острым ногтем по зелёному полю карты, — здесь сосредоточились наши силы, будет брать высоту. Моя съёмочная группа станет снимать атаку, и эти кадры уже к вечеру наводнят сеть. Что ж, в дорогу, господин полковник! — насмешливо произнёс Зольде, словно собрался устроить представление специально для Торобова.

Они погрузились в два джипа и выехали из города. Курт Зольде вёл передний джип, усадив рядом телеоператора, того, что утром фотографировал Торобова, в синей блузе, с золотой серьгой. Торобов сидел на заднем сиденье, стиснутый двумя бородачами. От одного пахло луком, от другого — одеколоном. В бок Торобова упирался приклад автомата. Во втором джипе находились два оператора и охрана. Дорога была пустой, местами в воронках. На обочине пару раз попадались обгорелые фуры. Через полчаса, подъезжая к холмам, Торобов услышал далёкий удар пушки, а ещё через полчаса раздалась отчётливые пулемётные очереди.

Они выехали на передовую, где скопилось подразделение, названное Зольде батальоном. Сотня разношёрстных боевиков, вооружённых ручными пулемётами, автоматами и гранатомётами, кто сидел, кто лежал на склоне, откуда не видна была кромка соседнего холма, на котором закрепился противник. Командир батальона, увидев Зольде, вскочил и по-военному отдал честь. Он был немолод, с крепким, коричневым от солнца лицом, орлиным носом и осторожными, чуть раскосыми глазами, которые наделяли его боковым зрением. Он был в камуфляже, опоясан капроновым ремнём, на котором висела кобура с пистолетом. На тонком ремешке на груди висел полевой бинокль. У него были мягкие упругие движения охотника, привыкшего пробираться, затаиваться, терпеливо ждать, наносить удар из-под земли, из потаённой рывтины, из ночной темноты. Что и позволило ему, находясь в военном пекле, под ударами артиллерии и авиации, дожиться до седых волос, которые картинно кудрявились из-под пятнистого картуза.

— Что я буду снимать? — начальственно спросил Зольде. — Вам объяснили задачу?

— Задача атаковать и взять укрепрайон на горе. Но атака в лоб невозможна. Мы несколько раз атаковали и откатывались, неся потери.

— Никто не просил вас атаковать до моего прибытия. Сейчас вы начнёте атаку силами всего батальона, а я стану снимать вашу атаку и рукопашную схватку на вершине холма.

— Но я положу под пулемётами весь батальон. Я собрал его в Иордании и лично обучил каждого в течение двух месяцев. Я обещал им, что проведу их по улицам Дамаска, и мы сфотографируемся во дворце Башара Асада.

— Фильм, который мы снимаем о героях вашего батальона, нанесёт врагу урон в сто раз больший, чем все ваши автоматчики. Фарук Низар рассчитывает, что вы станете главным героем фильма.

— Я боюсь потерять батальон.

— А я боюсь потерять драгоценное время, — оборвал его Зольде и стал карабкаться по склону туда, откуда открывался вид на соседние холмы.

Торобов, вслед за ним и комбатом, добрался до кромки холма и лёг, озираясь.

Впереди открывалась залитая солнцем седловина. Она полого восходила к вершине холма, на котором виднелись брустверы окопов и стояла лёгкая гарь, быть может, от невидимого костра. В стороне, на соседних холмах, виднелся монастырь. Белели постройки, возвышалась колокольня с крестом, который горел на солнце. По седловине темнели разбросанные бугорки, — недвижные тела тех, кто погиб при недавней атаке. У некоторых отсвечивали автоматы.

— Вы начнёте атаку, и я, и мои операторы пойдём вместе с вами. Вы продемонстрируете тактику, какой вы обучали своих бойцов. Наш фильм будет учебным пособием, рассказывающим, как надо сражаться за “исламское государство” и умирать за Аллаха. Его будут показывать в окопах, в домах, в мечетях. Враг, который посмотрит в интернете наш фильм, поймёт, что он обречён. Нам нужна предельная достоверность. Через десять минут начинаем. Солнце благоприятствует съёмке.

Они вновь спустились в низину. Комбат окриком поднял бойцов. Те строились, опускали рядом с собой тяжёлые пулемёты, звякали гранатомётами. У многих за спинами расходились лучами заострённые стрелы гранат.

Комбат расхаживал перед ними, остановился и заговорил:

— Братья, вас родили разные народы и земли, вас кормили молоком разные матери. Но вы приехали сюда, повинувшись небу, каждый из вас слышал один и тот же голос — голос Всевышнего. Теперь все мы родные братья, у нас одна мать — наша вера, и один отец — пророк Мухаммед. Сейчас мы пойдём вперёд под огнём пулемётов, и не все дойдут до вершины. Тот, кто умрёт в начале атаки, первым попадёт в рай и будет встречать в раю тех, кто умрёт позже. И все шахиды, умершие во время атаки, станут встречать в раю тех, кто останется жить и проживёт долгую жизнь. Я всегда был с вами и буду с вами сейчас. Первым пойду в атаку. Дамаск ждёт вас, его прекрасные дворцы и мечети, его богатые магазины и красивые женщины. Аллах акбар! — он выбросил в верх кулак. Строй, громогласно, пылко, единым дыханием вторил: “Аллах акбар!”

Операторы шли вдоль строя, вели камерами, приближали их к лицам, молодым, страстно взирающим, побледневшим от предчувствия близкого чуда, боли, взлёта в сияющую бесконечность. О ней вещала им лазурь мечетей, синева небес, могучий и любящий голос Творца, который сотворил цветы и звёзды, города и дороги, людей и птиц, и требует от каждого лишь смерти в бою, чтобы дивное творение Господа не погибло, не померкло, одарило каждую жизнь несказанным блаженством. Оператор в синей блузе с серьгой в ухе вёл камерой от лица к лицу. Камера маленьким стеклянным хоботком выпивала с их лиц эту сладостную мечту, как пчела пьёт нектар, облетая цветок за цветком.

— За мной! — приказал комбат и стал упруго взбираться по склону, увлекая других. В его руках оказалось знамя — чёрное полотнище с белоснежной выщепшей надписью: “Аллах акбар”! Другое знамя, поменьше, с той же белой, похожей на виноградную лозу надписью, сжимал молодой боец с тонкой шеей, острым юношеским кадыком и маленькой бородкой на красивом лице.

Батальон лежал у обреза низины, скрытый от противника. Торобов поднимал голову, видя солнечное пространство седловины, по которой покатится атака. Ему казалось, в этой пустоте образовался таинственный коридор, невидимый световод, по которому побегут атакующие, помчатся горячие молодые тела, полетят души, излетевшие из убитых тел.

Чадила гарью удалённая вершина холма, золотился монастырский крест. Торобов не понимал, чьей неведомой волей он включён в чужую войну, в чужую атаку, одну из бесчисленных атак, где одни одухотворённые люди стремятся убить других. И что значит для его жизни эта смертоносная атака, в которую он был занесён, словно случайная песчинка? Кому расскажет он о ней? Перед кем покается?

— Аллах акбар! — прорычал комбат. Оттолкнувшись стопой, вскочил и, размахивая знаменем, тяжело побежал на склон. За ним молодо, ловко, с радостью и азартом, вскакивали бойцы и длинными скачками неслись наверх, выставив гранатомёты и пулемёты. Бежали операторы с камерами. Бежал Зольде с какой-то струящейся, змеиной стремительностью.

Торобов неловко поднялся, попытался бежать, но тут же задохнулся. Пошёл тяжело, пропуская мимо волну атакующих и молодого знаменосца, на лице которого сияла восхитённая улыбка.

Вал прошелестел, протопал, сильно продышал, и Торобов, отстав, видел, как течёт вверх поток атакующих, как выются два знамени, блестит, удаляясь, оружие.

На вершине холма, на размытой кромке затрепетал огонёк пулемёта, следом другой, третий. Загрохотало, и в рядах атакующих началось смятение, несколько бойцов упало, их обегали, вокруг других останавливались, наклонялись, пытались помочь. Молодой знаменосец стал спотыкаться, падать, тянул ввысь знамя, а сам оседал, поворачивался вокруг древка, как вокруг оси. Рухнул, выпустив стяг. Комбат, развевая знамя, что-то кричал. И его крик, колыхание чёрного полотнища с белой вязью перестраивало лавину атаки. Гранатомётчики выстраивались в рваную цепь, пускали гранаты, которые летели к вершине, взрывались на кромке, глуша огневые точки. Пулемётчики пробегали сквозь их неровную цепь, открывали огонь, били от животов на бегу, рыхля и туманя кромку. Пока грохотали ручные пулемёты, гранатомётчики вставляли в трубы остроконечные гранаты и били по вершине, накрывали её вспышками и клубами разрывов. Пропускали сквозь свои ряды пулемётчиков. И всё это грохочущее, дымящее скопище удалялось от Торобова, приближаясь к вершине. Загудел, зарокотал, мешаясь с пулемётным грохотом, стоголосый рык: “Аллах акбар!” И весь склон, как упругая ткань, стал стягиваться к вершине. Было видно, как навстречу с вершины ринулся встречный поток, и оба потока смешались, спутались, стреляли, пронзали друг друга огненными иглами, сплпались в клубки, катились вниз по склону.

Торобов шёл туда, где редела рукопашная. Задыхался, без оружия, не понимая смысла своего восхождения, чувствуя влекущую его безымянную волю, от которой он не мог уклониться.

Тёмный ком стреляющих и орущих достиг вершины, перевалил и скрылся, и там, где исчезли люди, кануло чёрное знамя комбата, продолжали стрелять и реветь, окутывая вершину холма бледной солнечной пылью.

Торобов останавливался, тяжело дышал и снова шёл. Курт Зольде кружил по склону, указывая оператору в синей блузе, что ему должно снимать.

— Вот этого, с оторванной рукой! — он наклонялся и вкладывал в оторванную руку автомат. — Рука героя оторвана, но продолжает стрелять!

Подошёл к знаменосцу, потерявшему в падении знамя. На молодом лице всё ещё светила блаженная улыбка. Зольде вкладывал в мёртвые руки шахиды чёрное знамя, расправлял ткань, чтобы видна была священная надпись.

— Герой убит, но он не выпустил знамя. На лице его улыбка, потому что он видит рай.

Торобов сел, чувствуя, что сердце его может разорваться. Вокруг него на жухлой траве лежали убитые. Два или три человека пытались подняться и снова падали, замирали. Он заметил, что у его пыльного башмака расцвёл

крохотный синий цветочек, вестник весны. Его не затоптала атака, не затоптал пыльный башмак Торобова.

Торобов не боялся здесь умереть. Не боялся сгинуть, так и не выполнив боевое задание. Он боялся умереть, так и не поняв, почему он должен исчезнуть здесь, на чужой войне, на чужой горе, в одной из бесчисленных смертельных атак, результат которой не изменит мир, не изменит ход времён, не изменит рисунок небесных звёзд и лепестков цветка, что расцвел возле его пыльного башмака.

— Господин Торобов, теперь вы можете считать себя шахидом. — Зольде насмешливо смотрел на него, и рука его, та, которой он поправлял знамя, была в крови.

Зольде хищной трусцой побежал к вершине, где ещё звучали редкие выстрелы. А Торобов, одолевая немощь, продолжал восхождение, обрeday убитых, брошенный ручной пулемёт, зубчатую ленту. Ему казалось, он движется в незримом коридоре, который прорубила атака, накалила молекулы воздуха ударами пуль, предсмертными воплями, криками “Аллах акбар”, и эти молекулы продолжали светиться.

Вершина, куда он ступил, казалась срезанной, как срезают горбушку. В рытвинах, траншеях, в разбросанных зарядных ящиках, с двумя орудиями, вокруг которых громоздились пустые закопченные гильзы, с тряпьем палаток, с перевернутой вверх колёсам полевой кухней. Казалось, здесь прокрутился вихрь и умчался вдаль, где белесой линией тянулась дорога, сиял на соседней горе монастырский крест. Но в этом хаосе разбросанных и умерщвлённых предметов уже формировался порядок. Сидели на земле по-нурье, сокрушённые, взятые в плен “башары”, без оружия, с растёгнутыми воротниками, с расцарапанными, запылёнными лицами. Поодаль, собранные в груды, валялись их автоматы и пулемёты, напоминая ненужные, сломанные в работе инструменты. Тут же лежали убитые, выложенные в ряд, напоказ, лицами к небу, в мокрой от крови униформе, ещё не одеревеневшие, хранящие в телах последние предсмертные судороги.

По другую сторону толпились победители, распаренные рукопашной, торжествующие, не зная, куда деть неизрасходованную энергию истребления. Поглядывали на пленных, нетерпеливо стискивая ручные пулемёты. Так же в ряд лежали и наши убитые, воздев к небу заострённые молодые бородки, с такими же чёрными пятнами крови из сочащихся ран, будто в мертвецах всё ещё билось сердца, выталкивая не застывшую кровь.

Чёрное знамя, укреплённое в зарядных ящиках, вяло обвисло. Комбат что-то докладывал Курту Зольде. Было видно, как из-под его волос бежит по лицу красная струйка. Операторы кружили, как медлительные грифы, нависая камерами над убитыми, словно готовились выклеивать им глаза.

Торобов присел на зарядный ящик, слыша, как шлопало в нём дыхание, как жжёт в груди. Ему открылось ещё одно зрелище чужой победы и чужого поражения, и он не знал, как обойдётся с этим зрелищем. Не опишет в книге. Не расскажет друзьям и близким. Не изложит в донесении. Быть может, запечатает в дальнем чулане памяти, и оно будет являться в случайных кошмарных снах. Или принесёт на суд Господу и не сможет объяснить, почему он оказался на этой безымянной вершине, почему видит молодое, начинающее каменеть лицо с белым оскалом зубов, почему так тускло отсвечивает ствол автомата, истёртого о красноватую землю холма.

— Господин Торобов! — К нему приблизился Зольде и все с тем же исчезаящим артистизмом, словно он был театрал, попавший на любимый спектакль, произнёс: — Вас ждёт сюрприз. Среди пленных мы захватили русского советника. Хотите с ним побеседовать?

Зольде повел Торобова туда, где сидели пленные, испуганные, вжав головы, словно боялись побоев. Среди смуглых небритых лиц, черных тоскующих глаз Торобов увидел белесые волосы и голубые глаза человека, который сидел, ссутулив спину, снизу вверх смотрел на подходивших, мучительно сморщив лоб.

— Встань, — приказал Зольде, и человек, понимающий арабский, встал. — Поговорите с ним, господин Торобов, на родном языке. Из посторонних вас никто не поймёт. — Он отошёл, делая вид, что не желает мешать встрече двух соотечественников.

Пленный советник был худ, облачён в сирийскую форму без знаков различия, весь в красноватой пыли, которая высыхала на потном лице. Пыль была в ушах, в ноздрях, на веках среди белесых ресниц, в корнях волос, под ногтями больших грязных пальцев, на шее, в морщинах лба. Быть может, его обдало пылью от взрывов. Или он катался по земле во время рукопашной. В нём ещё kloкотал бой, но ярость боя была сломлена, воля растоптана, оружие вырвано из рук и лежало в бесформенной металлической гряде, над которой дрожал стеклянный воздух, как излетающий дух.

— Я полковник российской армии Торобов. Кто вы? Ваше звание, имя?

Пленный молчал, тоскливо водил глазами, не останавливая взгляд на Торобове. Смотрел на синеющую низину с дорогой, на соседние холмы с золотым монастырским крестом. Казалось, он хочет оттолкнуться от вершины, от уложенных в ряд убитых, от груды измызганных стволов и прикладов. Расшвырять в броске победителей, что угрюмо и нетерпеливо взглядывали из-под суровых бровей, ожидая, когда им вернут добычу — поверженных, лишенных воли врагов. Он оттолкнётся от вершины и взмоет, полетит над голубой равниной, над монастырскими главами с золотым сверканьем, туда, где тают последние снега, где весенняя лазурь в вершинах берёз, где на талых опушках распускаются голубые цветы.

— Повторяю, я офицер российской армии. Назовите ваше имя. Я сообщу российскому посольству в Дамаске. Оно вам поможет.

Пленный смотрел по сторонам, словно выбирал направление для своего броска и полёта мимо застывших орудий с грудями истрелянных гильз и чёрного с белой вязью флага. Или, огибая убитых, мимо конвоира с чёрной бородой и ручным пулемётом.

— Вас могут обменять или выкупить. Но для этого я должен знать ваше имя.

Пленный перестал водить глазами, остановил взгляд на Торобове и плюнул в него липкой жёлтой слюной. Торобов почувствовал ожог этой ядовитой слюны, которая текла по его щеке. Отёрся ладонью и отошёл, видя, как, стоя в стороне, смеётся Зольде.

Комбат с бинтом на лбу, сквозь который расплывалось пятно, что-то сказал солдатам. Вытянул из кармана платок и постелил его на истоптанную землю, среди рассыпанных автоматных гильз. И все его бойцы достали платки, растелили на землю и приготовились к молитве.

Пленные пугливо, не сразу, поднялись, стали стелить платки. Конвоир с пулемётом отложил оружие и постелил клетчатый мятый платок. И все, кто был на горе, стали молиться. Опускались на колени, падали ниц, касаясь лбами горы, разом разгибали спины, обращали ладони к небу, вставали и вновь, словно на них дул ветер, сгибались, опускались на колени, прижимались лицом к земле. Молились раненые, из которых сочилась кровь. Молился комбат, сжимая от боли глаза. Молились операторы, и у того, что был в артистической синей блузе, при поклонах вспыхивала в ухе серьга. Молился Зольде, постелив цветастую ткань. Оставались стоять Торобов и пленный советник. На лице Торобова горел ядовитый плевок.

Он смотрел на молящихся, которые недавно убивали друг друга, визжали и кружили в рукопашной, падали на землю, на которую теперь постелили молитвенные платки. Разделённые ненавистью и убийствами, они молились единому Богу, который любил их всех, присутствовал в каждом, возвращал от первых младенческих дней, материнских сосцов, одаривал счастливыми утренними пробуждениями, когда мир кажется перламутровым, любимым и любящим, и Бог окружает их нежностью и обожанием. Они зывали к Творцу, моля об одном и том же. О продлении жизни, избавлении от ран и страданий. О том, чтобы Творец простил их прегрешения, ожесточение сердец, забвение милосердия. И Творец в бездонной синеве слышал их всех, каждому посылал в сердце луч света.

Торобов своей страдающей душой, своей слёзной верой ждал, что воины, прозревшие в молитве, бросятся друг другу на грудь, станут обниматься, брататься, друг перед другом виниться.

Завершили молитву, встали, бережно складывали платки, пряча в карманах. Зольде встряхивал свой клетчатый плат и что-то говорил комбату. Тот тяжёлым шагом приблизился к пленным. Стал их строить, пересчитывая, тыкая каждому в грудь. Грубо оттолкнул советника. Три пулемётчика, опоясанные лентами, выступили вперед и сходу, от животов, ударили очередями, кося пленных. Те в грохоте очередей падали, с криком разбегались, а их разили пули, они заваливались, шевелились, а вокруг бурлила земля от бесчисленных попаданий.

Пулемёты смолкли, из стволов струились дымки. Пулемётчики устало отходили, не глядя на бугрящиеся трупы. Оператор в синей блузе снимал, задирая камеру к небу, словно провожал отлетающие души.

Торобов стоял потрясённый. Расстрел был ответом Творца на молитву. Пленного советника ударами прикладов гнали с горы.

— Не проголодались, господин Торобов? — Зольде приглашал Торобова к подкатившему джипу. — Ещё одно дело, и нас ждёт обед.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Джип, в котором ехали Торобов, Зольде и оператор с серьгой, съехал с горы. К нему присоединились два грузовика, полные боевиков. Попетляли по просёлку, выехали на шоссе и по серпантину стали подниматься на одинокую гору, где стоял монастырь. Его стены казались скалистой породой, выступавшей из горы. Четверик храма был увенчан синими главками с крестами, среди которых самый большой золотился на солнце. Подкатили к монастырским воротам. Деревянные, синие, с красными разводами ворота были закрыты. Боевики, соскочив на землю, стали стучать в ворота прикладами, стрелять в воздух, пока створки ворот не раздвинулась, и в щель выглянула седая кудрявая голова с кольчатой бородой. Боевики вытащили старика из ворот, растворили тяжёлые створки, и джип с грузовиками въехали в монастырь. Двор был пуст, повсюду были клумбы с цветами, пахло розами. Над входом в собор красовалась фреска Богородицы в голубом хитоне, с золотым нимбом. Младенец испуганно взирал на шумных вооружённых людей. Вдоль длинного кирпичного здания вела галерея, и по ней пробежали монахини, похожие на пингвинов, в чёрном, с белыми оторочками. Они провели пожилую монахиню, которой было трудно идти, и её вели под руки.

— Корова игуменья. — Зольде весело смотрел на убежавших монахинь, которые укрылись в здании. — В этом районе Сирии люди говорят на арамейском языке, на том, на котором говорил Иисус Христос. Давно хотел послушать молитву “Отче наш” на арамейском языке.

Они поднялись на ступени храма, отворили резную дверь с железным кольцом и вошли в церковь.

Бесшумно польхали голубые, падающие из окон лучи. Золотой иконостас струился, отекал сияющими ручьями, и тёмные иконы, казалось,плыли среди золотых вод. Столпы были обмотаны шелком и бархатом, тяжёлой, шитой серебром парчой. В серебряных, потемневших от времени подсвечниках теплились свечи. Лампады, как волшебные плоды, — алые, зелёные, синие — висели на серебряных ветвях. Было безлюдно, гулко, пахло сладкими дымами.

— Кто здесь есть? — Зольде приложил ко рту ладони, наслаждаясь гулким эхом.

Бородатые парни вытащили из-за алтаря тощего священника в клобуке и золотой епитрахили. На горбатом носу блестели очки, в них дрожали круглые от страха глаза.

— Святой отец, мы туристы. Узнали, что в вашем храме можно послушать молитву “Отче наш” на арамейском языке. Мало кому удаётся послушать эту молитву на языке самого Христа. Не могли бы вы её прочитать?

Священник топтался, смотрел на Зольде чёрными от ужаса глазами.

— Мы проделали такой длинный путь, чтобы услышать молитву. Читайте, святой отец!

Бородач ткнул священника стволом пулемёта. И тот, косясь на близкий ствол, стал читать. Слова гудели, дрожали, трепетали. Были непонятны своим древним звучанием, в котором открывалась восхитительная глубина, клубилась дивная тайна, и бабушка с умилённым взглядом, прекрасным любимым лицом, певуче повторяла: “Да будет воля Твоя яко на небеси и на земли”.

Оператор в синей блузе снимал убранство храма, вёл камеру от лампы к лампаде, словно срывал плоды с серебряных веток.

— Какая красота, святой отец! Какое высокое переживание! Не хочу, чтобы чьи-нибудь недостойные уши слышали эту святую молитву! — Зольде выхватил пистолет и выстрелил священнику в переносицу. Проломил кровавую дыру, рассыпав вдребезги стекла очков. Священник упал головой в голубой поток света.

— Господин Торобов, служба окончена. — Зольде галантно поклонился, указывая на выход.

Под навесом галереи толпились боевики. На досках лежала голая игуменья. У неё был толстый раздутый живот и огромные груди. Казалось, у неё три головы. Её руки были разведены в стороны, два боевика наступили ей башмаками на запястья, и было видно, как шевелится из-под подошв её пальцы. Двое других развели её оплывшие ноги, не позволяли им дергаться. Была видна её косматая промежность, тёмная вмятина пупка. Очередной боевик стянул рубаху, приспустил штаны, навалился на неё. Она стала кричать.

— На арамейском, — проходя мимо, произнёс Зольде. Торобов отвернулся, чтобы не видеть женскую оплывшую ногу и гибкую, вздрагивающую спину боевика.

Они вернулись в город под вечер. Торобова разместили на верхнем этаже двухэтажного дома, в хорошо обставленной комнате, где было зеркало в резной раме, овальный стол с удобными стульями, мягкий кожаный диван. Видимо, дом принадлежал зажиточной семье, которая, страшась войны, покинула город. Торобова накормили ужином — горячей говядиной в сладком соусе, свежими овощами, принесли большой чайник с душистым чаем. С ним обращались предупредительно, служитель, принесший блюда, кланялся и улыбался. Но дверь оставляли запертой, внизу слышались голоса, звяканье оружия. Зато из комнаты на плоскую крышу вела лесенка. Торобов вышел на плоскую кровлю, где стояли горшки с засохшими цветами. Смотрел на вечерний город, на улицы, полные торопящихся людей с какими-то кулками и сумками, словно они куда-то опаздывали. На грузовики с боевиками. На мечеть с острыми, как веретёна, минаретами, которые уже были подсвечены зелёным. Он не знал, сколько его продержат взаперти, когда осторожный Фарук Низар откликнется на его зов, поверит ли ему. Или разгадает его хитрость, и ему суждена пуля на каком-нибудь глухом пустыре.

Ночью он проснулся от пугающей мысли, что в своих расчётах он пропустил какое-то важное обстоятельство, забыл его включить в свой план. И поэтому план обречён на провал, ему грозит разоблачение. Проницательная разведка противника уже раскрыла его замысел. Жестокий артистичный Зольде играет с ним, забавляется, прежде чем замучить в застенке.

Торобов вскочил. Света не было. В окне была темнота. Нашукал перила лестницы, ведущей на кровлю. Поднялся и вышел на крышу. И понял, что именно он не включил в свои хитроумные расчёты.

Небо. Оно дохнуло необъятной ширью, распахнулось блистающим простором, осыпало его мерцаньем и блеском. Звёзды — белые, голубые, зелёные — дрожали, текли, сливались в пылающие сгустки, растворялись и тонули в туманностях. Орнамент звёзд проступал небесной геометрией, словно их соединяли горящие линии. Другие звёзды размыто тонули в голубых туманах. Небо волновалось, трепетало, по нему пробегал ветер, и звёзды казались отражениями на чёрных волнах. Небо замирало, и звёзды, драгоценные, как бриллианты, горели бессчётными россыпями.

Торобов, запрокинув голову, смотрел на небо. Оно не было включено в его построения. Неба не доставало в его замыслах, где присутствовало множество деталей и мелочей, но отсутствовало главное — небо.

Как оно соотносится с той пулей, что ударила в баранью тушу на багдадском рынке? Как соотносится с убитым знаменосцем, чьи побелевшие кулаки сжимали древко, а на лице застыла блаженная улыбка? Как оно соотносится с грохочущими пулемётами, что валили наземь пленных солдат после их молитвы? Как соотносится небо с убитым священником, лежащим в потоках голубого света? Как соотносится с толстой женской ногой и дрожащими мужскими ягодицами?

Утром Торобова разбудил шум моторов, бравурная музыка, крики. Выглянул в окно. По улице катили грузовики с вооружёнными людьми, развевались чёрные знамена с белой вязью. Работал громкоговоритель, установленный на легковушке. По тротуарам торопился народ, все в одну сторону, туда, куда звала музыка маршей, катили грузовики со знаменами.

Вошёл Зольде, в бархатной куртке, с голубым шарфом, перетянутый ремнём, на котором висела кобура. Он походил на бутафорского персонажа революционных фильмов, в которых действуют анархисты и лихие налётчики. Его утончённое лицо было бледным, синие глаза мерцали, словно в них закапали возбуждающие капли, на тонкой переносице у глаз проступили синие жилки.

— Господин Торобов, имею для вас приятное известие. Фарук Низар ждёт вас в Катаре. Сегодня мы отправим вас в Иорданию, и оттуда вы прилетите в Доху. Вас будут встречать. Я приготовил вам церемонию прощания. Машина внизу.

Народ густо толпился, прижимаясь к нарядным домам, в которых, по всей видимости, размещались муниципальные учреждения и на фасадах которых висели флаги. Цепь автоматчиков отсекала толпу от площади, в центре которой красовалась алебастровая чаша, быть может, остатки заглошшего фонтана. На этой чаше был сооружён помост, обтянутый зелёной тканью, тесно, плечом к плечу, стояли бородачи зверского вида с автоматами, положив пальцы на спусковые крючки. Перед чашей была сложена поленица из кривых брёвен, напоминавшая колодезный сруб. Японский подъёмный кран вытянул вверх стрелу, с которой на лебедке свисал огромный железный крюк. Этот крюк был начищен до блеска, сиял на солнце, и было видно, что его чистили старательно, как мастера высокого класса чистят и холят свои любимые инструменты. Торобова подвели к алебастровой чаше и поставили рядом с другими людьми, полевыми командирами и городскими чиновниками, кто в камуфляже, кто в гражданской одежде, кто в арабских платках, охваченных чёрными шнурами.

Площадь кольхнулась, толпу качнуло в одну сторону. Все головы, бородатые, в платках, пятнистых картузах, хиджабах, в металлических касках, повернулись к улице, из которой донёсся рокот мотора. Тяжёлый грузовик с открытым кузовом медленно въезжал на площадь. Грузовик был украшен зелёными трепещущими флажками. В кузове с откинутыми бортами стояла железная клетка, и в ней, в оранжевой долгополой хламиде, держась за прутья, стоял человек. Рядом с клеткой, в чёрных балахонах, в масках с прорезями для глаз, застыли существа, похожие на обитателей подземного царства. Ярко-оранжевая хламида и чёрный цвет балахонов создавали зловещий контраст, от которого у Торобова заныло сердце. В человеке, облаченном в оранжевую хламиду, он узнал пленного советника, который вчера плюнул ему в лицо. И теперь он чувствовал ожог на лице, смотрел, как грузовик медленно разворачивается на площади, приближаясь к подъёмному крану, а телеоператоры снуют вокруг, наводя телекамеры.

Грузовик пятился, сверкающий крюк нависал над клеткой. Чёрные существа махали крановщику, подтягивали крюк к железной, закреплённой на клетке серье. Лебедка заработала. Клетка закачалась в воздухе. Грузовик отъехал, а кран повёл стрелой, и клетка очутилась над поленицей, медленно раскачивалась.

Торобов видел, как советник дико водит глазами, смотрит на отточенный клык, на солнечную площадь, заполненную гудящей толпой, ищет среди неё хоть одно сострадающее лицо и не находит.

Курт Зольде с красным мегафоном в руках молодцевато взбежал на помост, оказался в центре чаши и замер, напоминая скульптуру фонтана. Поднес мегафон к губам и надрывно, яростно, мелко сотрясаясь от страсти, стал выдувать из мегафона лающие слова:

— Во имя Аллаха милостивого и милосердного! Вчера в бою мы победили сильного врага, который превосходил нас числом, но не превосходил отвагой и верой! Аллах даровал нам победу, ибо он благоволит к верным, бесстрашным и побеждающим! Среди тех, кто стрелял из пулемёта в наших шахидов, кто срезал пулей нашего знаменосца, приехавшего из Йемена поддерживать нашу священную войну, среди них был этот русский! На них падет гнев Аллаха! Сегодня мы выполняем волю Всевышнего и заповедь пророка об огне очистительном! Господь дал нам в руки свой священный огонь, чтобы мы превратили в пепел заражённую плоть, которая распространяет заразу по всей земле! Смерть русской собаке! Аллах акбар!

Зольде проревел эти слова, срываясь на визг. Воздел красный мегафон к небу. И вся площадь взметнула кулаки, автоматы, единым рыком выдохнула: “Аллах акбар!”

Торобов чувствовал тяжёлую плотную ненависть, от которой над площадью вихрилась пыль, плескались чёрные флаги, качалась железная клетка. В ней обессиленный от этой ненависти человек в оранжевой хламиде упал на колени.

Из толпы сквозь строй автоматчиков выбежал мальчик в розовых шароварах, в вязаной шапочке. На его маленьком смуглом лице сверкали чёрные ненавидящие глаза. Он подбежал к клетке, кинул камень. Камень звякнул о железо и упал на землю, а мальчик, отбегая, грозил кулачком.

Существа в чёрных балахонах с прорезями для глаз и ртов забегали вокруг пленницы, выплескивая на неё из канистр желтоватый бензин. Один кинул зажигалку. Пламя шумно полыхнуло, охватив дрова, клетку. Пленный отшатнулся от огня в одну сторону, ударившись о железные прутья, а потом в другую, заслоняясь от огня локтем.

Пламя рвалось в клетку, пронизывало насквозь решётку. Пленный с криком метался, кружился волчком, отрывал от пола босые ноги. Его оранжевая хламида горела, обнажилось голое тело, на котором дымились клочья лишней материи.

Торобову казалось, что его собственная кожа покрывается волдырями, на ступнях взбухают полосы ожогов, волосы дымятся. Не отводя глаз от ужасной казни, он вдруг понял, что убьёт, точно и беспощадно, дотянется стреляющей рукой до ненавистного лица. Отыщет Фарука Низара в стальном бункере, на подводной лодке, на молитвенном коврике, в объятьях женщины, на смертном одре. Божественное предназначение его, Торобова, жизни — детства и юности, сиреневой колокольни, бабушкиных сказок, маминых акварелей, обожающего взгляда жены, главная цель его жизни, ради которой он появился на свет, — убить Фарука Низара. Увидеть, как входит пуля в его бледный, над пушистыми бровями, лоб.

Советник страшно кричал, хрипел, матерился. И вдруг силло зашел: “Эх, мороз, мороз, не морозь меня!” Издал рыдающий вопль: “Прощайте, мужики!” — и упал, бился на раскалённых прутьях, затихал среди треска и гула.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Он прилетел в Катар ночным рейсом компании “Эмирейтс”. Покинул стеклянный прохладный аэропорт, очутился в душной маслянистой ночи с запахами тропических растений и близкого моря. Пальмы шевелили своими косматыми перьями в ночном жарком ветре. Фары машин отражались в асфальте, словно он был покрыт масляной плёнкой.

Он остановился в отеле “Краун плаза”. В номере достал из холодильника ледяное пиво и пил, глядя в просторное окно на ночную Доху. Небоскрёбы переливались, как разноцветные льдины. Стеклопакеты, уходящие в небо стебли переплетались друг с другом. Кристаллы самоцветов дышали алым, золотым, голубым сиянием. Прозрачные колбы, висящие в небе шары были наполнены пылающей плазмой. Поднимались фантастические светящиеся грибы. Загоралось золотое перо, оброненное невидимой птицей. В чёрном небе распускался алый бутон, превращаясь в огненный мак. Небоскрёбы толпились, мерцали, менялись местами, кружились в колдовском танце, и на каждом загоралась бриллиантовая корона, изумрудный плюмаж, голубая, лунного цвета чалма.

Торобов смотрел на город, но его красота не трогала. Здесь, среди танцующих небоскрёбов, хрустальных чаш и поднебесных фонтанов находился тот, кого он должен убить. Эта мысль, спокойная и холодная, как канал ствола, управляла теперь его волей. Его погоня окончена, он будет ждать, когда тот, кого он должен убить, появится перед ним.

Зазвонил телефон:

— Господин Торобов, с прибытием в Доху. Меня зовут Абу Ясир, я помощник Фарука Низара. Фарук просил передать, что с нетерпением ждёт встречи. Но она состоится только послезавтра. Завтра после девятнадцати я приеду к вам в отель, и мы познакомимся.

Они пили кофе. Торобов смотрел, как плавно, вверх и вниз, движется капсула лифта, похожая на драгоценный кристалл. Абу Ясир был худой араб с чёрным, почти негритянским лицом. Вместо щёк у него были ямы, на дне которых скопилось тьма. Верхняя губа была рассечена, неровно срослась, не прижималась к нижней, открывая искусственные, слишком белые зубы. Руки были в розовых пятнах от ожогов, с искривленными пальцами. Глаза с желтоватыми белками смотрели остро, пристально, с едва заметным отчуждением.

— Фарук Низар просит прощения за то, что не смог сразу повидаться с вами, господин Торобов. Очень важные дела, с утра и до вечера.

— Катар сегодня — место деловых свиданий. Финансовый центр, штабквартира ЦРУ, отделение “Рэнд корпорейшен”, американское военное командование. Я бы и сам был не прочь побывать во всех этих ведомствах.

— Фарук Низар лечится после контузии. Ведёт переговоры о поставке госпиталей. После налётов русской авиации очень много раненых и калек.

— Миссия, которую я выполняю, связана с прекращением бомбардировок.

— В чём суть ваших предложений? Познакомьте меня в самых общих чертах. Содержание их вы расскажете Фаруку Низару при встрече. Но он хотел бы знать общее направление беседы.

— Речь идёт о договоренности между руководством России и вашим руководством. Россия готова прекратить бомбардировки и вывести из Сирии свои самолёты. Вы же должны дать заверения, что прекращаете террористическую деятельность на территории России, на Кавказе и в Средней Азии.

— Если бы это было так просто. В этой игре столько участников.

— Я не берусь исследовать эту проблему. Знаю, что халифат без священного камня Каабы, без Мекки и Медины не имеет своего священного смысла. Туда, в Саудовскую Аравию будет направлен вектор вашей экспансии.

— Кто уполномочил вас вести переговоры? Кто за вами стоит?

— Генеральный штаб. Но вы понимаете, что за Генштабом стоит высшее политическое руководство. Не исключая, что такие же переговоры ведутся и по другим каналам, помимо меня.

— Возможно. — Абу Ясир замолчал и, казалось, забыл о Торобове. Драгоценный кристалл лифта двигался вверх и вниз, ненадолго замирая на месте.

— Когда я увидаюсь с Фаруком Низаром? — нарушил молчание Торобов.

— Завтра утром. Он приглашает вас покататься на квадрациклах по пустыне. Это его любимое развлечение. За вами в шесть утра заедет машина. За рулём шофёр, алжирец, Махмуд. Он вас найдёт в холле. Не пытайтесь

с ним разговаривать. Он глухой. В Абу-Грейб ему разбили барабанные перепонки. — Абу Ясир посмотрел на свои обожженные руки с искривленными пальцами.

На другой день машина подкатила к тенту, где на площадке стояли в ряд квадрациклы, жёлтые, чёрные, красные, отливая стеклом и хромом. К машине подскочил служитель и стал жестикулировать, показывая на квадрациклы, на бархан, на синюю зарю. Алжирец рукой подозвал Торобова, указал на заднее сидение жёлтого квадрацикла. Служитель вручил обоим защитные очки. Алжирец таяжко плюхнулся на переднее сиденье. Завёл мотор, и они вынеслись из-под тента на волю.

Волна песка подхватила машину, и та рванулась вверх, рыхля мягкую борозду. Пахнуло сладким ароматом, окружило пышными ворохами. Они вознеслись на гребень, где бархан превращался в тугую лопасть с отточенной кромкой, в которой застыл вихрь ветра. Лопасть кольхнула машину, закрутила в вираж. Квадрацикл обвалил язык песка, ухнул в седловину и с ревом стал взбираться на другой песчаный бугор. Рыхлил шелковистую гору, взметал фонтаны песка. Песчинки стучали в стекла очков, кололи щеки. Машина взлетела на бархан и тут же ухнула вниз, так что захватило дух. Пронеслась в свободном полёте и мягко ударилась четырьмя колесами о дно седловины. Упрото подскочила и помчалась, кренясь, чиркая бархан двумя колесами.

На вершине открылась бескрайняя пустыня с зарёй, с морем, с белой бахромой приборя. Торобов, вцепившись в рукоятки, видя перед собой могучую спину алжирца, готовясь к заветному выстрелу, восхитился стихией моря, песка и неба. Сюда, после всех виражей и кружений, принесла его отточенная лопасть судьбы.

Он увидел на отдалённом бархане другой квадрацикл с наездником. Маленькое пятнышко на белой глади песка. Алжирец повернул машину в сторону удалённого наездника и погнал её. Торобов различил чёрно-красный узор машины, ездока в белой рубахе и очках. Тот тронулся с места. Помчался, разрезая склон, вздымая бурун.

Они летали по пустыне, взмывали к небу и рушились в мягкие впадины. Пустыня нежно волновалась вокруг, словно множество обнажённых женщин с округлой грудью, мягкими животами, плавными бёдрами нежилось под зарей. Заря расцветала, в ней появлялись розовые и жёлтые нити, пески белели, светились, из них исходило сияние. Два квадрацикла бешено гонялись один за другим, выписывая вензеля. Чёрно-красная машина взмыла на вершину и встала. Жёлтый квадрацикл, глуша мотор, подкатил и встал рядом. Наездник чёрно-красной машины спустился с седла, снял очки, и Торобов узнал Фарука Низара.

Он уже не был тем молодым щеголеватым майором иракской армии с пушистыми бровями, наивным романтическим взором, с милой улыбкой на пунцовых губах. Его лицо было коричневым, обветренным и обутленным неведомым жестоким огнём. Этот огонь вытопил всю его свежесть и молодость, оставил на лице вмятины, морщины и складки. Жёсткая бородка прикрывала рубец под нижней губой. Глаза были жёсткими, насмешливыми, они были окружены трещинами тёмных морщинок. И только брови оставались густыми, пушистыми, уцелевшими от пламени.

— Здравствуй, дорогой Леонид, — произнёс Фарук Низар, шагнув навстречу. Торобов покинул седло. Почувствовал, как тяжёлые руки алжирца ощупывают его с головы до пят. Алжирец вытянул из-под ремня у Торобова кольт, показал его Фаруку Низару и сунул себе в жилетку. — Здравствуй, дорогой Леонид!

Они обнялись, коснулись друг друга щеками. Торобов, чувствуя сухую коросту его лица, видел за его спиной лазурное море, белые валы пустыни и зарю, которая из синей становилась жёлтой и розовой. В ней расплавилась золотая жилка.

— Сколько же лет мы не виделись, дорогой Фарук? Сколько времени прошло с тех пор, как мы сидели на берегу Тигра и вкушали чудную, испечённую на углях рыбу? А наша поездка в Вавилон? Твоя милая жена пока-

звала нам этих гончарных чудищ с лапами орла, головой льва и хвостом змеи. И ты пророчески заметил, что это образ грядущего 21-го века. Скажи, как поживает твоя очаровательная жена и твой смысленный талантливый сын?

— Жену и сына убила американская крылатая ракета, когда они по моему настоянию покидали Багдад. А вавилонских чудищ скололи со стен американские солдаты и продали на чёрном рынке. Ты видишь, я был прав. Наш век имеет когти грифа, башку рыкающего льва и жалящий хвост змеи.

— Прими мои соболезнования, Фарук. Американские крылатые ракеты летают по миру, как ядовитые осы. Смертельно жалят детей и женщин. Знаю, ты много вынес за эти годы. Больше нет благоденствующего Ирака, нет уютных семейных очагов.

— Нас погубили не крылатые ракеты американцев. Нас погубили предатели в гвардии и разведке. Саддам Хусейн до последнего не верил, что его предадут любимые генералы. Что они пустят американцев в Багдад. Он не верил даже тогда, когда на него надевали петлю. Что может быть страшнее, когда друг уверяет в дружбе, а сам замышляет убийство? Не так ли, дорогой Леонид?

— Но ведь ты сражался. Тебя они не купили. Тебя не сломили.

— Меня взяли в плен под Киркуком. И я год просидел в Гуантанаме вместе с моими друзьями-офицерами. Нас пытали, выведывали сведения о подполье, куда ушла часть патриотов разведки. Мне вкалывали препараты, от которых голова становилась огромной, как земной шар, и в ней клубились кошмары, страшнее которых я ничего не знаю. Я согласился сотрудничать с американцами, как и некоторые мои друзья. Американцы завербовали нас, создали сеть диверсионно-разведывательных групп и перебросили в Сирию. Они дали нам деньги, оружие, и мы начали войну против Башара Асада. Но очень скоро мы истребили наших американских кураторов и с помощью богословов, историков и гениев разведки создали то, что теперь зовется “исламским государством”. Оно лишь отчасти дело рук человеческих. Аллах вдохнул в него свою волю, и оно непобедимо. Можно разгромить ракетами и бомбами колонну машин на дороге, но Аллах не боится ракет и бомб. Мы непобедимы, как непобедим Господь.

— Мне казалось, Фарук, что ты не отличался особой религиозностью. В наших разговорах мы никогда не касались богословских тем. Ты не ходил в мечеть.

— Моя мечеть — Гуантанамо. Туда тыходишь безбожником, а выходишь воином Аллаха. Нас всех, потерявших Родину, переживших предательство, похоронивших любимых и близких, посетило откровение. Всех разом, всех мучеников и героев. Мы преображённые люди, которым был явлен Бог. Нас миллиарды, мы населяем все континенты, и нашими смертями и подвигами сотворяется “исламское государство”.

— Но с вами воеет жестокий изощрённый Запад. Он знает все ваши слабости, все ваши уязвимые места. Он направит на вас все свои военные технологии, все ухищрения. Он перессорит вас, внедрит в ваши ряды предателей, заразит смертельными болезнями.

— Миллиарды людей на земле проснулись от сна. Им всем явился Аллах. Им всем открылось учение о божественной справедливости. И они не боятся за неё умереть. Мы не боимся умирать, а люди Запада боятся смерти. Они боятся потерять свои дворцы, бриллианты, дорогие кушанья, развратные удовольствия. Они больше не верят в бессмертие. Мы знаем, что смерти нет. Смерть — это точка преломления, через которую проходит луч света, покидая землю и попадая в рай. Так думают тысячи шахидов, которые сметут безбожный кровавый Запад.

— Я это знаю, Фарук. Это знают российские генералы, дипломаты, политики. Это знает наш президент. Мы не хотим быть союзником Запада в этой священной войне. Мы столетиями страдаем от Запада, который желает нам смерти. Меня послали к тебе высокие представители российской власти. Быть может, сам президент. Россия и “исламское государство” должны заключить договор. Мы не должны воевать друг с другом. У нас один безбожный враг, и единый Бог, взирающий на нас из лазури. Я искал тебя,

чтобы начать переговоры о прекращении военных действий. Дело наших разведок — наладить контакты и передать эти контакты политикам.

— Дорогой Леонид, я смотрю на твоё лицо, смотрю в твои глаза. Вспоминаю, как мы ели печёную рыбу на берегу Тигра, а рыбаки тянули из реки свои сети. И я не верю тебе. Ваши самолёты бомбят нас. Ваши советники воюют в войсках Башара Асада. Вы потеряли лицо, забыли о божественной справедливости. Стали жалким хвостом шелудивой американской собаки. Как и Запад, коварны, ненавидите нас, желаете нам смерти. Ты принёс мне не священные тексты, а кольт.

Заря становилась красней, в ней плавилось золото. Над пустыней летели духи света. Барханы отбрасывали зыбкие тени. Море голубело, и прибой казался лебединой стаей, которая плыла вереницей вдоль берега.

— Это не так, Фарук.

— Это так, дорогой Леонид. Ты искал меня не для того, чтобы начать переговоры о мире. Ты искал меня, чтобы убить. Но теперь тебе кольт не понадобится. Израильская разведка, к которой ты обратился за помощью, очень коварна. Ни один еврейский самолёт не взлетел с аэродрома Хайфы, и ни одна еврейская бомба не упала на “исламское государство”. А “исламское государство” не взорвало ни одной синагоги.

— Ты хочешь сказать, что Шимон Брауде рассказал тебе о нашей московской встрече?

— Израильская разведка запустила свой корень в разведку НАТО и в спецслужбы Бельгии. Брюссель не то место, где следует обсуждать с аналитиками НАТО местопребывание Фарука Низара.

— Джереми Апфельбаум рассказал тебе о нашей встрече в Бельгии?

— Тебя могли застрелить ещё в Брюсселе, на улице “красных фонарей”. Но тебя пощадил. Не хотели, чтобы тело русского разведчика было найдено в кровати у старой проститутки.

— Ты хочешь сказать, что ты контролировал мои перемещения? И мою поездку в Триполи?

— Там тебе немного помяли бока, но оставили жить.

— А в Ливане? Ты умышленно взорвал не меня, а моего друга Гассана?

— Здесь тебе повезло. Наша ячейка в Баальбеке проявила неосторожность, и произошёл взрыв. Всевышнему было угодно, чтобы ты уцелел, и поэтому мы встретились после долгой разлуки.

— А мой визит в Каир? “Братья мусульмане” — это тоже твои агенты?

— Они бы могли застрелить тебя на площади Тахрир во время общей смуты. Но они не получали такого приказа.

— Вряд ли мой друг Хабаб Забур в Газе входит в твою организацию “Меч пророка”.

— Всем мусульманам, которые восстали во имя справедливости, пророк вложил в руки свой меч. И тем, что сопровождали тебя в Багдаде и на рынке, решили передать от меня привет. И в Стамбуле, где ты не устоял перед женской красотой и получил сердечную рану. В Сирии ты решился на последнее средство, отважно передал себя в руки нашей разведки. Курт Зольде спрашивал меня, какую казнь для тебя избрать. Отсечь голову, залить её жидким стеклом и отправить в Москву? Или нарядить тебя в оранжевую тогу и сжечь в железной клетке? Я попросил не лишать нас долгожданного свидания. И вот, наконец, мы вместе.

Край неба горел. Над пустыней летели золотые лучи — предтечи солнца. Все ликовало, сверкало. Пустыня волновалась, словно под белой простыней просыпались молодые прекрасные женщины.

— Значит, я проиграл, дорогой Фарук? Меч пророка в твоей руке?

— Вы все проиграли. Над вами занесён меч пророка. Мы готовим в Москве одновременные взрывы на всех московских вокзалах. Одиннадцать электричек прибывают на вокзалы, и когда их покинут пассажиры и пойдут толпой по перрону, грохнут взрывы. Одиннадцать взрывов превратят Москву в ад. Это будет возмездием за налёты вашей авиации. Одиннадцать шахидов готовы взорвать себя, и им уже уготовано место в раю. Этот план я разрабатывал несколько месяцев. Он осуществится через неделю.

— Зачем ты мне об этом сказал, Фарук? Это ставит под угрозу всю операцию.

— Нет никакой угрозы. Ты об этом никому не скажешь. Ты будешь сейчас убит. Махмуд застрелит тебя, закопает в песок. Солнце пустыни выпьет всю влагу из твоего мёртвого тела. Ты превратишься в пергамент. В кумранский свиток, который обнаружат археологи через несколько столетий.

— Ты победил, Фарук. Исламское государство победило.

— Ты мужественный человек, Леонид. Нас связывала дружба. Хочу, чтобы ты оставил о себе память. У Махмуда есть твоя фотография. Распишись на ней.

Фарук Низар сделал знак алжирцу. Тот извлёк из кармана лист бумаги с изображением Торобова. Протянул Фаруку Низару. Тот расправил листок, положил на сиденье квадрацикла. Стал рыться в карманах в поисках авторучки.

Над кромкой песков показалось маленькое красное солнце. Лист бумаги с лицом Торобова стал красным. Море стеклянно сверкало. Лебеди в прибое были розовыми. Пустыня ликовала, светилась каждой песчинкой.

— Не ищи. Фарук. У меня есть своя авторучка. — Торобов извлёк из кармана авторучку с надписью “70 лет Победы”. Это был однозарядный пистолет с одиночной пулей, которая выстреливала после нажатия кнопки. Торобов приблизил авторучку ко лбу Фарука Низара, чуть выше его пушистых бровей, и нажал кнопку. Увидел на конце авторучки клубок огня. Пуля вошла в лоб, брызнув красными каплями. Фарук раскрыл глаза так широко, словно хотел поместить в них всё небо. Стал падать с бархана, заматываясь в белый саван песка.

Торобов услышал за спиной выстрел. Огненная боль пронзила его, прошла сквозь всё тело в голову. В голове полыхнуло и померкло.

Он все падал и падал на сухие цветы гортензии, полные снега. Видел восхищенным взором лазурное крыло взлетающей сойки. Упал, ломая сухие цветы. Утонул лицом в мягком снегу. В кармане его полушубка раздался телефонный звонок. Но Торобов не слышал звонка. Телефон звонил ещё несколько раз, а потом перестал. Торобов лежал лицом вниз, снег таял у его губ и лба. К вечеру, когда ударил лёгкий мороз, тальи́й снег у лица замёрз. Когда наутро приехали дети и подняли его, на снегу остался ледяной отпечаток лица, как стеклянная маска.